

А. Б. ЗАЛКИНД

1351

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

==

«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»

МОСКВА — 1928

Напечатано в типо-лито-
графии им. т. Воровского,
ул. Дзержинского, 18.
Главлит № А5878.
Тираж 4.000 экз.
Москва.

ОТ АВТОРА.

В основу книги положен цикл лекций, прочитанных автором в 1926 году на центральных педологических курсах при Наркомпросе. Материал же самих лекций накапливался, начиная с 1919 г., и постепенно опубликовывался в ряде докладов среди широких педагогических и врачебно-педологических кругов.

Впервые автору пришлось широко поставить этот наиболее сложный вопрос педагогики на городской конференции работников просвещения в Москве в 1921 году. После более глубокой теоретической и практической проработки проблемы в Институте коммунистического воспитания, накопленный материал был опубликован в 1923 г. в докладе на конференции опытно-показательных учреждений Наркомпроса. Тесная связь с рядом практических учреждений Соцвоса обогатила автора непосредственно-методическими указаниями применительно к советским условиям, и в 1924 г. на московской конференции работников детдомов наш доклад о половом воспитании пытался дать основные вехи по работе в этой области. Этот же материал был вслед затем опубликован в серии лекций, прочитанных автором на Ленинградской педагогической конференции. В расширенном виде он был дан в пленарном докладе на Всесоюзном съезде по охране несовершеннолетних, на курсах Цутранпроса, на инспекторских курсах Наркомпроса.

На ряду с работой в области так называемого нормального детства, по заданию Наркомпроса проблема полового воспитания была нами проработана также в практике трудного и психопатического детства. Итоги работы были опубликованы в докладе на пленуме II Всесоюзного съезда СПОН. Подкрепленные дополнительные методически-практическими данными, соображения наши были сообщены в 1926 г. на Всероссийской конференции СПОН и, в дальнейшей детализации, на Областном северо-запад-

ном съезде СПОН — в Ленинграде в 1927 г. Параллельно этому материал о половом воспитании трудных детей зачитывался в виде цикла лекций на центральных курсах работников СПОН в 1925 и 1927 гг. и на центральных курсах инспекторов Наркомпроса.

Особое, специальное внимание автора было уделено вопросу о месте полового воспитания в пионерской работе. Проработанный практический материал по этому вопросу был сообщен в лекциях на московских губкурсах пионерработников в 1925 г. и, в дальнейшей детализации, на центральных пионеркурсах в 1927 г.

Врачебно-педологическая сторона нашего научно-методического материала, помимо ряда научных конференций, была опубликована в докладах на пленумах II Всесоюзного съезда Наркомздрава по охране здоровья детей и II Всесоюзного врачебно-сексологического съезда (1925 г.) в Харькове.

Таким образом материал, предлагаемый в книге, касается всех секторов полового воспитания (нормальное детство, пионер-работа, трудное детство) и предварительно профильтрован через разнообразные и широкие круги работников педагогики и педологии, при чем профильтрован не только в теоретической, но и в практической его части, так как лег на протяжении ряда лет в основу широкой практической работы по половому воспитанию. Благодаря связи пишущего с местами, опыт практических работников в этой области был внимательно учтен, и в методические указания внесены дополнения, уточнения, а, иногда, и изменения.

Очевидно, назрела возможность литературного объединения всего этого, до сих пор разрозненного, материала. Предлагаемая книга, составленная по предложению Отдела подготовки персонала Наркомпроса, является такой первой попыткой литературного синтеза проделанной автором за минувшие годы работы в области полового воспитания. В книге, конечно, серьезно учтены и все критические замечания, адресованные нашим прежним, разрозненным литературным выступлениям по половому вопросу. Более специальные разделы полового воспитания прорабатываются автором особо, в отдельных брошюрах («половой вопрос и пионер-работа», «половой вопрос и комсомол», — см. список в конце книги).

А. З.

Январь 1928 года.

I. Место полового воспитания в общей педагогической системе.

«Ни программы ГУС'а, ни общие учебно-методические указания не дают нам век, как проводить половое воспитание», — пишет нам один из провинциальных корреспондентов. «Между тем, чрезвычайно часто именно половой вопрос оказывается камнем преткновения для осуществления самых лучших педагогических заданий». «Как связать половое воспитание со всей учебно-воспитательной работой?» Это массовый крик работников социального воспитания.

«Как нам быть со школьным флиртом, с детским кокетством, с влюбчивостью ребят, с онанизмом их, с порнографией, с вопросами на половые темы и т. д.» — таков вопль многих сотен записок и писем, адресованных нам педагогами.

«Каково место врача в области полового воспитания, каковы его права и обязанности в этой ответственной части педологии?» — спрашивают нас более вдумчивые педагоги и спрашивают не без основания, так как далеко не всегда, и далеко не все врачи знают свое действительное место в области полового воспитания. Они часто либо недоучитывают свою роль, либо чрезмерно высоко ее оценивают, а потому не доиспользуют те богатейшие ценности, которые могут быть реализованы в этой области самим педагогом.

«В какой мере можем мы опираться на западные методические указания по половому воспитанию? Достаточно ли приемлемы эти методы с общественной, советской точки зрения?» — полные здорового скептицизма, спрашивают нас наиболее квалифицированные, наиболее идейно зрелые советские педагоги. Попыткой ответа на эти первоочередные вопросы является все нижеследующее.

Основные принципы, характеризующие место полового воспитания в общей системе советской педагогики, понимаются нами следующим образом:

а) Нет особого, специального полового воспитания, оторванного от обычной учебной и воспитательной работы.

б) Нет ни одного момента учебно-воспитательной работы, где бы не включался в той или иной степени элемент полового воспитания.

в) Нет ни одного возраста детства, где в той или иной степени не учитывался бы среди других факторов воспитания также и половой фактор.

На основе этих принципов и строится вся сложная, многообразная система так называемого полового воспитания.

II. Общие научно-биологические предпосылки полового воспитания.

А. Начатки половой жизни появляются с раннего детства.

Педологические исследования последних десятилетий неопровержимо установили, что предвестники половой жизни появляются у ребенка задолго до того периода, когда он уже вполне созревает в половом отношении. Буржуазное общественное мнение встретило это открытие со злобой, считая, что те, кто находят уже у детей зародыш половой жизни, позорят детство. Ханжеская причина этой злобы ясна: половое влечение представлялось «чистой совестью» буржуазии прехом, падением, и естественно, что «чистое детство» должно было быть свободным от этого «греха». Пролетарская мысль не считает сексуальность грехом, и ханжеские «страхи» нам не свойственны, — вот почему советские педологи¹⁾, невзирая на разногласия в ряде других вопросов, не постеснялись единодушно признать этот несомненный научный факт.

Ряд педологов отмечает у детей ранний онанизм, ранний интерес к половым органам, к вопросам размножения, раннюю влюбчивость, но эти явления представляют уже болезненные отклонения от нормы. Между тем как у совершенно здоровых детей мы можем отметить ряд признаков иного, совершенно нор-

¹⁾ См. нашу статью «Послеоктябрьская литература по половому воспитанию» в журнале «Народное просвещение» 1925 г.

мального, массового характера, без всяких болезненных примесей (об этих признаках ниже).

Теоретически, ранние корни детской сексуальности вполне объяснимы. Такая древняя функция, как функция полового размножения, накапливает свои элементы в организме задолго до половой зрелости. Половая зрелость не возникает внезапно, а представляет собою результат длительного, глубокого, последовательного созревания полового рефлекса, начальные частицы которого, тем самым, отмечаются уже в раннем детстве, в первые же его месяцы. Конечно, эти начальные частицы полового чувства качественно не похожи на дальнейшее, уже созревшее содержание половой жизни, — вот почему ряд ученых долго отказывались признать их за признаки, связанные потом с сексуальностью, объясняя их происхождение другими источниками. Чрезвычайно повинен в этом длительном научном конфликте, в длительном непризнании зачатков ранней сексуальности сам проф. З. Фрейд, впервые открывший начальные этапы сексуальности, но чрезмерным преувеличением в их оценке оттолкнувший от себя подавляющую часть критически мыслящих ученых¹⁾. Лишь в последние годы, благодаря рефлексологическому подходу, удалось отфильтровать здоровую часть открытого Фрейдом материала и отместить ту их часть, которая ни теоретически, ни практически не имеет под собой основания. Ниже (в главах III и IV) мы детально остановимся на конкретных признаках, в которых проявляются эти ранние элементы грядущей половой жизни человека.

Б. Половые проявления чрезвычайно сложны и связаны со всеми процессами организма.

Организм человека является наиболее сложным животным организмом и, тем самым, наиболее сложными оказываются половые его проявления. Учения о рефлексах и о железах внутренней секреции доказали, что так называемые непосредственные половые проявления современного человека обрастают чрезвычайно сложными наслоениями и образуют сложный, своеобразный «сгусток» (комплекс явлений), в котором зачастую нет возможности отличить половой материал от внеполового.

¹⁾ О действительном месте три начальных части, будущей сексуальности — ниже, в гл. III.

На половой рефлекс наслаиваются материалы из социальной жизни, из творческих процессов, из нравственных установок и т. д. Обратное, половое тоже властно вмешивается во все эти, казалось бы, посторонние ему области человеческой жизни, пропитывая их своим содержанием и влиянием. Пример: — человек влюблен в женщину, нравящуюся ему по наружности, но чуждую ему по идейно-моральному содержанию; он преодолевает в себе эту любовь, — социальное вмешалось в половое и подчинило его себе. Другой пример: — любовь к женщине окрылила человека, вдохнула животворящую струю в его общественные, творческие стремления, и деятельность его, благодаря удачной любви, чрезвычайно обогатилась. Таких примеров сложных связей полового фактора с другими областями человеческой психофизиологии чрезвычайно много.

Причиной этой сложности полового рефлекса является, в значительной степени, также и особая, *многообразная роль половой железы*. Половая железа, помимо непосредственного обслуживания полового акта и чувственного содержания, связанного с самим половым актом, имеет, кроме того, и другие не менее важные функции. Она снабжает головной мозг химическими возбуждателями (гормоны), чрезвычайно способствующими творческой работе мозга. Она энергично заботится о качественном усилении обмена веществ, совершающегося в организме. Она поддерживает в упругом состоянии мышцы, делая их способными к более продуктивной и длительной работе и т. д., и т. д.

В частности, в переходном возрасте, когда половая железа уже в зрелом состоянии, отвлечение ее химических продуктов от половой жизни в сторону мозга имеет огромное педагогическое значение. Естественно, что, при этой сложности функций половой железы, она оказывается тесно переплетенной в своей работе с работой всех прочих желез и, вообще, всех областей организма, чем и объясняется чрезвычайная сложность половой жизни у человека.

Второй из основных причин сложности человеческой сексуальности является наличие у человека богато развитой *мозговой коры*. Чем богаче мозговая кора у животного, тем сложнее связи между различными частями тела, тем теснее переплетаются самые, казалось бы, отдаленные друг от друга и чуждые друг другу функции¹⁾.

¹⁾ См. об этом подробно в учении о рефлексах (работы Павлова, Бехтерева и их школ).

Человек обладает мозговой корой исключительного качества, исключительной сложности (по сравнению с другими животными), и это тонкое переплетение физиологических функций оказывается у него, конечно, особенно влиятельным именно в области половой жизни. Мозговая кора может получить приказ от половой железы распространить ее влияние на любую из других желез, на любой участок тела вообще, и, обратно, мозговая кора может заставить половую железу служить себе и подведомственным ей сейчас областям. Если работа мозговой коры очень часто направляется половым химизмом, то и, обратно, условные рефлекс, работы коры — оказывается тормозом, либо ускорителем, либо доброкачественным реформатором для работы половой железы.

Эта необычайная сложность половой жизни человека должна быть непрерывно учитываема при построении методов полового воспитания.

В. Решающее влияние на развитие половой жизни человека имеет окружающая социальная среда.

Половая железа человека и его мозговая кора чрезвычайно чувствительны в отношении к явлениям окружающей среды. У прочих животных наблюдается теснейшая зависимость полового возбуждения от времени года (весенние и летние «стихийные» половые взрывы). Между тем, индустриализированный, урбанизированный (живущий в городах) человек оттолкнулся от этих сезонных влияний и подчинил свою сексуальность руководству социальной среды. Этим объясняется, что в разных социальных слоях половая жизнь разворачивается по разному. Наиболее размагниченная и разгульная половая жизнь наблюдается у паразитирующих классов, наиболее сложная и скромная у классов, ведущих энергичную борьбу за свое право на жизнь. *Ну — выдох!*

Особенно резко отражаются на развитии половых проявлений отличия семейной и педагогической обстановки. Наиболее плохо педагогически поставленные детские сады и школы дают значительный процент ребят онанистов, процент, быстро понижающийся при улучшении воспитательной работы в детучреждении.

Ожесточенная классовая борьба в современных буржуазных столицах ведет к такому перенапряжению нервной системы, к такой глубокой перестройке чувствований, что один хотя бы Берлин в 1923—24 годах насчитывал около сорока тысяч гомосексуалов, т.-е. мужчин, страдающих глубоким половым из-

вращением — половым влечением к мужчине же. Человек, получающий удручившее его известие, испытывает длительное половое торможение, длительное угасание в области своих половых проявлений. Фактов, указывающих на чрезвычайную чуткость человеческой сексуальности к социальным влияниям так много, что нет возможности наметить вчерне хотя бы основные из них.

Главной причиной этой необычайной *социальной чувствительности* человеческих половых проявлений является та исключительная роль, которую играет в физиологии человека его мозговая кора и ее условные рефлексы. Условные рефлексы внедряются во все закоулки физиологических процессов человека и, в одну из первых очередей, в половые его процессы, — сами же они (условные рефлексы) являются продуктом внешних влияний, продуктом внешних раздражителей, идущих по преимуществу из окружающей человека социальной среды.

Это решающее значение *социальной среды* налагает на педагогику огромную ответственность, так как именно воспитание дает для сексуальности наиболее ранние и наиболее стойкие толчки, зачастую решающие все дальнейшие судьбы полового развития человека. Теперь становится ясной близорукость, которой страдала старая, узко-медицинская постановка полового воспитания, требовавшая лишь физкультурных, специально гигиенических и санитарно-просветительных мер и почти не обращавшая внимания на роль педагогики, на роль возвращаемых ею обильных и сложных половых условных рефлексов. Среда, воспитание создают эти условные рефлексы, и никакие физкультурно-гигиенические и узкие просветительные меры, сами по себе, не перестроят таких рефлексов, пока не будет радикально перестроена воспитавшая их социально-педагогическая среда и воспитательная работа в ней.

Г. В развитии половой жизни человека и во всех его половых проявлениях чрезвычайно серьезную роль играют переключения.

В жизни организма происходит непрерывный обмен различных химических элементов и непрерывное перемещение участков мозгового возбуждения. И. П. Павлов в своих работах об условных рефлексах часто упоминает об «очаге оптимального (наибольшего) возбуждения». А. А. Ухтомский специально изучил этот «очаг» и назвал его «доминантой», т. е. господствующим в организме состоянием.

Оказывается, что под влиянием различных раздражителей как из внешней среды, так и изнутри организма, участок наибольшего возбуждения в мозгу постоянно *перемещается*, а, вместе с ним, то более, то менее влиятельными делаются те или иные функции организма, зависящие от того или иного мозгового участка. Происходит как бы *переключение тока*, перевод энергии из одного направления в другое. Включается то один, то другой участок, соответственно потухает участок, потерявший ток.

Эта механика переключений, объясняющаяся, с одной стороны, деятельностью нервной системы (перемещения участков мозгового возбуждения), обусловленная, с другой стороны, функциями желез внутренней секреции (взаимообмен химическими элементами, построение новых химических комбинаций), имеет огромное значение для всех процессов, совещающихся в живом организме, — но особое, совершенно исключительное значение, приобретает она для половой жизни человека.

Половая функция, воспроизводящая все элементы организма в потомстве, обладает особенно чутким сродством со всеми процессами, совершающимися в организме, и этим объясняется *взаимная притягательность половой и прочих функций, взаимная их переключаемость*.

Человек с его сложной мозговой корой отличается, конечно, этой переключаемостью в совершенно исключительной степени. Фактически, вся его половая эволюция протекает по принципу непрерывного переключения энергии с полового на другие пути и, обратно, с других путей на половой. Так, ранние детские социальные симпатии могут при неблагоприятных влияниях превратиться в половые симпатии (влюбчивость), и, обратно, преждевременная влюбчивость при правильном педагогическом подходе может быть переключена на ценные общественные связи между детьми, — связи, из которых совершенно изымается половой элемент.

Переключения с полового на другие пути и обратно оказываются в педагогической практике решающими. Если дети поставлены в условия, которые тормозят проявления их самостоятельности, исследования и т. д., то остающаяся праздной их энергия может (вследствие неиспользования) *паразитически переключиться* на половые пути, и этим породится *раннее развитие и вреднейшее разбухание сексуальности*. Наоборот, дети, даже обладающие врожденно чрезмерным половым темпераментом, если рационально направлять их социальную, исследовательскую и

прочую творческую активности, переключают избыток своей сексуальности на творческие процессы; этим они не только избегают опасных последствий, связанных с чрезмерной сексуальностью, но, вместе с тем, используют эту добавочную энергию (в данном случае энергию соков половой железы) в качестве особого, ценного усилителя творческого своего развития.

Такова роль переключений в половой жизни, роль, на которой детально мы остановимся в дальнейшем при указании конкретных методов полового воспитания¹⁾.

Д. В половой жизни человека чрезвычайно крупную роль играют не только так называемые непосредственно-половые проявления, но и скрытые, как бы замаскированные, процессы, половую природу которых распознать бывает подчас очень трудно.

В физиолого-рефлексологических лабораториях проделывается следующий великолепный опыт. Собака, когда ей причиняют сильную боль (электрическим током и т. д.), не только не убегает, не протестует, но, наоборот, обнаруживает все признаки удовлетворения. Понять это явление было бы невозможно, если не знать историю его развития. Оказывается, путем целой серии длительных опытов, собаку «воспитали» таким образом, что боль делалась условным раздражителем для процесса питания, для пищевого рефлекса: собака получала пищу лишь тогда, если перед тем ей преподносилось специальное болевое раздражение. Естественно, что *боль, превратившись, таким образом, в возбуждающий сигнал для питания; связавшись с таким огромной жизненной важности процессом, в итоге оказалась лишенной значительной части своего подавляющего, тормозящего влияния. Боль вплелась в пищевой рефлекс, сделалась неотъемлемой, возбуждающей его частью, хотя непосредственного, внутри-биологического соотношения (в массовых, не экспериментальных случаях) между нормальным питанием и болевым раздражением, конечно, нет никакого.* Таким образом пищевой процесс данной собаки состоит как из частей, непосредственно связанных с питанием, так и из элемен-

¹⁾ Когда в 1922—23 годах в Государственном ученом совете пишущим был впервые у нас, по стопам психоаналитиков, предложен термин «переключение», — это встретило протест со стороны ряда педологов — «неуместно-де понятия электромеханики переносить в физиологию». Как видим, несмотря на протесты, термин чрезвычайно широко и продуктивно привился теперь.

тов, пищевая природа которых может быть распознана лишь после тщательного изучения.

В половой жизни этот сложный клубок явлений неизмеримо глубже и запутаннее, чем в какой бы то ни было иной физиологической области. Все, сказанное выше¹⁾, о сложной динамике человеческой сексуальности, о роли мозговой коры и механики переключений, заставляет чрезвычайно часто задумываться, нет ли в том или ином явлении скрытого полового стержня. Возьмем случаи истязательских драк, которыми иногда занимаются дети. Часто это бывает, конечно, обычным проявлением детской агрессивности, общей их возбудимости, любви к шумной возне и т. д., но иногда, и это не следует забывать, тяга причинять боль другому является признаком особого, своеобразного, замаскированного полового влечения, где половое удовлетворение получается в результате таких истязаний²⁾ и где, наоборот, без истязаний оно получиться не может (точно так же, собаки рефлексологов, — одна без болевого раздражения, а другая без сигнальных звонков, не прикасаются к пище, не выделяют слюны и желудочного сока, и т. д.).

Нужно отметить, что среди детей-подростков этот своеобразный замаскированный половой уклон встречается далеко нередко, и материалы ряда трудколоний и детдомов (Ленинград, Брянск, Поволжье и др.), доставленные автору, самими педагогами характеризуются как половые, так как рядом с этими данными у тех же детей-истязателей часто воспитатели находили и другие более отчетливые и непосредственные активные половые проявления (порнография, онанизм, и т. д.). Часто именно благодаря особой любви отдельных ребят к истязаниям педагоги наталкивались на первые подозрения по поводу полового неблагополучия у детей, и подозрения эти, как видим, во многом оправдывались.

Таким же образом *половой стержень* фигурирует нередко и в других проявлениях, казалось бы, никакой связи не имеющих с половой жизнью. В детских взаимных привязанностях, пропитанных особой лирической мечтательностью, скрыта иногда начальная половая влюбчивость (о которой подробнее скажем в следующей главе). Особая тяга детей трогать свои волосы, свою

¹⁾ Тезисы А, Б, В, Г.

²⁾ Этот тип полового влечения в грубом его виде называется «сэдизмом» — по имени маркиза де-Сад, впервые его описавшего по материалам собственной биографии.

кожу, сосать пальцы и губы скрывает иногда под собой половую основу, о которой и следует в таких случаях подумать во-время. Многие игры детей тоже могут иметь скрытое половое значение: езда верхом друг на друге, с'езжание вниз на столбах, на лестничных перилах и т. д. оказывается иногда, после исследования, вовсе не обычной, безобидной игрой, а косвенным или прямым раздражением половой области, почему и следует всегда внимательно проанализировать все детские игры с точки зрения их действительного содержания.

Наш тезис о наличии косвенных, как бы замаскированных половых проявлений, конечно, ни в коем случае не должен путать педагогов. Далеко не часто встречаются в обычном массовом детстве эти сложные маскировки, и проф. Фрейд, впервые указавший на них, открывший этим совершенно новую главу педологии, виновен, в то же время, в том, что чрезмерно оценил роль этих маскировок и приписал им чуть ли не все проявления детства. Однако и близорукость в этой области, недоучет половых маскировок еще более опасен, чем переоценка их. Вот почему педагог-практик обязан зорко всматриваться в материал детского поведения и тщательно расчленять его в поисках действительной основы. Ниже мы укажем детально, какова методика этого анализа и какие явления следует относить к половым, несмотря на, казалось бы, совсем не половую их видимость.

Итак, для анализа половой жизни человека, в том числе и развивающегося человека-ребенка, мы имеем пять тезисов, характеризующих в основном всю динамику человеческих половых проявлений и, поэтому, лежащих в основе полового воспитания человека. Тезисы эти следующие: 1) начальные элементы будущей половой жизни человека развиваются чрезвычайно рано; 2) половая жизнь человека чрезвычайно сложна, многообразна и охватывает все области человеческой психофизиологии, охватываясь в то же время ими; 3) в половой жизни человека решающую роль играет социальная среда; 4) в половом развитии человека и в его половых проявлениях чрезвычайно роль играет механизм переключений; 5) значительная часть половых проявлений человека имеет скрытый, как бы замаскированный характер.

В общем весь материал о половой психофизиологии человека может быть влит в эти тезисы, как в каналы,—они могут быть основными вехами для изучения всех явлений в области половой жизни человека. Лишь при наличии этих тезисов делаются

нам до конца понятными указанные в первой главе три главные практические предпосылки полового воспитания: 1) половое воспитание проводится через все возрасты; 2) половое воспитание проводится через все области учебно-воспитательной работы; 3) половое воспитание проводится через все области жизни организма.

III. Этапы полового развития растущего человека.

Типическая литература по половому воспитанию обычно начинала описывать половое развитие с момента так называемого переходного периода детства, когда половой аппарат почти полностью созревает вместе со своими вторичными признаками и когда фактически мы уже *опаздываем с рядом главных предупреждающе-воспитательных мер*, если не успели провести их заблаговременно. На самом же деле, конкретную половую эволюцию детства надо изучать, конечно, с первых же лет, иначе мы никогда не поймем, почему к переходному возрасту половая жизнь ребенка приобрела уже вполне определенные, притом чрезвычайно сложные формы.

Фрейд и его школа утверждают, что сексуальность ребенка зарождается вместе с ребенком. Слизистые оболочки и кожа ребенка обладают с первых же недель особой чувствительностью, которую Фрейд считает врожденной специально-половой чувствительностью, при чем наиболее чувствительные в половом отношении участки детского тела он называет эрогенными зонами¹⁾.

В первую очередь наиболее серьезное внимание обращает Фрейд на слизистую оболочку губ и прямой кишки, т.-е. на детские акты сосания и дефекации²⁾. Так как губы человека в дальнейшем имеют огромное половое значение (в поцелуе и т. д.), поэтому они сексуально возбудимы уже очень рано, тем как бы предуготовляя материал для позднейшего, зрелого полового чувства. Поэтому акт детского сосания содержит в себе, по Фрейду, несомненные половые элементы: ребенок в сосании получает нечто вроде полового удовлетворения.

Такое же половое значение имеет для Фрейда и слизистая оболочка прямой кишки, связанная по местоположению с частями тела, в которых сосредоточен половой аппарат, а потому

¹⁾ «Эрогенный» — от слова «Эрос» — бог любви; эрогенный — исходная база сексуальности. «Зона» — участок.

²⁾ Дефекация — опорожнение кишечника.

и отличающаяся ранней повышенной половой чувствительностью. Дети в ранние годы любят, по мнению Фрейда, долго засиживаться на горшечке, они длительно задерживают кал в прямой кишке, чтобы испытать удовольствие от эрогенного полового раздражения слизистой оболочки. Доказательство своей правоты фрейдовская школа находит в том, что дети, бывшие в раннем возрасте особенно резкими «сосунами» и «горшечниками», оказываются в дальнейшем чрезвычайными сексуалистами (любителями поцелуев и т. д.).

В этом вопросе, как и во всей своей теории половой жизни, фрейдизм, по нашему мнению, исходит во многом из ошибочных оснований. Фрейд прав, указывая, что ряд областей тела, обнаруживающих раннюю чувствительность, связывается в дальнейшем с развитием и сгущением половых проявлений. Но это вовсе не значит, что такая чувствительность искони, от рождения ребенка, является специально половой. Вполне законно, что половая функция, как очень древняя и имеющая огромное биологическое значение, свои начальные элементы развивает в самом раннем детстве. Но именно акт сосания, как наиболее близкий к самому могущественному процессу — питанию, может содержать в себе элементы наслаждения, первичное происхождение которого лежит в текущем питании, а вовсе не в грядущей сексуальности. То, что ребенок испытывает удовольствие от сосания даже и после приема пищи, вне связи с едой (сосет губки, пальчики, Белье и т. д.) тоже не является возражением против пищевого происхождения этого рефлекса — так же, как и собака рефлексологов машет хвостом, выделяет слюну и т. д. при одном раздражении током, без еды: это условный рефлекс, основным источником которого является пищевой процесс; он воспитался на пищевом рефлексе, хотя бы и вызывался в каждом отдельном случае не непосредственно пищевым раздражителем.

То, что «сосуны» в дальнейшем часто оказываются «сексуалистами», вполне возможно объяснить и без первично-эрогенного значения акта сосания. Половой рефлекс, созревающий в целом позже других рефлексов, черпает для себя материал не только из полового источника, но и из всего прочего психо-физиологического фонда ребенка. Если ребенок привык в течение ряда лет испытывать удовольствие от сосания, естественно, что к периоду, когда созревает половое чувство со всеми его положительными эмоциями, в состав этих удовольствий входит и давний, пищевого

происхождения, процесс раздражения губ: не в качестве одной из частей безусловного полового рефлекса, а в качестве *пищевого условного рефлекса*, в результате длительной «смычки»¹⁾ ставшего *половым условным рефлексом*.

Нужно отметить также, что губы, как элемент половой жизни (в акте любовного поцелуя и т. д.), исторически выделились гораздо позже самого непосредственного полового акта, акта полового сближения, и являются принадлежностью сравнительно недавнего исторического периода. Поэтому было бы более чем странно, если бы более молодой биологический навык, исторически более молодая часть половой функции развивались задолго до появления наиболее древней и решающей части. Мозговая кора, правда, дает человеческому организму особое преимущество взращивать ряд молодых навыков с чрезвычайной быстротой, но навыки эти развиваются на основе безусловных, т.-е. древних рефлексов, которые появляются до *этих навыков*, впереди их, — зрелого же безусловного полового рефлекса не существует в первые годы, — следовательно, не может быть и *специально-половых* условных рефлексов раннего детства.

Точно так же обстоит, очевидно, и с эрогенной чувствительностью прямой кишки. Дети действительно задерживаются иногда на горшечке, долго возятся с актом опорожнения кишечника, но говорит ли это о половом поведении детей? Какие дети засиживаются на горшечке? Дети малоподвижные, обычно долго углубляющиеся в один и тот же несложный акт. Эти же дети могут в другое время подолгу держать перед собой лист бумаги, не внося в него никаких изменений, подолгу болтают палочкой в небольшой лужице перед ними и т. д., одним словом, любят монотонные, малоподвижные, резко ограниченные пространством и материалом, процессы. Естественно, что и на горшечке они проявляют черты того же поведения.

Любопытно, что при перемене воспитательного подхода к таким детям, когда их заинтересовывают более разнообразными и подвижными впечатлениями, они часто в основе меняют свою манеру поведения, ликвидируют в том числе и свою симпатию к горшечку, при чем эта эволюция идет обычно на пользу ребенку. Если такого правильного педагогического подхода к детям «гор-

¹⁾ Длительная связь нескольких отдельных процессов при соответствующих условиях фиксирует их совместно и делает их устойчивым единым процессом, прочным сложным условным рефлексом.

шечникам» нет, ребенок, действительно, в дальнейшем, благодаря длительной задержке кала, получает сугубую раздражимость анальной¹⁾ зоны, превращающуюся, в связи с близостью ее к половому аппарату, при дальнейшем развитии, в половую раздражимость.

В категории «сосунов», таким же образом, оказываются дети, обычно мало тяготеющие к моторным, действенным, исследовательским, коллективным процессам, при чем эта слабость тяготений чаще всего бывает результатом неправильного педагогического подхода к детям, отсутствия вокруг ребят интересных впечатлений и занятий. Очевидно, незанятое, праздное внимание может, между прочим, сосредоточиваться по преимуществу на пищевом процессе и окружающем его удовольствии, смаковать этот процесс и фиксировать отдельные его части (сосание хотя бы) в виде особого прочного рефлекса. Естественно, что эта праздность является в дальнейшем источником самых разнообразных извращенных навыков, в том числе источником чрезмерной сексуальности, в которой избыточное раздражение губной зоны и займет подобающее ей «почетное» положение, тем более, что губы и половой рефлекс в позднейших стадиях половой зрелости находятся в тесной связи.

Однако, такой эрогенной зоной может в течение детского развития оказаться, по законам учения об условных рефлексах, любой другой участок тела, связанный воспитанием с половой областью. Так же, как «святая» собака рефлексологов²⁾ реагирует пищевой реакцией на болевое раздражение, точно так же может на боль (порку) реагировать половым рефлексом такой ребенок, которого часто приводили сечением по ягодицам в состояние полового возбуждения (приливом крови к тазовым органам). Болевое раздражение ягодиц вызывает у него отныне половой рефлекс, а в дальнейшем зачастую создается и особое половое извращение, когда полового возбуждения не наступает, если нет предварительного сечения. Кожа ягодиц, болевые ее нервы сделались, как мы видим, тоже эрогенными участками. Такими же эрогенными зонами могут оказаться и наше обоняние и слух и пр.,

¹⁾ Anus — задний проход.

²⁾ Полное сходство со «святыми мучениками», испытывавшими «наслаждение» при истязаниях их палачами: тот же условный рефлекс, но лишь более сложный.

если с ними прочно и длительно связываются половые наши возбуждения (запах сена, духов, шум моря, луна и т. д.).

Почему же губы и, отчасти, прямая кишка становятся чаще всего именно в раннем детстве источником такого обильного раздражения, которое потом особенно легко вплетается в зрелое половое чувство? Во-первых, потому, что это наиболее простые, легко и часто используемые участки детского тела, связанные с основными жизненными функциями; во-вторых, отчасти потому, что в тех случаях, когда у детей действительно слишком рано замечаются признаки общего полового развития, одним из спутников последнего являются, в частности, губы — их обостренная половая чувствительность. Нужно учесть также, что губы, кожа ягодиц и т. д. делаются часто эрогенными участками еще и по вине бестолковых родителей: «нежными» и «страстными» поцелуями в различные участки детского тела они преждевременно возбуждают чувствительность этих участков, обостряют детскую осязательную чувствительность вообще и делают ее обильным источником для преждевременного пробуждения сексуальности. Так как при половом созревании эти участки действительно начинают играть определенную половую роль (в поцелуях, касании и т. д.), естественно, что преждевременное их раздражение оказывает возбуждающее влияние на всю половую жизнь в целом.

Итак мы отрицаем непосредственную сексуальность в ранние периоды детства¹⁾. Но значит ли это, что в ранние периоды детства мы не имеем материалов, являющихся источником для дальнейшего полового развития ребенка? Наоборот, как мы видели, таким материалом для дальнейшей сексуальности может явиться очень многое в психофизиологии раннего детства. Вот почему ни один период детского развития не безразличен с точки зрения полового воспитания. В созревающую половую жизнь вплетаются с первых же дней после рождения самые разнообразные участки тела, ощущения, навыки, и зрелая половая жизнь получит в дальнейшем для себя тот или иной материал в определенной зависимости от того, как были направлены с первых же дней общие и специальные педагогические влияния.

¹⁾ Пищуший прежде полагал, что в раннем детстве в губной и прочих «зонах» может все же содержаться частично и незначительный первичный половой раздражитель. Материалы наблюдений последних лет и рефлексологический анализ сексуальности убеждают меня в том, что такое предположение не обосновано.

Ребенок, поставленный в положение праздности и малоподвижности, разовьет у себя «губную зону» и пр. и окажется кандидатом в гиперсексуалы ¹⁾, так как *чрезмерная половая активность питается чаще всего из неиспользованной энергии других областей тела, остающихся в праздности*. Вне сомнения, повышенная «эрогенность» детства и переоценка сексуальности у Фрейда объясняется, в основе, тем, что он строил свои главные выводы на материале развинченной, развращенной и бездельничающей австрийской буржуазии ²⁾, сексуальность которой, конечно, ничуть не типична для других социальных слоев, особенно для рабочего класса и крестьянства.

Итак, очевидно, весь психофизиологический материал детства постепенно эволюционирует в сторону сексуальности и либо вливается, в дальнейшем, в нее непосредственно, либо так или иначе связывается с нею. Поэтому для полового воспитания совершенно исключительную роль играют основные этапы, через которые проходит развитие этого материала еще до того, когда он уже принимает специально-половое направление.

Первый период развития детства, длительность которого может быть различна в зависимости как от наследственных причин, так и от воспитания, характеризуется преимущественно сосредоточением ребенка на процессах, непосредственно связанных с его телом. Естественно, что Фрейду это дало право назвать первый период детства стадией аутоэротизма ³⁾, так как он в центре всего детского развития ставил половую жизнь ребенка: аутоэротизм — сосредоточение детской сексуальности на ощущениях, идущих от собственного тела ребенка. Так как для нас первичная детская сексуальность не доказана, очевидно, «аутоэротический» период является периодом аутоэротизма, т. е. периодом, когда основной интерес ребенка сосредоточен на ощущениях собственного тела (без отношения к тому, сексуальной ли природы эти ощущения или нет). Ребенок интересуется своими конечностями, туловищем и т. д., осязательными, двигательными, температурными ощущениями, идущими от тела к сознанию, и в этом сосредоточении на участках собственного тела лежит

¹⁾ Гиперсексуал — человек с избыточной половой возбудимостью. Гипосексуал — с пониженной половой возбудимостью.

²⁾ Фрейд — венский ученый.

³⁾ Аутоэротизм — из двух слов: «ауто» и «эротизм». Ауто значит — себя, в себя.

основной источник, откуда следует черпать указания для разумного направления дальнейшего полового развития.

Если материалов для разряда двигательной активности, для общей осязательной любознательности и т. д. ребенок в окружающей среде не находит, его аутоэротические тяготения постепенно приковываются к немногим, избранным участкам (губы, волосы, задний проход и пр.) и начинают играть узко-специализированную роль, что является переходным этапом к чрезмерной половой возбудимости в дальнейшем. Наоборот, при благоприятной обстановке, «самочувствительность» ребенка упорядоченно, соответственно нуждам, распределяется по подходящим участкам, и дальнейшая сексуальность ребенка не получает избыточного питания, получает лишь тот материал и в таком его оформлении, которые действительно необходимы для здоровья и творчества.

Таким образом, период аутоэротизма — это не аутоэротический период. Он делается аутоэротическим лишь в болезненных случаях, преимущественно по вине неразумного воспитания и вредной обстановки, суживающих размах общего развития детской активности.

Второй период детского развития, на который методике полового воспитания следует обратить внимание, это период, названный Фрейдом бисексуальным, мы же именуем его периодом растущих социальных связей ребенка, «социоконтактным» ¹⁾ периодом. Так как для Фрейда вся жизнь растущего ребенка пропитана в основе половым стержнем, естественно, что и период развивающихся детских социальных связей он окрасил в сплошной половой цвет. Дети, по мнению Фрейда, начинают испытывать в этот период половое влечение друг к другу (а иногда и к взрослым), и в этом отличие от первого периода, когда половое влечение сосредоточено на самом ребенке, когда оно не выходит из границ его собственного тела. Но в отличие от следующего периода, вполне зрелого и оформленного полового влечения к «противоположному» полу, Фрейд назвал этот период бисексуальным (период двойной сексуальности), когда ясного влечения к другому полу еще нет, когда еще вообще нет чувственного полового тяготения, а половое стремление выражается лишь в эмоциях любовно-половой привязанности, ревности, обожания, при чем

¹⁾ Рефлексом социального контакта (контакт — соединение, связь) я назвал в книге «Очерки культуры революционного времени» рефлекс общественной связи между людьми.

эмоции эти могут быть *одинаково* направлены как на свой пол, так и на «противоположный».

Очевидно, как и в учете первого периода, Фрейд ошибается в подходе ко второму периоду. Период усиления социальных тяготений и симпатий детства, он считает стадией начинающейся влюбчивости. Вполне возможно, что в той социальной среде, в которой Фрейд накапливал свой основной педологический материал, обстановка была настолько неблагоприятна для здоровых, действенно-творческих детских общественных связей, что *ребячья социальность преждевременно вырождалась в сексуальность*: индивидуализм буржуазной среды, обеспеченность, избалованность, праздность, завистливость, — все это плохая почва для нормальной детской общности. Естественно, что в таких социально-семейных условиях взамен деловой, творческой дружбы между родителями и детьми и детей между собою у ребенка развивается бешеная «ревность» к одному из родителей, или столь же «бешеная» влюбленность, ревность и пр. по отношению к тому либо иному товарищу, подруге. Как в первый период, здоровая «самочувствительность», судорожно сдвленная и переброшенная на узкие участки, оказывается источником для полового питания, так и здесь — здоровая социальность, не находя для себя русла, уродуется и преждевременно принимает половое направление.

Неправильное понимание педагогического значения этого периода приводит к очень тяжелым последствиям в области половой жизни. Дети не только могут извратить основное направление своего социального развития, но могут, кроме того, затормозиться, приостановиться в области приобретения здоровых социальных навыков вообще, могут длительно углубиться в *изживание первого периода*, сосредоточиться на элементарных ощущениях, доставляемых телом, и обнаружить серьезные дефекты в общем своем творческом развитии. Из таких социально заторможенных ребят черпаются часто кадры наиболее упорных онаристов, наиболее глубоко извращенных в половом отношении садистов и т. д.

Но этого еще мало. *Приостановка или искривление процесса социального роста оказывается губительным для дальнейшего развития любовно-половых переживаний*. Часто у современных «цивилизованных» людей разрыв между любовью и чувственностью, физиологическая оголенность полового влечения, неспособность любить глубоко и прочно — оказывается результатом *разрыва*

в цепи социальных связей второго периода детства, когда, взамен накопления насыщенных и ценных общественных навыков, ребенок либо переключает основное внимание на собственную особу, либо искажает сердцевину социальности, наполняя ее половым содержанием. Очевидно, в стадии зрелого полового чувства, когда половая любовь человека, формирующаяся из всего его предшествующего социального фонда, в этом фонде не находит для себя полноценного материала, она искажается, урезается, уплощается, что и является источником огромных бедствий в современных любовно-половых отношениях.

Если мы хотим здорового любовно-полового синтеза у взрослого человека, центром нашего полового воспитания должно быть создание здоровых, прочных, полноценных социальных связей и навыков у детей. Этим мы избежим и чрезмерного затягивания «аутосензорного» периода и разрыва в системе любовно-половых переживаний периода половой зрелости.

Третий период детства мы бы назвали этапом *социально-биологического созревания* ребенка, — созревания, характеризующего как его социальные установки, так и биологические процессы, в том числе и процессы половой жизни.

Не надо думать, будто этот период механически приходит вслед за вторым сразу, на все 100 процентов его заменяя и оттесняя. Процесс протекает, конечно, диалектически, так же, как диалектически развиваются и первые два периода, вовсе не механически оттесняясь один другим. Во второй период частично проникают элементы первого периода, далеко еще не изжитые, органически взаимно сплетаясь, точно так же и в третий период входят элементы второго с остатками неизжитого первого. Элементы третьего периода, вместе с тем, не вырастают, конечно, внезапно, а постепенно дают себя знать еще и в конце второго периода, — в разной степени интенсивности.

Период «социально-биологического созревания», т. е. и полового созревания, далеко не сразу дает себя знать в виде оформленного чувственно-любовного влечения к другому полу. Процесс социально-биологического полового синтеза развивается постепенно, на протяжении ряда лет, и дает себя знать своими предвестниками задолго до стадии окончательного оформления полового чувства. Первыми признаками этого процесса, однако, вовсе не является возникновение и рост обычного, непосредственного полового влечения. В норме этого не бывает. Усиление секреции

половой железы к переходному периоду выражается, субъективно и объективно, у детей в целой серии сложных изменений личности и поведения ¹⁾, и лишь через ряд лет это сказывается в специально-половых проявлениях ребят-подростков. Поэтому не удивительно, что элементы зрелой половой активности отсутствуют (в норме, повторяем) и в годы переходного возраста.

Незаметно, исподволь включаются лишь между детьми начальные элементы половой застенчивости, иногда кокетства, слегка повышенного интереса к другому полу, изредка даже проявления своеобразного полового антагонизма («классовая борьба мальчиков и девочек», как иногда в шутку называют это явление педагоги). Эти явления проникают во взаимоотношения детей тем раньше и тем резче, чем хуже налажены общественные и творчески-действенные взаимоотношения ребят. Нормальное же их развитие таково, что, в общем, в здоровой массе своей, школьный возраст до конца (16—18 лет) не должен испытывать грубых трений от проникновения в жизнь детей непосредственного полового элемента. Может появиться слегка повышенный интерес к отдельным представителям другого пола, могут начаться отдельные изменения в социальном поведении, обусловленные включением полового момента в содержание личности (у одних—задор, самодемонстрация, «завоевательские» тяготения, у других—застенчивость, мечтательность, кокетливость), но на фоне ярких и активных общественных связей эти частицы поведения расплываются и не играют обычно большой роли в развитии детских отношений.

Однако, так как достаточно часто общественно-действенная сторона коллективной детской жизни бывает налажена неудовлетворительно, — в таких условиях половой элемент прорывается в быт ребят резче, грубее, быстрее, и, педагогически, процесс этот требует чрезвычайного, неусыпного внимания.

В обычные социальные связи начинает вплетаться элемент влюбленности, увлечения. Этическая, социально-творческая, товарищеская сторона отношений детей начинает отесняться иными интересами и действиями: любовно-лирический оттенок вместо обычной дружбы, стремление специально, по-особому, по-новому привлечь к себе, привязать, заинтересовать, «пленить»; у других детей на этой почве возникает какой-то страх перед новой сто-

¹⁾ Об этом ниже подробно.

роной человеческих отношений, повышенная защитная реакция и на этой почве самоугрызения, усиление замкнутости, тоскливость (обычно это замечается у тех ребят, кому в семье и широком быту прививались мысли о «греховности» половой жизни). Появляется иногда и своеобразный антагонизм у детей различных полов: новый элемент переживаний и поведения воспринимается ими как грубое, враждебное начало, чем-то опасное для их независимости и спокойствия. На этой почве почти стихийно возникает мобилизация враждебных лагерей, выжидательно, напряженно вглядывающихся друг в друга, всегда готовых как к защите, так и к нападению. Иногда эта инстинктивная «половая» мобилизация захватывает целые классы (группы), если руководящее ядро их развивается в половом отношении не совсем нормально, но обычно подобная «воинственность» проявляется сравнительно небольшими коллективами, связанными особыми, специфически своими интересами, что заставляет их организовываться по-особому и в половом вопросе.

Бывает и хуже. В далеко зашедших случаях отдельные ребята могут вносить и элементы более грубого полового поведения в отношениях своих к другому полу, особенно мальчики. Попытки ближе сесть к девочке, прижаться, даже обнять, иногда притискивание ее к стене, таскание за косу, щипки (оттенок ребячьего садизма), даже попытки поцеловать и более грубые домогательства, вплоть до открытого призыва к половому акту, все это в единичных случаях также возможно и требует, конечно, специальных мер ¹⁾. Но, в общем, на основании опыта многих десятков обследованных автором учреждений, можно определенно и твердо высказать, что из рамок незначительного, начального, очень интимного полового оттенка дети в течение всего школьного возраста выходят лишь при наличии неблагоприятных социально-педагогических условий, о которых скажем подробнее в следующих главах.

Таким образом третий этап детского развития разворачивается в школе чрезвычайно разнообразно. Чем дольше затягивался первый этап и чем хуже протекал второй, тем раньше, резче, грубее разворачивается третий и тем, конечно, больше вреда и хлопот причиняет ребенок такого типа детскому коллективу и всему учреждению.

¹⁾ О методике подробно в след. главах.

Длительность каждого из указанных нами этапов бывает самой разнообразной, особенно первого и второго. Возрастные рамки играют здесь гораздо меньшую роль, чем фактические объективные проявления в поведении детей. Некоторые ребята и в 16—18 лет при глубоком, всестороннем общем развитии могут обнаружить черты чрезвычайно мягких, интимных элементов в половом поведении, другие же, не худшие в общем отношении, сексуально могут выявиться на несколько лет раньше и резче, и обратно, далеко не лучшие ребята могут обнаружить как более раннее, так и позднее непосредственно-половое поведение.

Но, как правило, можно фиксировать положение, что половые элементы грубо вмешиваются в жизнь школы лишь у тех детей и в такой обстановке, где для этого существовали неблагоприятные предпосылки.

IV. Основные пути половой активности детства.

Итак, мы видели, что элементы, требующие зоркого учета с точки зрения полового воспитания, содержатся в избытке во всех возрастах детства. Игнорирование этих элементов, как будто бы не половых, будто бы безразличных для половой жизни, неминуемо отразится самым губительным образом на всем половом развитии детей, исказив его содержание и направление. Каковы же вообще те пути, по которым может развиваться половая активность детей как в ее первоначальных, *дополовых* элементах, так и в стадии полового созревания?

Так или иначе направив все детское развитие во всем его психофизиологическом содержании, мы создаем определенное направление и для половой жизни. В зависимости от наших педагогических мер и от влияния среды вообще, половая жизнь может быть направлена по одному из трех путей, при чем возможны, конечно, самые разнообразные варианты, где пути эти перекрещиваются, комбинируются, смешиваются в разной степени. Пути эти таковы: 1) *путь уплощения половых проявлений*; 2) *путь извращенного переключения половых проявлений*; 3) *путь творческих переключений и здорового полового синтеза*.

Организм человека содержит в себе огромные биологические богатства, необычайно обширные залежи энергии. Железы внутренней секреции, нервные стволы, головной мозг, все ткани тела заряжены этой энергией, которая распределяется под влиянием

внешних и внутренних раздражителей по различным участкам организма, по разным его функциям. Если организм при рождении снабжен по наследству известным запасом энергии, то от среды зависит пополнить или недоиспользовать этот запас и, кроме того, направить его по тем или иным более или менее ценным путям.

Если у развивающегося человека в процессе воспитания не вырабатывается объединяющего жизненного целеустремления, если в среде не создается раздражителей для выработки у человека сложных и ярких интересов, навыков борьбы, способности к сопротивлению, к напряженному действию, — энергия организма протекает тогда по линии наименьшего сопротивления, не получает толчков для сложных зарядов и разрядов, вяло переключается, и в итоге создается уплощенный тип личности, с уплощением и в области половых ее проявлений.

Представим себе ребенка, над воспитанием которого не задумываются: лишь бы полегче, лишь бы не возиться с ним, лишь бы не кричал, не шумел, — одним словом, «педагогическая тактика по линии наименьшего сопротивления». — «Пусть делает, что хочет, только бы не очень вредил себе и не мешал другим». Такой ребенок может подолгу лежать в постельке, молча посасывая губки, пальчики, колечко; тихонько переворачиваясь с боку на бок. Интерес его к собственной коже, к волосам и прочим участкам, касание которых доставляет приятные осязательные, тепловые и прочие ощущения, долго не иссякает, но, вместе с тем, медленно, вяло разворачиваются тогда его социальные, действительные, исследовательские установки, так как, благодаря легко получаемому «аутосензорному» удовольствию, он не испытывает *особой нужды* в перемене положения, обстоятельств и своего поведения в целом. Первый этап затягивается надолго, второй приходит с опозданием при небогатом и мало настойчивом материале, и, в итоге, к стадии полового созревания, мы получаем уплощенную во всех отношениях личность с уплощенной сексуальностью, без способности к сложным переживаниям, к гибкой и настойчивой борьбе. Подросток такого типа ограничит свои любовные переживания вялыми, тусклыми, нереальными мечтаниями, лишенными действительного порыва, при соответствующих условиях начнет заниматься онанизмом, внося в этот болезненный процесс черты все той же монотонности, того же вялого социального бездействия, т.-е. не будет искать реального любовного

объекта, так как собственное «я» — основа его сексуальности. Даже влюбляясь, будет тускло, без порыва презить, — при неудаче так же вяло пилить себя, ныть, жаловаться на несправедливость и т. д.

Таков уплощенный тип сексуальных проявлений, принявших в своем развитии именно такое направление, благодаря уплощающей педагогической тактике «наименьшего сопротивления». Характерно, что ничего непреодолимого в этом уплощении сексуальности нет, так как при перестройке педагогического подхода, когда дети отрываются от этого дешевого «аутосензорного» излишества, изменяется в дальнейшем и общий тип их личности, и тип половых их проявлений.

Каков же этот, *не уплощенный* тип сексуального развития? Он может быть *либо положительным, либо отрицательным.*

Педагоги, врачи, родители часто отмечали, что дети особенно сильно сосут свои пальчики и, вообще, особенно интенсивно заняты ощущениями из своего тельца тогда, если у них налицо обстановка, располагающая к бездействию, либо то или иное неблагополучие. Не только скучающие, но и недовольные чем-то дети особенно расположены к извлечению из ощущений собственного тела некоторого «возмещения», как бы этим исправляя «несправедливость» к ним со стороны окружающей среды. Стоит поднести к их кровати другого ребенка, дать им интересную, яркую, звучную игрушку, накормить их, если они голодны, переменить простынку, если они мокры, закутать, если холодно, — и сосанье на довольно долгий срок прекращается.

Как мы говорили, «аутосензорный» период обычно затягивается у детей именно потому, что они, недополучая нужных «возмещений» из окружающей среды, ищут их в ощущениях, идущих от собственного тела. В раннем детстве — это сосанье и прочее, в более позднем возрасте — это вялое, мечтательное самозамыкание и т. д. К чему это ведет при тактике «наименьшего сопротивления», «педагогического легкоделия» (что одно и то же), мы уже видели выше: к уплощению личности. Но бывает и другая тактика.

Родители, педагоги пытаются иногда *бороться* с этими детскими, аутосензорными установками. Они пытаются иногда вполне сознательно, иногда и несознательно, «активно» воспитывать ребенка. Но влияния их бывают подчас довольно плохого качества. Ребенок, положим, тянется к товарищам для совместных игр,

его же заставляют гулять со скучнейшей нянькой или теткой. Его тянет копать в песке, в стружках, в щепках, ему же тычут чинные игрушки, аккуратную бумагу и т. д. Направляют как будто на деятельность (в отличие от педагогики «первого» типа), но эта деятельность отвратна, как видим, нашему ребенку. Погружаться же в себя ребенку тоже не дают — с сосаньем его, лежанием, бездельем всячески энергично борются.

Если энергия ребенка в первом случае не получала никаких внешних толчков и вяло, лениво расплывалась по организму, здесь она, правда, получает как толчки, так и препятствия, но и толчки и препятствия направляют ее по нецелесообразным путям. *Создается извращенное переключение энергии.*

Мы в практике сталкиваемся со случаями, когда дети, занимавшиеся онанизмом, прекращают его после пугающих раз'яснений, строгих запретов и т. д. и, однако, не только не улучшают своего нервного состояния после этого, но, наоборот, иногда даже резко ухудшают его. В чем тут дело? А в том, что *одних запретов, торможений, препятствий для творческих переключений энергии совершенно недостаточно.* Если детское внутреннее возбуждение, не находя себе в прошлом приложения, отыскало для себя нецелесообразный выход в виде онанизма, то одним закрытием этого выхода никак нельзя ограничиться. Надо найти и другие пути — социальные, действенные, яркие, куда и следует включить освободившуюся детскую активность, иначе она, *не находя себе полезного пути, прорвется по вредным, опасным направлениям, извращенно переключится.* Это и случилось с нашим онанистом, ухудшившим свою нервность после пугающих раз'яснений, кроме которых ничего нового ему не было дано. Вместо онанизма — усиление возбуждения, обострение пугливости, ухудшение сна и т. д. Конечно, онанизм плох, но и такой результат — не лучше. Требуется, очевидно, иная тактика.

То же явление наблюдается и в более раннем детстве, когда, не давая разумного, нужного выхода детской активности, вместе с тем мешают «аутосензорным» процессам ребенка: связывают ручки, мажут их горчицей, шлепают по губам, пальцам и т. д. Очевидно, и тут активности детской деваться некуда. Во-вне среда не открыла должных путей, внутрь направить их мешают «педагогические запреты». Куда же может выливаться непримененная никуда детская возбудимость? Очевидно, тоже по извращенным путям. И, действительно, такие дети начинают проявлять черты

повышенной возбудимости, обостренную болевую чувствительность, усиленную раздражительность, несдержанность и т. п., и все это за счет излишка возбуждения, не нашедшего для себя ценного приложения: *опять извращенное переключение.*

Тот же процесс развернется и у нашего вялого мечтателя, и у нормально влюбленного подростка, и у ребенка драчуна, если мы примем меры лишь по обузданию нежелательных их проявлений. Нравится ли нам, либо нет своеобразная активность этих детей, это один вопрос, но создание для нее тупика — это не решение, а усложнение вопроса. *Лишь при создании иных, более ярких и увлекательных для ребенка путей, которые и привлекут к себе все виды детской активности, можем мы избежать извращенного переключения детской энергии, т.-е. извращенных переключений в половой области.*

В истории детского развития мы наталкиваемся на два типа извращенных переключений энергии. Один тип можно бы назвать *иррадирующим*, когда неиспользованная и уродливо переключенная энергия не привлекается к одному специальному участку, а как бы разбрызгивается беспорядочно по всему организму, увеличивая сумму его общего возбуждения. Так, детям, которым запрещают заманчивое для них и в то же время не дают иных выходов для их активности, часто приходится испытывать именно этот тип переключения: они становятся озлобленными, беспокойными, несдержанными, болевая и общая чувствительность их обостряется, утомляемость увеличивается — они проявляют все симптомы повышенной общей иррадиации.

Второй тип можно назвать типом *паразитического* переключения, когда оставшаяся неиспользованной энергия не распыляется повсюду, но притекает более или менее обособленно к определенной, специальной области, насыщая ее избыточной чувствительностью, выделяя ее среди других чрезмерной напряженностью и значимостью. Области эти как бы разбухают паразитически, питаясь за счет не им принадлежащей энергии, приобретая обычно им несвойственную сгущенность и силу.

Так, за счет бездействующей энергии у праздных людей часто развивается особое паразитическое переключение в области пищевых стремлений, вырастает особая тяга к обжорству, к чрезмерно обильному, богатому вкусовым разнообразием питанию. Вокруг аппарата питания, вокруг тех частей нервной системы, которые специально связаны с процессами питания (вкусовые, обо-

нительные и прочие анализаторы), сосредоточивается необычайно много возбуждения, благодаря чему эти области приобретают совершенно невиданную в норме остроту чувствительности. Таким же паразитическим переключением является и перевод бездействующей энергии многих скверно воспитываемых детей на половые пути. В связи с этим половые процессы, питающиеся чрезмерной, не им принадлежащей силой, паразитически сгущаются и начинают играть совершенно исключительную роль, иногда даже с раннего детства, если все толчки среды (старания гувернанток и нянь, заражающие примеры вокруг и т. д.) были направлены именно на раннее пробуждение сексуальности. Таким же паразитическим переключением является часто встречающаяся детская агрессивность, усиленная драчливость ребят, или авантюрно-бандитский уклон их. Явления эти создаются в результате отсутствия здоровых выходов для их активности — двигательной, социальной и т. д., которая и прорывается на уродливые пути.

Таковы два основных типа извращенного переключения энергии. Типы эти чрезвычайно часто встречаются в педагогической практике и должны быть зорко учитываемы при половом воспитании, так как в области своих половых проявлений они создают массу сложнейших воспитательных трудностей. Оба типа, как иррадирующее переключение, так и паразитическое переключение, встречаются, в общем, одинаково часто, но методика влияния на них должна быть разной, что мы и увидим в дальнейшем изложении.

Итак, первые два описанные нами направления, по которым может развиваться детская личность в целом и в половых ее проявлениях, принадлежат к категории отрицательных: ни *уплощение личности* и ее любовных установок, ни *извращенное переключение* ее энергетического богатства не являются, конечно, идеалом педагогики. Третье направление для психофизиологического развития ребенка является единственно желательным: *путь творческого переключения и полноценного социально-биологического синтеза, т.-е. и полового синтеза.* Каков этот путь?

В механике, особенно в электромеханике, давно используется система переключения той или иной стихийной энергии на полезные технические процессы. Уловлена и технически «канализована»¹⁾, например, энергия падающей воды (на водопадах,

¹⁾ Канализировать — направить по полезным каналам; выражение, равноценное понятию — полезное переключение.

в горных речках и т. д.), снабжающая по турбинам своей силой мощные производственно-технические установки. Все мы знаем, какую огромную техническую пользу для электрификации ряда крупнейших предприятий Северной Америки приносит переключение двигательной энергии Ниагарского водопада. Эта полезная канализация энергетических средств, это творческое переключение прежде неорганизованных, стихийных сил имеет, оказывается, колоссальное значение не только в технике человека, но и в его психофизиологии.

В чем, по основному своему существу, заключается вся наша педагогическая работа в целом и в ее частях? В конечном итоге она именно и сводится к *организации правильных, ценных переключений энергии, беспорядочно вначале разбросанной по детскому организму*. Все детские стремления, влечения, желания, вся активность детства, в процессе воспитания, постепенно вливаются в жизненно ценные каналы, упорядочиваются в своих проявлениях и начинают служить целям жизненного приспособления и творчества. Все то, что при стихийном, беспорядочном использовании приносило вред, вызывало внутренние и внешние осложнения, все это *умело канализуется и питает полезные целевые установки детства*.

Маленькие дети любят касаться своей кожей предметов, любят прикосновения к своей коже. Давайте же им такие предметы, которые, кроме материала для сосанья (а лучше бы вовсе этого «сосательного» материала не давать, особенно в более поздние месяцы), содержат в себе еще и яркие, привлекательные для них зрительные и звуковые раздражители (соответствующие краски, звучания и т. д.). В таких предметах они получают не только осязательные восприятия, они не застрянут поэтому на одном лишь осязании, легко переходящем в сосанье, но то же осязание окажется источником для возникновения и других интересов, других занятий. Ребенок не только осязает такую игрушку, он ее рассматривает, слушает, постепенно отходит от одного только осязания, активность осязания *переключается* на зрение, слух — впечатления и действия ребенка становятся более богатыми, более полезными для его развития.

При таких условиях, постепенно все более совершенствующихся, ребенок не застрянет долго на аутосенсорной стадии, не превратит свои губы в фрейдовскую сгущенную эрогенную зону, а тесно свяжется с окружающим миром, с социальностью, т.-е.

во-время и правильно развернет все те черты, от которых зависит основное его половое благополучие в дальнейшем.

Все виды детских эмоций, детской активности, детских желаний и влечений могут быть при нужде подвергнуты творческим переключениям. Дети рвут книги, уничтожают домашнюю утварь, взламывают родительские ящики, технические аппараты, — всю эту вандальскую работу, под которой лежит вполне здоровая основа, можно творчески переключить, найдя лишь для нее полезное целевое применение и соответствующий действенно-игровой и исследовательский материал. Драчливость детей может быть извращенным выражением повышенной потребности их в усиленных движениях, в актах преодоления препятствий и, правильно переключая именно на эти установки, мы часто избавляем школу от наиболее злостных драчунов.

Особенно сложная и ответственная, а по результатам своим решающая работа по творческому переключению должна развертываться в течение переходного периода. В это время особенно активны и сложны бывают детские стремления, особенно сильно уклоняются они в сторону конфликтов и путаницы, особенно часто благодаря этому извращенные переключения при неблагоприятных воспитательных условиях.

Таковы три основных направления, по которым может развертываться энергия растущего детского организма; направления, та или иная комбинация которых является решающей для развития половой жизни человека. Трагизм половых переживаний подавляющего большинства подростков в современных городах обусловлен тем, что как до переходного возраста, так и в переходный период основные установки их были направлены в сторону первого и, главным образом, второго путей. Обычно неблагоприятная окружающая среда и, чаще всего, не вполне разумные педагогические влияния углубляют ребенка в себя больше и дольше, чем это творчески требуется. Здоровые социальные влечения, активная социальная романтика (нежная, героическая дружба детей) рано окрашиваются в половые тона, — чувственные силы ребенка, лишённые сдерживающей и активной социальной основы, оголяются, разнуздываются. В то же время обывательская среда, воспитавшая эти изъяны, их же и преследует самым жестоким этическим образом («преж», разврат, позор»), создавая у запутавшихся в половом клубке детей сложные самоутрызенья, бегство от реальности, подавленность, фантастические построения, — вредные, извращенные переключения.

Неудивительно, что переходный период детства, столь богатый ценнейшими творчески-педагогическими возможностями¹⁾, в результате подобных уродующих воздействий оказывается заполненным этической трагедией, половыми конфликтами и невротами. Как этого избежать, увидим в методической части брошюры.

V. Основные признаки болезненных отклонений в половом поведении детей.

Ни в коем случае не следует считать уродством, болезнью ранние детские половые проявления в том или ином возрасте, если они безобидны, не выходят из пределов нормы и если они не мешают ни ребенку, ни коллективу, ни всей педагогической работе. Самым опасным, самым безрассудным в половом воспитании было бы суровое, безрадостно-аскетическое отношение к тем начальным хрупким, интимным частицам любовных переживаний, которые разворачиваются в процессе детского развития, тем более, что правильный подход к этим начальным половым этапам может использовать их, путем творческих переключений, на ценнейшую педагогическую работу.

Однако тем более внимательно и осторожно должны мы относиться к половым проявлениям, переходящим нормальные границы: они требуют настойчивого педагогического вмешательства. Как же распознать, перейдена ли в данном случае граница нормы? Каковы признаки болезненных половых отклонений детства?

Основное, центральное отклонение, с которым приходится считаться в детской жизни,—отклонение, являющееся базой для всех прочих половых ненормальностей детства, это *гиперсексуальность*, чрезмерная насыщенность половой жизни, избыток внимания и энергии, сосредоточенных вокруг половой области. Все прочие отклонения, какую бы форму они ни получали, являются, с педагогической точки зрения, лишь производными частностями на этом общем фоне гиперсексуальности и представляют интерес именно как проявления гиперсексуальности, так как берут у детей слишком много социально-творческого и общефизиологического напряжения. Все бедствия гиперсексуальности заключаются именно в том, что малейшая психофизиологическая ак-

¹⁾ См. ниже гл. IX.

тивность, прикованная к половому участку (половая доминанта), отнимает яркость и силу у прочих участков и, вместе с тем, оказывается притягивающей (как бы магнитной) основой, вовлекающей в свою орбиту всякие другие детские интересы, окрашивая их в густые половые тона. Таков закон всякой доминанты¹⁾, таковы, в особенности, законы половой доминанты человека, связанной неразрывными и чрезвычайно влиятельными путями со всем его психофизиологическим содержанием.

Об огромном физиологическом значении половой доминанты даже у такого нервно несложного животного, каким является лягушка, убедительные разъяснения дает следующий опыт Ухтомского: лягушка, в сезон наибольшего ее полового возбуждения (весною), когда у нее резко усиливается обнимательный рефлекс (она судорожно обхватывает передними лапками все, что попадет ей на пути), если ей при этом причиняют острую боль, не только не ослабляет своего обнимательного рефлекса, но, наоборот, сугубо усиливает его под влиянием боли: *возбуждение боли переключается в добавочную зарядку для полового возбуждения*, которое оказывается сейчас сильнее и притягивает поэтому к себе все другие, более слабые возбуждения.

Так как сексуальность человека не сезонная, в частности, ненормальная гиперсексуальность ребенка тоже не зависит от сезонов,—ясно, какие бедствия должна принести ему ранняя и чрезмерная половая доминанта, которая может оказаться пауком, паразитом, обкрадывающим все прочие творческие области, питаясь за их счет. Поэтому *основным в педагогическом подходе к половому вопросу должно быть выяснение, является ли ребенок гиперсексуалом*.

Первое, что наводит на подозрения о гиперсексуализме детей, это *проявление повышенной их нервозности*. Так как гиперсексуализм, в основе, является извращенным переключением (питаясь добавочной энергией из других областей организма), очевидно, все, что в самом организме способствует такому извращенному переключению, оказывается, вместе с тем, и главными его признаками. Нервозность и является подобным доминирующим признаком гиперсексуальности, так как она очень способствует *чрезвычайно нецелесообразным перемещениям энергетических запасов тела*.

¹⁾ Теория доминанты детально разработана проф. Ухтомским. Доминанта — доминирующее, господствующее в организме возбуждение.

Нервозность ребенка, является ли она наследственной, или же создана средой после рождения ребенка, выражается в повышенной его возбудимости, в избыточных эмоциональных состояниях, в неэкономном сосредоточении энергии на нежелательных участках, зачастую в бессистемных распылениях всех сил вообще. Естественно, что это хорошая почва для взращивания гиперсексуальных доминант, для привлечения к ним запасов сил из самых разнообразных участков тела. Вот почему, если ребенок нервен, мы должны помнить, что это часто может быть *источником гиперсексуальности*, и в таких случаях с нашей стороны требуется особая зоркость.

Но этого еще мало. Нервозность ребенка должна, оказывается, возбуждать сомнения по поводу полового его неблагополучия еще и потому, что сама она зачастую является *прямым результатом этого неблагополучия*. Не только причиной, но и результатом. В самом деле, разве могут быть безразличны для нервной системы детей такие нецелесообразные переключения энергии, какие бывают у гиперсексуалов, когда в одной половой области *преждевременно* накапливается слишком много возбуждения, и прочие области, благодаря этому, оказываются обедневшими, а иногда и опустошенными? Конечно, такое состояние оказывается очень вредным для всей нервной системы в целом, тем более, что гиперсексуализм мешает росту общих навыков жизненного приспособления и вызывает у ребят ряд тяжелых конфликтов со средой, от которых нервозность лишь растет.

Таким образом явления детской нервозности, в качестве ли причины или результата гиперсексуальности, в области полового воспитания должны всегда привлекать наше бдительное внимание. Однако это ни в коем случае не значит, что всякий нервный ребенок обязательно является гиперсексуалом. Нервозность — очень частый спутник гиперсексуализма, но может им и не сопровождаться, поэтому для опознания, кроме признака общей нервозности, всегда необходим целый ряд и других признаков гиперсексуальности, к которым и переходим.

Ребенок с повышенной половой возбудимостью, с усиленными установками в области половых своих интересов отличается всегда своеобразной *односторонностью*. Так как половая область, в ее непосредственном и скрытом содержании, оказывается, благодаря неблагоприятным условиям, центральной осью его переживаний, весь прочий мир, во всяком случае в значительной его части,

оказывается поэтому для гиперсексуала как бы односторонне преломленным через «половую призму». Человеческие отношения, жизнь животных, вопросы искусства, жизнь в школе и внутришкольные связи — все это воспринимается с точки зрения значения этих областей для центрального, т. е. полового пункта.

У Л. Андреева в замечательном рассказе «В тумане» эта трагедия односторонности переживаний и мировосприятия у подростка-гиперсексуала передана необычайно ярко. Особенно остро и тонко описал юношеские гиперсексуальные эмоции и установки в своей «Исповеди» Лев Толстой. Богатый материал для педагога дал в этой же области своей «Исповедью» Ж. Ж. Руссо. Наш современный художник Н. Огнев в «Косте Рябцеве» отдельными умелыми штрихами рисует эпизодические, временные гиперсексуальные взрывы у здорового в общем подростка.

Эта своеобразная односторонность, эта *сексуализация мировосприятия* настолько четко выступает у соответствующих ребят, что вдумчивый педагог вряд ли не заметит ее. Конечно, чем моложе ребенок-гиперсексуал, тем меньше непосредственно-сексуального материала в его переживаниях (интереса к половому акту, к размножению, элементов влюбчивости и ревности, меньше усиленных вопросов и бесед на половые темы и т. д.), но тогда приходится базироваться на ряде других, добавочных признаков (о них — ниже).

Гиперсексуал своеобразно проявляет себя в области *социального, коллективного своего поведения*. Его установки в детском коллективе всегда довольно резко отличают его от других, сексуально здоровых детей. *Либо он скрытен, замкнут, дичится*, что объясняется его сосредоточением на внутреннем половом мире и отсутствием тяги к товарищам, иногда же и угрызениями совести, страхом товарищеского мнения (если в среде его затравили идеями о «греховности» половой жизни). Либо же, наоборот, он особенно *актуален в коллективе*, хвастлив, агрессивен, вожацествует в ряде авантюрных, проделок, иногда является организатором специальных половых групп среди ребят, соблазнителем несведущих. Такая своеобразно повышенная социальная активность (главным образом у мальчиков) объясняется у этой категории тем, что в виде протеста против эротических запретов среды они бравировуют своими ранними половыми приобретениями и выпячивают их, как предмет особой гордости. Для некоторых эта бравада (без специально половой ее окраски) является также методом привле-

чения к себе внимания девочек с целью усугубления своего «удельного веса» в глазах другого пола. Во всяком случае замкнутый или «колюче-активный» тип поведения в коллективе, этот тип всегда педагогически осложнен и требует больших воспитательных забот.

В области учебного поведения и учебной работоспособности гиперсексуала имеются тоже специальные отличия. Это наименее дисциплинированные на занятиях, наиболее рассеянные, отвлекаемые дети. Недисциплинированность их очень часто вовсе не бывает агрессивной, злостной, попросту им трудно подчиниться регламенту, жестким обязательствам извне. Это часто пассивная недисциплинированность, неспособность уложиться в материал и в срок очередного урока. Объясняется такая учебная «угловатость» тем, что организованные учебные занятия обычно не совпадают с их доминантными установками, внутренний их мир почти чужд материалу очередного урока, нет «смычки» между учебной и внутренними, в данном случае, гиперсексуальными интересами, и отсюда — ряд резких шероховатостей в учебном поведении. Рассеянность, отвлекаемость, повышенная утомляемость являются естественным продолжением все того же отрыва половой доминанты от учебных раздражителей, они представляют собой как бы *противоучебную самозакупорку* таких детей. Важно отметить, что такая рассеянность, учебная утомляемость, при наличии гиперсексуальности, может часто замечаться, в общем, у вполне здоровых физически, неистощенных детей, что вызывает нередко недоумения педагогов до тех пор, пока не выясняется половая подкладка этой внутренней детской «противоучебной изоляции».

В области учебного поведения гиперсексуала замечается еще и особая *избирательность* по отношению к отдельным, специальным частям учебного материала или к отдельным эпизодам в процессе учебной работы. Вялое, тусклое их внимание ярко и длительно вспыхивает, если занятия подошли вплотную к половым или «близполовым» проблемам, либо если они требуют острого эмоционального напряжения, либо если педагог к личности детей предъявляет в данный момент особенно активный запрос. Дети-гиперсексуалы очень ладки, в виду повышенной своей эмоциональности, на всякие эмоциональные раздражения, в особенности, если адресуются к их чувству ответственности, к их самолюбию, а у многих — к их этике, — и на таких избирательных зацепках,

умно переключая детскую активность, чуткий, разумный педагог может многое построить.

В связи с этими учебными отличиями необходимо особо указать, что *конкретизм и об'ективизм* у детей-гиперсексуалов, как правило, несколько ослаблены. Преждевременная сосредоточенность на половом создает некоторую малоценность, частично отрывает от общесоциальных и широкореальных интересов окружающей среды, закупоривает часть основных переживаний ребят в замкнутом половом мире, и это ослабляет материал непосредственных и конкретных связей ребенка с окружающей жизнью.

Такие дети меньше исследуют, меньше анализируют, чем нормальные дети, а если исследуют, анализируют, то в областях, связанных с половым содержанием, т.-е. в сравнительно узкой области познания. Фрейдисты в этом смысле чрезмерно высоко оценили значение полового исследования детей для развития их широко-исследовательских возможностей и, наоборот, недоучли грубый вред, наносимый общим исследовательским силам детей ранним сужением размаха этих сил исключительно половой сферой (как бы широко ни толковали фрейдисты само понятие сексуальности). Вот почему анализирующая, конкретизирующая мысль ребенка, здорового сексуально, не похожа на лишнюю широко-реалистического стержня, расплывающуюся, не дисциплинированную мысль гиперсексуала. У последнего, вместо критики — эмоциональное фантазирование, вместо об'ективизма, который в известной степени присущ всякому возрасту, грубо-суб'ективистическое преломление внешних восприятий, узко личностная их оценка, неспособность к охвату действительного их жизненного значения. Это фантазирование и этот суб'ективизм, в отличие от законного, нормального, возрастного воображения и суб'ективизма сексуально здоровых детей, характеризуются бедностью центрального стержня, ограниченностью материала, оторванностью от главных общих элементов окружающей среды. Чрезмерно сгустившееся «я», чувство своей личности, при понижении тонаса *общих* связей личности с наружным миром — такова главная установка гиперсексуала, в каких бы формах ни проявлялась его повышенная сексуальность.

Конечно, все указанные признаки в резкой степени развиваются лишь у детей-подростков, глубоко и длительно оторванных от здорового полового поведения. Чем менее длителен срок и чем

мягче выражены проявления гиперсексуализма, тем, очевидно, слабее и указанные нами его признаки.

К числу признаков далеко зашедшего гиперсексуализма надо отнести своеобразный *подсознательный прорыв* скрытых, замкнутых половых переживаний. Дети, не замечая этого, когда увлекаются чем-либо (слушая рассказ, следя за игрой и т. д.), автоматически, бессознательно проявляют иногда черты половых переживаний в позе, в мимике, в жестах и т. д. То сладострастное раскачивание тела, то «поцелуйное» движение губ, то выражение лица, явствующее о скрытом половом переживании, то движение рук в сторону половых органов, ритмические сокращения бедер и т. д. Конечно, в обычном состоянии дети будут скрывать эти проявления, но в момент активного отвлечения возможен «автоматический прорыв», который должен быть известной опорой для распознавания. Между прочим, некоторые привычные, автоматические движения могут иногда иметь близкое отношение к половым отклонениям: сидение с тесно прижатыми друг к другу бедрами, постоянное держанье рук в карманах брюк, иногда грызья ногтей (обостренная ротовая и пальцевая чувствительность некоторых сексуалов).

Из перечисленных признаков гиперсексуальности мы видим, что у нас в руках достаточно богатый материал для уяснения, отклонились ли дети резко в сторону от половой нормы. Особенно педагогически ценны эти признаки, *если мы не имеем прямых данных*, четко указывающих на определенные формы половых отклонений (онанизм и т. д.), а именно так и бывает чаще всего на практике. В подобных случаях эти признаки могут послужить исходной вехой для усиленной бдительности и, в дальнейшем, оказываются при детальном изучении заподозренного ребенка, преддверием к точному и конкретному диагнозу действительного содержания его половой жизни. Конечно, при этом ни в коем случае не следует ограничиваться констатированием одного или двух из перечисленных признаков. Они необходимы все в общей связи, при чем и здесь значительная часть диагноза остается за теми конкретными фактами, которые говорят о непосредственных проявлениях в половой жизни (приставание к девочкам, половое вожачество, онанизм и т. д.). Однако, педагогическая ценность указанных признаков так велика, что они дают возможность судить не только о внешней форме отклонений (онанизм, садизм и т. д.), не только о количественной их сущности, но и о качественной их

глубине, так как в основе этих признаков лежит учет влияния гиперсексуализма *на все поведение детей в целом*, на общее содержание детской личности.

Педагог обязан всегда помнить, что констатирование определенной *сексуальной формы*, например, онанизма у ребенка, часто или не часто повторяемого, еще *качественно* ничего не указывает, так как онанизм одних, при всей его частоте, может не влечь к такому качественному ущербу личности, как онанизм других детей, даже значительно менее частый. Поэтому, при распознавании половых отклонений, ни в коем случае нельзя ограничиться отысканием одного лишь грубого конкретного факта (онанизм, половые акты и т. д.), необходимо заглянуть *во всю систему детского поведения*, — для того, чтобы выяснить, *как качественно отразились* половые отклонения на всей детской личности в целом. Этому качественному диагнозу и должны в первую очередь помочь перечисленные нами признаки, тем более резкие, повторяем, чем глубже вросли половые отклонения, — признаки, говорящие не столько о форме половых отклонений, сколько об их глубине и качественном влиянии на личность. *Признаки гиперсексуализма — в первую очередь, и формы половых отклонений — во вторую* — таков основной тезис методики распознавания детских половых ненормальностей.

VI. Основные формы половых отклонений детства.

Наиболее грубой, хотя, к счастью, и редкой в школьном возрасте формой половой ненормальности является раннее начало у детей половой жизни в самом непосредственном смысле этого слова, т. е. раннее начало половых актов. Опасность этого отклонения настолько ясна и необходимость самой настойчивой борьбы с ним настолько бесспорна, что нет нужды развешивать подробно этот вопрос, тем более, что, повторяем, к счастью, такая форма в школьном возрасте встречается очень редко. В ранних половых актах лежат следующие вредности (кроме физиологического вреда от преждевременной потери секрета половых желез, о чем скажем ниже при анализе онанизма): 1) преждевременная потеря детства, детских эмоций, детских установок, включение в стадию зрелости без социальных, творческих и биологических к тому предпосылок; 2) опустошение развивающихся любовных переживаний, которым наносится тяжелый, подчас непоправимый удар

ранними половыми актами, срывающими всю юношескую романтику с не вполне еще окрепшего, зреющего полового влечения; 3) опустошение социально-творческих исканий и стремлений, энергия которых истощается, благодаря преждевременному насыщению половой чувственности: создается безвкусие в отношении к «прочему» жизненному фонду, не связанному с удовлетворением от полового акта.

Опасность от влияния такого раннего полового «стажера» на прочих детей особенно велика потому, что он вносит естественный для него разлагающий скептицизм и цинизм в интимные, хрупкие черты растущего детского полового материала и глушит наиболее ценные этапы этого роста, подчас соблазняя других к подражанию своему «чрезвычайному» примеру. Группа, в состав которой войдет пара подобных «стажеров», если последние начинают проявлять в ней вожаческую инициативу, довольно быстро принимает уплощенный, как бы постаревший облик, лишается значительной части своей юной творческой свежести и упругости ¹⁾.

Более частой формой полового отклонения является *детский онанизм*. До переходного возраста онанизм встречается не часто и, качественно, не имеет того уклона, который замечается в более поздних детских возрастах. Однако и в дошкольном и в первом школьном возрасте, при особо уродливой воспитательной среде, онанизм все же встречается, и это требует соответствующего к себе внимания.

Онанизм дошкольного и первого школьного возраста вырастает обычно из всего сочетания уродливых гигиенических и педагогических условий, длительно влияющих на ребенка, и легко ликвидируется при изменении этих условий—легко потому, что под ним нет прочной физиологической основы в виде созревшего, со зрелой чувствительностью, полового аппарата. Дети 3—10 лет онанируют лишь тогда, если нет простора для их активности, если ощущения тела оказываются, благодаря этому, для них наиболее значительными и если узкая одежда, глисты и прочие обстоятельства, раздражающие половые органы, довершают эту работу скверной педагогической среды. Нервные и физически хрупкие дети иногда более подвержены раннему онанизму ввиду повышенной общей их чувствительности (первые) и пониженной двигатель-

¹⁾ О методике борьбы и предупреждения скажем ниже в общей серии методических мероприятий по половому воспитанию.

ной способности (вторые). Но и дети вполне здоровые могут десятками начать онанировать в скверных яслях и в скверных детских садах, если им скучно, если им нечего делать, если в комнате темно, если им голодно, если глисты заползают в половые органы, узкие штанишки жмут бедра и т. д. и т. д.

Понятно, ранний онанизм не имеет того тяжелого физиологического эффекта, как онанизм более позднего возраста, так как он не связан с потерей несуществующих еще выделений половых желез, не обладает тем возбуждающим и расслабляющим влиянием, как это замечается позднее, не связан с сложными психическими осложнениями, вызываемыми более поздним онанизмом. Однако, опасность раннего онанизма тоже чрезвычайно велика, так как он может резко и рано повысить общую половую возбудимость, приковать дальнейший рост любовно-половых чувстваний исключительно к периферическому раздражению половых органов и способствовать, вместе с тем, отрыву ребенка от других социальных и действительно-творческих интересов.

Качественно иным и гораздо более частым является онанизм более позднего возраста. При тяжелых педагогических условиях он может превратиться в глубокое бедствие, в гноящуюся язву всей воспитательной работы в целом.

Онанизм чаще всего начинается лет с 13—14, у девочек несколько позднее и, по нашим данным, у девочек, приблизительно, вдвое реже, чем у мальчиков, при чем у девочек чаще всего он является возобновлением в переходном возрасте их раннего онанизма, обусловленного 6—8 лет назад местными раздражениями половых органов (глистами и т. д.). Мальчики чаще всего начинают заниматься онанизмом впервые именно в переходном возрасте, при чем обычно это не бывает связано с более ранним их онанизмом.

В подавляющем большинстве случаев было бы грубой ошибкой искать в основе массового детского онанизма узко-гигиенических нарушений, и центр тяжести предупреждения онанизма и борьбы с ним было бы нелепо переносить на узкие физиологические мероприятия, как это сплошь и рядом замечается даже и теперь, несмотря на накопление богатейшего совершенно нового научного материала о детской сексуальности. В основе массового детского онанизма переходного возраста лежат социально-педагогические причины и, лишь во вторую очередь, причины узко-биологического порядка.

В массе своей ребенок-школьник онанирует, главным образом, потому, что среда способствует извращенным переключениям его энергии, не давая последней творческого применения и подталкивая ее преимущественно к половому полюсу. Онанизм и является методом наиболее простого, доступного разрядки того полового возбуждения, которое накапливается в результате длительно-глубоких извращений в переключающей работе детского организма. Все «физиологические причины» онанизма оказываются при этом не причинами, а поводом, толчком, довершающим ту уродующую работу, которую проводит скверная педагогическая среда в целом. Лучшее этому доказательство—успешная ликвидация онанизма по преимуществу педагогическими мерами в центре, с физиологическими на периферии и, обратно, наиболее частые неудачи именно при противоположном построении мер борьбы. Мы, конечно, не против медицинского подхода к вопросам воспитания ¹⁾, но мы настаиваем на должном удельном весе этого подхода, особенно тогда, когда якобы медицинский «империализм» покушается опустошить своими советами самую сердцевину педагогической деятельности, сняв с педагогики и взвалив на себя (бесплодно взвалив,—импотентный «империализм») главную ответственность за борьбу в области полового вопроса. Однако о методах борьбы мы скажем в своем месте, сейчас же мы коснулись этого вопроса лишь в связи с анализом причин онанизма.

Дети хрупкие, в нервном отношении более ранимые, часто оказываются и более податливыми в отношении к онанизму (в связи, как мы говорили выше, с большей склонностью к извращенным переключениям). Однако и невропатические дети избегают этой участи, если их длительно окружает благоприятная воспитательная среда.

В чем заключается основная вредность онанизма переходного возраста? Вред этот многообразен, и если вокруг «опасностей» онанизма созданы в быту много нелепых басен («спинная сухотка», «разжижение мозга» и т. д.!!), все же было бы еще более нелепой близорукостью недооценить размер и качества этих вредностей. Именно педагог, больше, чем врач, встретится в своей практике с действительными результатами этих вредностей, именно ему и придется влечь наиболее тяжелый их груз.

¹⁾ Пишущий, кроме педологической своей работы, является врачом, клиницистом-практиком.

Основное, что несет за собой онанизм периода полового созревания, это ранняя растрата химических элементов еще не вполне созревшей половой железы. Если учесть, что половая железа обслуживает целый ряд центральных физиологических функций (мозговую кору, обмен веществ, качественное регулирование роста всех тканей и т. д.), ясно, что преждевременная растрата этого «золотого фонда» биологического созревания не может остаться без тяжелых последствий. В этом отношении онанист рискует гораздо больше, чем подросток, рано начавший половую жизнь сразу в форме coitus'a ¹⁾, так как последний связан все же в своей половой активности наличием второго человека, согласие которого (которой) необходимо для полового акта ²⁾, и это до известной степени регулирует, тормозит его излишества в половой области, неосуществимые без второго лица. Онанист же не связан ни с кем, кроме себя, в своих половых мероприятиях, извне его никто второй непосредственно не регулирует, не тормозит, согласовывать ему не с кем, и частота повторения полового разряда может оказаться чрезвычайно неумеренной, что неминуемо отразится и на химических тратах.

Второе специфическое свойство, отличающее онаниста от рано начавшего coitus, свойство, вытекающее из того же полового его одиночества (половой разряд наедине с собой, без второго лица), налагает особую печать на социальное его поведение, тем более резкую, чем неумереннее злоупотребляет он онанизмом. Ему не приходится завоевывать свой половой объект, ничто актуальное не предшествует реализации его полового возбуждения, ни беседа, ни флирт, ни борьба,—половой процесс развертывается во внесоциальной обстановке, и это создает у неумеренного онаниста особое стремление к замкнутости. Эта замкнутость, внесоциальность обусловлена не только тем, что половой акт совершается без второго лица, но также и тем, что сексуальная романтика, которая в общих связях между людьми играет огромную освежающую роль, у неумеренных онанистов в высшей степени запустевает, так как половая жизнь в одиночестве не испытывает в ней нужды, и это, в свою очередь, резко отражается на социальной романтике, на общих социальных установках.

¹⁾ Coitus — половой акт.

²⁾ Такой подросток рискует, конечно, венерическим заражением, но это уже другой вопрос.

В своих эмоциональных состояниях и преобладающих настроениях неумеренный онанист отличается чертами безжизненности, какой-то иссушенности. Виной тому не столько трата химической энергии, сколько общий тип полового поведения, при котором нет особой нужды в сочных, конкретных связях с окружающей жизнью, и последняя, тем самым, лишается наиболее ценных для юности красок. Сосредоточенный на своем половом мире, ограниченном пределами его собственного «я», глубокий онанист откалывается от мира, как мало привлекательного, ненужного. Тут и замкнутость, и безжизненность, иссушенность, уплощенность, нарастающее потускнение всей жизненной динамики.

В общем все сказанное о гиперсексуалах в широком смысле слова применимо целиком к подросткам, злоупотребляющим онанизмом, с той лишь разницей, что у последних описанные нами признаки выражены более резко (благодаря отсутствию тех ограничений извне, которые имеются во всех других, кроме онанизма, половых отклонениях)—со специальным уклоном в сторону усиленной асоциальности и ослабления жизненной динамики. Тормозные процессы (т. наз. «воля») чрезмерных онанистов также сильно страдают, благодаря слабости регуляции половых проявлений, что неминуемо отражается на ослаблении всей прочей регулирующей, тормозящей работы, т. е. на всем тормозном механизме в целом: приучившись не сдерживаться в половых своих тяготениях, дети, отраженно, начинают страдать несдержанностью, волевой дряблостью и в других областях. Отсюда—повышенная болевая чувствительность, зябкость, утомляемость и пр.

В современной буржуазно-мещанской бытовой среде, морально травящей «половой блуд», пугающей последствиями половых излишеств (как видим, часть этих угроз, к несчастью, оправдывается), онанист часто впадает в тяжелый моральный конфликт, в глубокий разлад со своей совестью и, кроме того, что не менее опасно, в ипохондрические настроения. Он прислушивается к своим телесным состояниям, панически ждет болезненных последствий своего «греха» и т. д. Фон упрямости, хмурости, пугливости—преобладающий эмоциональный фон неумеренного онаниста. При более мягкой форме онанизма, фон этот, как и прочие признаки, значительно сглаживается. Обычно в онанизм впадают дети с обостренным чувством своей социальной и творческой малоценности, чувством, которое длительно вбивается в них с ранних лет окружающей уродливой средой.

Не давая им выявиться социально, действительно, творчески во вне, все их импульсы среда вталкивает *внутрь*, отрывает детей от жизни, закупоривает их в кругу ощущений, идущих изнутри тела, и к переходному возрасту централизация этих ощущений вокруг полового аппарата, «половое самопоедание» является вполне естественным концом этой последовательной «работы» среды. Без чувства малоценности, без резкого, действительно-творческого ограничения, онанизм детей в таких случаях представляется случайным явлением, с которым борьба очень легка. Наиболее глубокий, т. е. наиболее опасный онанизм требует, в первую очередь, *борьбы с чувством малоценности, борьбы с условиями, породившими эту установку на малоценность и на самозакупорку.*

Онанизм мальчиков и девочек представляет значительные отличия. Анатомическое строение половых органов женщин, пониженная периферическая их чувствительность, особенно в юные годы, в значительной степени страхует от тех предварительных раздражений, которые иногда являются первой предпосылкой дальнейшего онанизма (за исключением раздражения от глистов, которые, конечно, чаще заползают в половой аппарат девочек, используя его анатомические особенности). Кроме того, значительным препятствием для онанизма девочек является и сильно развитая у растущей женщины сексуальная романтика (любовные грезы, мечты, лирика и т. д.), смягчающая физиологически-чувственные порывы и не дающая им материала для чрезмерного и раннего разнуздания.

Онанизм девочек бывает обычно не длительным, осложняется редко и не дает тех глубоких изменений личности, которые наблюдаются у юношей. Обусловлено это также и тем обстоятельством, что у девочек реже наблюдаются конфликты со средой, в виду меньшего масштаба требований, предъявляемых ею к среде, отсюда и меньше оснований для бегства от среды в свои ощущения, больше текущей, конкретной, житейской деловитости. Как это ни печально, но современный массовый творческий рост женщины (таковы противоречия исторического процесса) может, среди других ценнейших результатов этого роста, вначале дать и частичный побочный продукт—в виде усиления конфликтных соотношений со средой, далеко не сразу насыщающей быстрорастущие социально-творческие требования новой женщины. Эти конфликты вначале могут повести и к половым конфликтам и, в частности, в качестве одного из выражений такого конфликта в юности, к более часто-

му, чем сейчас, онанизму переходного возраста. Подобное осложнение женского прогресса, однако, не обязательно, хотя нам и следует быть к нему педагогически готовыми.

Заканчивая наши соображения о причинах и проявлениях детского онанизма, мы обязаны оговориться, что глубина изменений личности при онанизме ни в коем случае *не растет механически*—в одной лишь зависимости от количественной частоты половых разрядов. Количественная частота отражается непосредственно лишь на элементарных биохимических тратах, качественные же изменения личности обусловлены, в основном, характером онанистических манипуляций ребят. Дети-онанисты, механически раздражающие свои половые органы, не сопровождая этот процесс сложной работой воображения, не связывая его со сложными моральными напряжениями, обычно создают в своем творческом содержании менее глубокие дефекты, но они же чаще всего бывают и слабо одаренными детьми вообще. Более сложные детские индивидуальности вносят и в свой онанизм более сложные, более подавляющие материалы, т.-е. и больший качественный ущерб в общий свой творческий рост, зачастую независимо от степени количественного обилия актов онанизма.

Следующей формой полового отклонения детства является *детский садизм*, истязания, доставляющие половое удовлетворение тому, кто эти истязания причиняет.

Садизм не является таким редким в переходном возрасте явлением¹⁾, как это некоторым кажется, поэтому он требует детального анализа.

Садизм—явление, в подавляющем большинстве случаев встречающееся лишь у мальчиков и очень редко—у девочек. Объясняется это, очевидно, внутренним сродством между садизмом и общей мужской половой установкой, той мужской установкой, которая существует во всем животном мире. Мужская сторона в половом процессе является как бы нападающей, агрессивной стороной, женская половая позиция—выжидающая, пассивная, обороняющаяся. Конечно, это резкое «противопоставление половых позиций» с развитием, благодаря изменениям социальной среды, мозговой коры человека сильно сглаживается, но ядро некоторого

¹⁾ Ряд половых отклонений требует чрезвычайно детального изучения, иначе они выпадают из сферы внимания, что и происходит с поверхностными наблюдателями, недостаточно серьезно знакомыми с половым вопросом.

антагонизма все же остается и поныне, по временам взрываясь у некоторых индивидуальностей с особой силой. Подобный, уклоняющийся от нормы, повышенный агрессивно-половой уклон может выявляться в течение всего переходного периода.

Дети-садисты, дети—сексуальные истязатели встречаются обычно двух типов: 1) доставляющие себе половое наслаждение в непосредственных истязаниях, в болевых раздражениях, наносимых другим детям, взрослым, животным и т. д.; 2) получающие половое наслаждение от агрессивно-буйного поведения вообще, от «нападательской», «задирательской тактики», злобного подзуживания и т. д. В том и в другом типе заключается одна и та же центральная тенденция—причинять вокруг себя страдания, создавать напряжение, муку, озлобление. Разница лишь по форме: страдание непосредственно причиняется определенному лицу, либо же создается такая атмосфера, которая уже сама по себе вызывает эти страдания. Принципиально безразлично, поджигает ли взрослый садист (у детей такое извращение, конечно, почти немислимо, ввиду его сложности) дом, деревню, город, чтобы насладиться воплями муки несчастных издала, или же сам поджигает кожу, шомполует, тиранит свою жертву. Основная установка одинакова: *страдания второго лица или многих лиц, как источник полового наслаждения.*

Дети-садисты—бич детских учреждений, зачастую трудно вскрываемая их язва, так как нелегко распознать действительные корни детской агрессивности, которые *далеко не всегда* являются обязательно половыми корнями. Садисты тискают, щиплют, колют, рвут за волосы, бьют кулаками других ребят (вовсе не всегда—другого пола, так как истязательский уклон может вначале быть и «двуполым»), дразнят их, подзадоривают к дракам, травливают одних на других, чтобы наблюдать злобную «бучу». Объектом истязания бывают и родители, прислуга, учителя, особенно, если они отличаются «тихостью», робостью. Истязают всякими способами: то вблизи, то издала, то с немедленным результатом, то с длительной, постепенно разворачивающейся, системой. Некоторые дети при этой истязательской «работе» получают тут же острый половой разряд, другие проводят при этом онанистические манипуляции, третьи до полового разряда не доходят, испытывая длительное, глухое, неоформленное возбуждение, тем более удручающее окружающих, что, благодаря отсутствию полового разряда, оно может длиться неопределенно долго.

От приступов такого полового истязательства, от половой агрессивности необходимо отличать обычную детскую агрессивность и злобность (без половой окраски). Она (вторая) бывает не столь остро и глубоко выражена, не связана с такими актуальными эмоциями, легче поддается саморегулированию подростка и воздействиям извне. Однако, надо, вместе с тем, отдать себе отчет в том, что, благодаря плохим педагогическим условиям, самая простая детская агрессивность может постепенно, по мере полового развития подростка, наливаться все более сильными половыми тонами, сгущается, осложняется и перерождается в глубокую садистическую установку. Подавляющее большинство случаев детского садизма—именно такого, а вовсе не первично-сексуального происхождения.

Из детально изученных автором ¹⁾ 43 случаев наиболее сложного детского садизма в возрасте от 10 до 17 лет больше 75% пришлось на долю периода 13—17 лет, при чем лишь в двух случаях из 43 (т.е. не более 5%) удалось установить действительные наследственные корни полового извращения (очень повышенная, частично извращенная сексуальность родителей), в трех случаях—тяжелую обще-психопатическую наследственность, в прочих же—кроме обычной нервозности (половина всех ребят), других внутри-биологических причин для этой половой аномалии (притом, повторяю, в тяжелой форме) установить не удалось. Между тем, в отношении к 27 ребятам (25 мальчиков, 2 девочки) с несомненной точностью удалось выяснить (другие дети дали меньше биографического материала) непосредственную, самую тесную зависимость их садизма от тяжелых, притом вполне специфических, условий воспитавшей их среды. Одна группа этих детей (около 20) подпала в дошкольные и предпереходные годы в условия особенно тяжелого стискивания, сдавливания их активности, в условия особо сильных травматизаций—оскорблений, физического насилия, которое их озлобляло, напрягало, не давая, однако, возможности тут же отомстить. В период полового развития, физически окрепнув, набравшись социального мужества, подросток «прорвал» эту стену долго накапливаемой и сдерживаемой ярости. зарядил ее созревающей сексуальностью, протолкал ее всю по каналам сексуальности, как наиболее сейчас для него эмоцио-

¹⁾ В учреждениях для трудно воспитуемых Москвы, Ленинграда и Украины (половина случаев) и в общей педолого-психопатологической практике (другая половина).

нально яркой области (из-за приглушения других областей прошлым воспитанием), и стал садистом.

Другая, меньшая группа ребят, наоборот, имела воспитательные условия изнеживающие, разнуздывающие, распоясывающие, благодаря чему «балованная агрессивность», ничем не сдерживаемая, не регулируемая, к переходному возрасту получила половой уклон и стала садистической, при чем избыточная сексуальность была у этой группы тем более легко объяснима, что развращающее воспитание не создало для нее никаких прочных конкурентов, охотно вливая в половое русло все прочие, неиспользуемые им, творческие соки. Надо отметить, что лишь незначительная часть этих детей (из более точно изученных 34—лишь 6) были агрессивны с раннего детства (понижение задержек, раздражительное упрямство, драчливость), прочие же отличались в большинстве лишь повышенными двигательными процессами, усиленным развитием действенной и социальной инициативы, которые, как видим, приняли такие уродливые формы исключительно благодаря педагогически обусловленному извращенному половому переключению.

Таковы, по нашим материалам, действительные корни и проявления детского садизма, требующего очень энергичных как предупредительных, так и ликвидирующих мер со стороны воспитателей.

Обратной стороной детского садизма—формой, значительно реже встречающейся,—является *детский мазохизм* ¹⁾—половое удовлетворение при испытывании истязаний (в противоположность садисту—наносящему истязания). До известной степени, эта «страдательность», ожидание полового насилия, как фактора последующей половой радости, является, в ее тонких оттенках, типической половой установкой женщины вообще, половое прошлое которой полно насилий над ней, как бы исторически вошедших и в состав ее положительных половых эмоций. Культура, развитие мозга женщины постепенно уничтожают эту страдательную, «мазохистическую» ее установку, но иногда она обостряется и дает сгущенные явления настоящего мазохизма. Появляется последний обычно еще с переходного возраста, при чем характерно, что в довольно большом числе случаев (у нас—в трети случаев)—также и у мальчиков. Дети любят, если им причи-

¹⁾ Мазохизм—по имени австрийского беллетриста З. Мазоха, опи-савшего в своих романах этот тип полового извращения.

нают боль, любят страдать, презирать о страданиях, о насилиях над собою и т. д. В то время как агрессивные проявления детей далеко не всегда надо считать половыми проявлениями, «страдабельные» их установки почти всегда — половые, так как иных, кроме половых, оснований под ними найти нельзя, хотя и здесь необходимо учесть длительную эволюцию ребенка по пути к мазохизму.

Обычно дети-мазохисты — это тихие, робкие, мечтательные, несколько замкнутые (не жестко, сухо, а мягко замкнутые) с одиночеством и грустью в семейном и школьном своем прошлом. Любили приласкаться, но не находили отклика и замыкались, находя в этом грустном одиночестве своеобразную прелесть, взамен прелести неполученной ласки. Свою грусть, свои обиды они смаковали, как бы «обсасывали», культивировали в себе это чувство боли, испытывали постепенно от этих «болевых, грустных смакований» все более растущее интимное наслаждение и превращали чувство боли, грусть в особо сладостный культ. Естественно, что такая эволюция к переходному возрасту приводила прямоком на пути мазохизма, когда в любовных своих переживаниях и порывах подросток с особым тщанием возвращал те моменты, над которыми можно было сильнее погрузиться, погоревать, пострадать. «Сладость любви — в страданиях» таков принципиальный девиз полового мазохизма, — «любовь без боли — разврат». У некоторых эта тяга исчерпывается поиском моральных терзаний в любви, другие же тянутся непосредственно к физическим страданиям, к физической боли, испытывая которую они впадают в усиленное половое напряжение. В более мягкой форме эта тяга (у девочек) сводится к удовольствию от тисканий, щипков, таскания за косу.

Наш материал по детскому мазохизму можно разделить на три категории: 1) мазохисты по врожденной внутренней склонности, с развивающейся от ранних лет тягой к самомучительству, переходящей потом в половое самоистязание (меньшинство); 2) мазохисты, сделавшиеся таковыми в результате длительных воспитательных влияний, благодаря которым они оторвались от здоровых социально-этических связей с реальностью, замкнулись в одиночестве и развили у себя прочный условный рефлекс «болевого наслаждения» (аналогично «болевой радости» вышеупомянутой экспериментальной собаки), ставший затем половым рефлексом; 3) дети, ставшие мазохистами после длительных фи-

зических болей, причиняемых им воспитателями в окрестности полового аппарата (сечение, удары кулаками по ягодицам и т. д.), а также в результате общих физических наказаний (побои и по другим участкам тела), совпадавших по времени с половым возбуждением и упрочивших привычную условно-рефлекторную связь между болью и половым возбуждением. Конечно, имеются варианты, комбинирующиеся из сочетания двух или всех трех указанных нами групп (врожденность + влияние общего воспитания + физические наказания, и т. д.), но, как основные типы, эти категории следует все же фиксировать.

Дети-мазохисты чаще встречаются в интеллигентской, средне-буржуазной среде, садисты — в «низах» (сдавленные) и в «верхах» (разнузданные).

Следующей, чрезвычайно разнообразной по проявлениям, многоликой группой детских половых отклонений мы считаем группу детского эксгибионизма¹⁾.

Некоторые дети могут обнаружить особую, своеобразную тягу к усиленной *половой самодемонстрации*. Они любят публично обнажаться и с сугубой охотой демонстрируют свои половые органы, при чем делают это как в присутствии представителей своего, так и второго пола. Чаще всего это свойство присуще мальчикам. Кроме такой внешней формы, эксгибионизм проявляется также и в общем грубом половом цинизме, всегда *демонстрируемом публично*, в половом хвастовстве, сочинительстве и т. д. Имеются особые специалисты по разнузданной порнографической речи, как в виде употребления специальных выражений и оборотов, так и в виде систематизированной работы по составлению порнографических рассказов и «поэм», а также по многообразной «живописи» в этой области. Педагоги показывали нам целые «альбомы» таких любителей, испещренные «литературно-живописными» проявлениями эксгибионизма. Некоторые из таких ребят онанируют публично, вовлекая этим в онанизм и других детей.

Характерным в этом своеобразном уклонении является публичность половых проявлений, как бы нагло-циническая их демонстративность. Однако нельзя думать, будто этот уклон — нарочито-злостный, будто мы имеем дело попросту с грубо испорченными детьми.

¹⁾ Эксгибионизм — половое самообнажение.

Экзгибионистов, «сексуальных демонстраторов» следует делить на две разные группы: первая — те, кто проделывает эту половую самодемонстрацию произвольно, активно, «виртуозно» изолируясь в придумывании новых разнообразных деталей — поострее, ярче; вторая — дети, против воли, болезненно-навязчиво втягиваемые в это состояние, становящиеся особым типом *навязчивой идеи*, которая прорывается вовне, несмотря на старательную борьбу с нею (совсем по типу навязчивого *богохульства*, которое иногда прорывается в церквах, перед иконами как раз у самых скромных и, казалось бы, ультрарелигиозных людей).

Конечно, оба эти типа резко различны по внутреннему своему содержанию. Активные «самодемонстраторы» — это чаще всего самолюбивые ребята, несколько тщеславные, желающие «блистать», быть на виду, при чем, в виду невозможности применить эти тяготения к другим областям (все те же уродующие условия воспитания), «карьера» завоевывается по преимуществу в половой области, обычно доминантной у этих ребят: «мой половой член — крупнее, лучше», — «всех крепче выразился я», — «нет лучше меня знатока этих вопросов», — «мой опыт богаче, чем у других», — «я грубее, беззастенчивее всех», — «я исключительный человек среди этих ничтожных скромников», — «а здорово треснул я их по ушам!» и т. д., таков нехитрый, хотя и громоздкий, тяжелый по проявлениям арсенал «карьерных» мотивов первой группы эксгибионистов, которые нарочитой половой грубостью, т. е. грубостью в наиболее щепетильной бытовой области, как бы мстят среде за ее непризнание их достоинств.

Страдающие же навязчивыми прорывами половой грубости (вторая группа) — это обычно дети психастенического типа, с подавленной психикой, с склонностью к моральным сомнениям, запутавшиеся в своих половых конфликтах, прячущиеся от людей и от своей собственной совести; эксгибионистские их прорывы, как и «богохульные» прорывы религиозных кликуш, это признак неспособности их справиться со своими, тщательно вытесняемыми «греховными» вожделениями, выпирание желаний наружу, публично, как бы для особо резкого протеста против дальнейшего их вытеснения. Это акт бессознательный, против воли, в состоянии некоторого раздвоения личности (хотя бы и при полном сохранении сознания), при резком ослаблении регулирующей задержки.

Первый тип чаще всего встречается в социально более здоровой среде, без этически-конфликтных напромождений, вто-

рой — обычно в психопатически вырождающейся части интеллигентски-буржуазных слоев, в среде, насыщенной гниющей, разлагающейся религиозностью и сугубо-острой «моралью», ханжеской в самой своей основе.

Своеобразным проявлением детского полового отклонения мы считаем встречающееся у ряда детей *состояние повышенной сексуализации мышечно-осязательных ощущений*. Такие дети, обычно подростки, испытывают особое половое наслаждение от движений своего тела, мышечных сокращений, касаний к коже и т. д., при чем, в отличие от обычного, здорового удовольствия, доставляемого подобными ощущениями, у подобных ребят всегда имеется специфический привкус, четко указывающий на половое содержание этого состояния. Мимика особо острого наслаждения при ряде движений, сладострастные потягивания, прижатие тела к твердым предметам, — и все это сопровождается покраснением лица, легким эмоциональным возбуждением, а, в ряде случаев, завершается и оформленным половым возбуждением с соответствующими его разрядами. Работники Брянской и других деттрудколоний указывали автору на ряд случаев, где дети имели излюбленные мышечно-осязательные участки, раздражение которых, видимо, давало им острое наслаждение: крепкое разминание щек, сильное трение пальцами по зубам, «массажные» движения по мышцам спины, растирание ушей и т. д. В дальнейшем оказалось, что подавляющее большинство этих ребят — гиперсексуалы, при чем гиперсексуальность их была вскрыта лишь потому, что эти странные манипуляции вызвали недоумение воспитателей.

«Мышечно-кожные сексуалисты» продолжают в переходном возрасте первую, аутосензорную стадию детского развития¹⁾, как бы *чрезмерно долго задерживаются на этой стадии*, внося лишь в нее более зрелые черты оформленного полового возбуждения, которых, как мы видели выше, обычно нет в аутосензорном периоде детства. Эта задержка на ранней стадии развития обычно обусловлена грубым разрывом ребенка с социальным его окружением, нищетой его коллективных связей, а отсюда — растет последующая *аутосензорная закупорка* и в более поздние возрасты. Подвижные дети, дети с богатыми социальными связями, а также дети, длительно испытывавшие в детстве холод, голод, почти застрахованы от мышечно-кожной сексуализации, в которую впа-

¹⁾ См. выше — гл. III.

дают обычно изнеженные, одичавшие и малоподвижные ребята обоих полов.

Сравнительно безобидной формой полового отклонения, но все же требующей тщательного подхода, является *чрезмерное развитие у ряда детей специально-полового романтизма*. Половой романтизм в его нормальных дозах является обычным, здоровым свойством переходного возраста: любовное идеализирование, любовные грезы, влюбчивость, «обожательство» и т. д. Однако эта романтика, в нездоровой обстановке, переходит нередко границы и становится педагогически вредным явлением. Группы детей (чаще всего пары, иногда и однополые), объединенные узами сильной половой романтики, резко отличаются от коллективов, связанных обычной детской дружбой. Атмосфера в эти группах — специальная, нездоровая. Любовно-сексуальное внимание даже у детей вполне отчетливо качественно отличается от любовно-товарищеского внесением в первое специального полового оттенка, которого нет во втором: отсюда и другие, необычные для детей уклоны во взаимных их оценках, потворство и недоброжелательство не во имя товарищеской этики, а во имя сексуального «нравления», влюбленности, обожательства. Половой кумир целой детской группы, «романтизированный» слишком сильно, — это не обычный товарищ-возжак, а сверхлюбимчик, божок, окруженный фантастическим ореолом. Понятно, начальный половой романтизм, вкрапленный как тонкий оттенок в общие коллективные связи, не только не содержит в себе ничего плохого, но, наоборот, как увидим ниже, может быть с максимальным успехом педагогически использован, однако речь здесь идет именно о чрезмерном романтизме, резкой сексуализации социальных установок, о половом стержне, как основной базе «товарищества»: такой уклон требует борьбы.

Ребенок, рано и резко сексуально «романтизированный», отличается повышенной влюбчивостью, — то частыми и поверхностными сменами своих «возлюбленных», то чрезмерно глубокими и сложными сексуальными привязанностями. И в том, и в другом случае — большая растрата энергии и внимания: в первом — на частые перемены, перестройки своих «любовных» установок, во втором — на слишком раннее обслуживание непосильных для ребенка чувств с их ревностью и прочими глубокими осложнениями. Это — дети «сверхмечтатели», в любовные грезы убегающие от суровой реальности, смакующие все черты своего

«идеала» (чаще — придуманного), обсасывающие все детали отдельных встреч, взглядов, бесед.

Характерно, что «влюбиться» такой сверхромантик может и в представителя своего пола, при чем в такой эмоции нет обычно и тени гомосексуализма¹⁾, так как в следующей стадии развития влюбчивость у него перестраивается в гетеросексуальную²⁾. Явления этого сугубого полового романтизма знала часто жизнь закрытых женских институтов, кадетских корпусов, а также и «открытых» учебных заведений с затхлой атмосферой, не лучшей, чем в тех же закрытых. Это *ограбленный общий юношеский романтизм*, биологически присущий переходному возрасту во всех областях жизни, а не только в половой³⁾, но *ограбленный целиком* в пользу полового романтизма из-за неиспользования его во всех других областях жизни подростка (все то же уродливое воспитание). Чем больше пассивности, социального и творческого бездействия создает среда, тем меньше каналов для общего романтизма, тем больше данных для переключений его целиком на рельсы «полового сверхромантизма». У девочек это явление чаще, чем у мальчиков, но и мальчики, в соответствующей среде, с ранних лет культивирующей отход от реальности, социальности и действия, не отстают в таких случаях от девочек (интеллигентские, угасающие дворянские семьи и т. д.)⁴⁾.

Очень важно указать, что дети — половые «сверхромантики» обычно редко попадают в другие категории гиперсексуалов (к онанистам, эксгибионистам и пр.), что объясняется рядом тонких задержек, тормозов со стороны их воображения, смягчающего наиболее грубые прорывы половой чувственности. Если они вовлекаются в онанизм, яркость их романтики тускнеет (грубая «прозаизация» их грез, не говоря уже о биологических тратах, понижающих тонус мозговой коры и размах работы фантазии). Чаще они попадают в лагерь мазохистов («любовные мученики» — наиболее излюбленная «самоцель» их любовных грез).

Аналогом «полового сверхромантизма» является другое отклонение детской сексуальности в форме *обостренного полового*

¹⁾ Гомосексуализм — влечение к представителю своего пола.

²⁾ Гетеросексуализм — влечение к другому полу.

³⁾ См. ниже гл. IX.

⁴⁾ Очень ярко такой тип обрисован в трилогии Н. А. Крашенинникова — «Целомудрие» (часть вторая).

исследования: навязчивое приковывание внимания ко всем вопросам, так или иначе связанным с половой проблемой. Мания половых вопрошаний, половых сомнений — по всякому поводу. Болезненное сосредоточение исключительно на тех сторонах естествознания и обществоведения, в которых изучается пол, размножение, роды, брак и его детали и т. д. Опыты проделываются такими ребятами над животными, насекомыми, по линии показа все того же полового акта, половых органов и т. д. Бегают на случайные пункты, подсматривают в щели спален, «изучают» жизнь петушиного гарема и т. д. Эта обостренная половая любознательность часто появляется и в ранние годы (5—7 лет), но Фрейд и его школа резко переоценили значение ее в этот возрастной период, значение, которое *сильно вырастает тут лишь при воспитательном сдавливании прочих областей детского исследования.* Что же касается более позднего периода, ближе к переходному, здесь роль «полового сверханализа» становится иногда, действительно, совершенно недопустимой, тем большей, чем меньше дало воспитание пищи для других исследовательских исканий подростка. Дети — неумеренные онанисты, а также «сверхромантики» редко впадают в этот тип «исследовательского» отклонения, так как насыщение их половых тяготений (физиологическим половым разрядом или яркой половой грезой) уменьшает остроту, актуальность их общей половой любознательности: «сытость, удовлетворенность — злейший враг познания», в том числе враг и для половой «сверхлюбознательности».

Между этой формой отклонения и эксгибиционизмом могут иногда найтись точки соприкосновения в виде тяги к своеобразному половому *коллекционерству*, к накоплению максимума материалов, касающихся половой жизни. Но цели накопления у обоих разные: первый создает из них свой «научный» фонд, вносит их в свои теоретические и экспериментальные построения, второй собирает их для скорейшей публичной демонстрации.

Указанными формами детских половых отклонений, как основными, мы и ограничимся. Входить в более узкие детали не позволяют размеры брошюры, тем более, что массовая педагогическая практика главным образом имеет дело именно с описанными формами. В частности, некоторые указания местных работников о скотоложестве ребят, о педерастии и о прочих прубых, глубоких извращениях настолько единичны, случайны, что уделять им здесь, в массовом справочнике, особое внимание значило

бы превратить педолого-педагогическую брошюру в клинико-патологический трактат.

Однако специального внимания требует своеобразная противоположность гиперсексуализма детей — *гипосексуализм*, — слишком слабая, вялая выраженность полового влечения у развивающегося человека. Как гиперсексуализм надо считать явлением болезненным, таким же болезненным, но в иной плоскости, явлением приходится считать и гипосексуализм. Развитие полового влечения, сначала в его зачаточной, а потом и в зрелых формах, развитие, протекающее с нормальной быстротой, это закон жизни всякого живого здорового организма, а поэтому резкое отставание в этой области, резко пониженный темп полового развития, очень слабая выраженность половых проявлений в соответствующие возрасты, несомненно, явление болезненное. Суть заболевания не в том, что ребенок не «влюбляется», не испытывает полового возбуждения и пр. Дело обстоит сложнее: резкое половое отставание приходится рассматривать, как *признак некоего общего органического изъяна*, общего отставания в развитии организма и, в частности, в развитии всего секреторного аппарата, при чем половое отставание, дефект в половых уклонах является частностью, *отражением* общего процесса. Поэтому, если в 15—17 лет мы не имеем у подростка ясных признаков полового созревания, если в его поведении, в сравнении с ранними детскими годами, не появилось никаких новых качественных оттенков (начальная эротика подростка вполне безобидна, естественна и нужна), если на все 100% своих эмоций, социальных связей и пр. подросток продолжает оставаться все тем же неизменившимся ребенком, — очевидно, это не просто половое благополучие, а серьезное отставание, имеющее под собой некую *общую* причину в состоянии всего организма в целом.

Гипосексуализм — явление, встречающееся нередко у детей, чрезмерно физически истощенных, или родившихся от очень истощенных родителей, долго болевших, либо голодавших. Так, в послевоенную эпоху среди трудящихся масс всех воевавших стран появилось резкое увеличение числа детей гипосексуалов. Голодающие несколько лет области дают целую армию детей-гипосексуалов. Гипосексуализм — обычно болезнь длительного наследственного или детского голодания, и меры борьбы в этом вопросе нужны в первую очередь биологические, социально-гигиенические, а не педагогические, в отличие от *гиперсексуальных*

отклонений, где меры применяются по преимуществу социально-педагогические.

VII. Влияние социальной среды на развитие половых проявлений детства.

Все описанные выше формы половых отклонений, в основном являются продуктом воспитавшей их среды. Но различные слои социальной среды воспитывают детскую сексуальность по-иному, и с этой точки зрения небезынтересно изучить те половые проявления, которые создаются в следующих слоях социальной среды: 1) на улице — у беспризорных; 2) в семье — у детей, преимущественно получающих семейное воспитание; 3) в закрытых детских учреждениях — в детдомах; 4) в обычной школе. Как увидим, разница в содержании влияний среды налагает резкий отпечаток на материал детского полового развития.

Дети улицы, беспризорные, по 2—3 года пробывшие вне организованного воздействия семьи и школы, развертывают вполне своеобразную половую жизнь. Какова их среда, среда улицы? Масса примеров открытой, ничем не сдерживаемой половой жизни (притоны, ночлежки, бродяжничество), не связанной ни чувством стыда, ни моральными тормозами. Масса цинических половых соблазнов — это с одной стороны. С другой стороны, та же среда предъявляет самые жесткие требования к беспризорному, заставляет его ежеминутно бороться за кусок хлеба, за крышу, за безопасность, что требует максимума изворотливой деятельности, смекалки, тренировки, риска, непрерывных голодных, холодных и болевых испытаний. Как видим, тут налицо сложная смесь влияний, из которых первая группа *сексуально развращает*, вторая же максимально *отвлекает от гиперсексуальности*, требуя приложения всей энергии, всего внимания к непосредственной борьбе за жизнь, создавая самые острые и актуальные интересы внеполового характера. Одни влияния толкают на избыточные половые переключения, другие переключают максимум энергии на неполовые пути.

Как смешанны влияния на беспризорного, так противоречива и его половая жизнь. С одной стороны, раннее половое разнуздание, грубый половой цинизм, осведомленность о самых тонких деталях половой жизни, преждевременные половые акты вплоть до венерических заболеваний, смены «любовниц» и т. д. С другой

стороны, *неглубокое качественное внедрение* этого полового материала, неглубокая связанность беспризорного с его половым багажом, так как *наиболее глубокие и актуальные стороны его личности постоянно устремлены к вопросам острой борьбы за жизнь*. У беспризорных мы имеем *количественно обильную сексуальность, но качественно неглубокую*, что и позволило бы внести, при подходящей воспитательной обстановке, без особого труда оздоровляющие влияния в его половые навыки, как это мы и видим в хорошо поставленных трудколониях для беспризорных (под Москвой — им. Дзержинского, под Полтавой и др.).

Разительное несходство замечается между сексуальностью ультравнесемейных ребят (уличных) и сексуальностью *ультрасемейных детей*, центр бытия которых сосредоточен в семейной обстановке, мало связанных со школой, еще меньше с улицей. Казалось бы, это зачастую вполне в общем здоровые дети, с здоровой наследственностью и т. д., однако власть уродливой педагогической среды на развивающуюся сексуальность так велика, что и здесь мы имеем самые глубокие отклонения в половой области. «Ультрасемейные» дети — это обычно дети более состоятельных, прочных мещански-буржуазных семейств, в которых авторитет родителей еще очень силен, семейств, живущих еще в значительной степени замкнутым бытом (такие «оазисы» не малочисленны пока даже и в СССР), стесняющим свободу и инициативу ребят. Чем дети любознательнее и действеннее по своей природе, тем резче они чувствуют гнет такой семейной обстановки. Отвлеченный вовне для детских интересов — нет, круг переживаний и действий судорожно сужен, возможности движений, моторных процессов — тоже бедны, и, в итоге, создается наиболее благодарная почва для *болезненного, преждевременного качественного сгущения, максимального углубления и усложнения* половых навыков. Если учесть при этом, что в обеспеченных семьях мы имеем сытость, тепло, уют, обильные вкусовые раздражители, дающие минимум стимула для закалки, тренировки, конкретной инициативы, — вполне естественно, что детская фантазия разыгрывается в этих условиях ничем не ограниченная и приковывается к всяким мелочам телесных ощущений, ко всем тонкостям эмоциональных переживаний, а отсюда прямой, короткий путь к действительной, притом максимально усложненной гиперсексуальности.

Наружно, для поверхностного зрителя, эти ребята выглядят

часто необычными скромниками, сексуально наивными, несведущими, и это как будто «выгодно» отличает их от «разнузданных беспризорников», однако, на самом деле, тут мы имеем дело с привычной для семейного, т.е. одичавшего, подростка скрытностью, со сложной, умелой маскировкой, тщательно прячущей от постороннего взора, главным же образом от взора сурового родителя, многообразную, преждевременно усложнившуюся сексуальность.

Это часто — неумеренные, сложно фантазирующие оналисты, пронизавшие все области своего «я» такими хитросплетениями половой фантазии (благодаря избытку неиспользуемой общей энергии), до которых никогда не додумается беспризорный, отдающий $\frac{9}{10}$ своей энергии жизненной борьбе. Это часто сложные садисты, мстящие за длительные семейные тиски или разнузданные в условиях семейного изнеживания и потакания. Это иногда — «сверхромантики», при врожденной к тому склонности (пассивно-созерцательные типы) и при негрубой (хотя и нелепой) атмосфере семьи. Но это почти всегда — гиперсексуалы, с избытком половой фантазии, запутавшиеся, скрытные, одичавшие.

Иная сексуальность в *детских домах*. Долгие годы хорошо работающий детский дом, конечно, не имеет значительных детских уклонений в половой области, здесь же мы говорим об уклонениях, т.е. о детских домах, плохо работающих¹⁾.

Отличительные черты всякого детского дома (т.е. и плохо работающего): 1) массовое скопление детей; 2) организованный быт этой детской массы, режим широкого детского окружения. В этих чертах — отличие от улицы (там детские группы немногочисленны по составу, быт не организован) и от семьи (дети-одиночки; быт организован в узком окружении), в них же и разные корни для сексуальных отклонений. Детский дом, плохо работающий, хуже улицы, так как не дает достаточной пищи для инициативы, социальности и творчества, но он же, закрытый от уличной грязи, все же, как ни плох, защищает от той «половой энциклопедии», которую доставляет беспризорнику его среда. Вместе с тем половой материал, который все же просачивается извне в плохой детский дом, благодаря скученности детей, вскоре делается массовым достоянием. Именно в таком дет-

¹⁾ Общая методика педагогической работы, необходимая для правильного полового воспитания, включена нами во все следующие главы, начиная с восьмой.

ском доме особенно сильна *половая подражательность* ребят: та или иная половая новость, новая половая манипуляция делаются, от группки к группке, от застрельщика к своей «пастве», известными вскоре всей детской массе. Наличие организованного надзора, в отличие от улицы, мешает половым проявлениям развернуться широко и открыто, но недостаточность этого надзора, в отличие от устойчивой семьи, позволяет все же детям группироваться небольшими, тайными коллективами вокруг запретного полового центра.

При таких группировках особенно значительной делается роль полового застрельщика, и в то время, как беспризорники имеют вожakov в общей жизненной своей борьбе (вожак банды), не «специализируя» его на половой области, которая является лишь частностью их бытия, — в то время, как ультрасемейные ребята являются почти всегда сексуалистами-одиночками, — детдомовская сексуальность очень часто бывает именно *групповой*, часто объединяется также и вожаком-специалистом по этому вопросу. Взаимная сцепленность, связанность детей в половых группах ведет еще к одной особенности — к обогащению детьми друг друга сведениями о разнообразных деталях в области половой активности. Как ни богаты осведомленностью беспризорники, все же они знают лишь обычный половой акт, «семейные» вообще монотонны в своих половых проявлениях, так как скрытность мешает им поучиться у других, — в таком же детском доме, над которым нет умелого педагогического контроля, расцветает иногда необычайное разнообразие в половых деталях, невиданное в иной обстановке: педерастия, взаимный онанизм, публичное спаривание животных, публичный половой акт и т. д.¹⁾

Однако, та же обстановка коллективности является и противоядием к чрезмерно глубокому извращению, так как наличие ряда общих интересов в других областях, совместность в ряде учебных и других действий, не создают той опасной индивидуальной одичалости, которая всего опаснее в гиперсексуализме, не позволяют грубо исказить детское воображение, занятое и другими вопросами, кроме полового. Тот же постоянный детский коллектив, который при плохой его постановке, явился носителем полового интереса, может быть использован для ценнейшего творческого переключения.

¹⁾ К счастью, чрезвычайно редко.

Как видим, улица, «ультрасемья», скверный детский дом создают разные половые установки. Каково же положение в школе?

Школа — база для преимущественного сосредоточения детей на учебной работе. Воспитательная ее работа, в сравнении с учебной, к сожалению, мала. Это одно из «отличий» школьной среды. Школа работает, притом учебно работает, лишь часть дня, поэтому таких прочных детских коллективов, как детдом, она не создает, тем более, что сама по себе учебная работа является относительно слабой скрепой для коллективных детских связей. Эти два отличия школы вносят своеобразие и в воспитываемую ею сексуальность. Мы бы сказали, что средний тип современной школы таков, что он «безразличен» для полового воспитания и в положительном и в отрицательном смысле, и *половая жизнь ребят развивается в современной школе почти так же, как она развивалась бы без всякого школьного влияния*. Правда, имеются единичные, великолепные школы, накладывающие прочный и определенный активно-здоровый отпечаток на растущую детскую сексуальность, как и, обратно, имеются отдельные уродливые школы, ухитряющиеся даже и в ограниченное свое время, притом ограниченное узкой учебой, сексуально разнудать детей, но, в средней массе, современная школа и детская сексуальность обретаются в положении «взаимного нейтралитета». Судьбы детской сексуальности, как плохие, так и хорошие, решаются на внешкольном, послешкольном, каком угодно фронте (улица, семья, кино и т. д.), но не в самой школе.

Однако, в конечном итоге, *фактического нейтралитета, понятно, не получается*, так как школа, не вмешивающаяся активно в половое воспитание, *невольно служит половому уродованию детства*, оставляя последнее целиком в руках большей частью неблагоприятных бытовых условий и ничего своего им не противопоставляя. Естественно, что в таком положении школа занята лишь наблюдением и регистрацией, в острых случаях — «пресечением». Так как обстановка школы не располагает к уединению, замыканию, к углубленной романтике, к флирту, к работе половой фантазии (некогда, негде, все на виду), поэтому в школе проявляются лишь частные оттенки сексуальности, начало же и завершение ее в целом разворачиваются вне школы. Пожалуй, школа является свидетельницей повышенного сексуального романтизма, так как дети, мало сближавшиеся друг с другом, конкретные

связи заменяют работой воображения. Иногда в школе замечаются отдельные садистические вылазки, но все это неустойчиво, все это быстро прячется, так как не на чем развернуться.

Однако эта кажущаяся скромность далеко, повторяем, не фактическая, так как *действительная сексуальность проявляется вне школы*, успокоить может лишь безответственных лентяев или глупцов. Если бы школа научилась, вместо «нейтралитета», правильно и активно воспитывать в половом отношении, для внешкольного гиперсексуализма осталось бы неизмеримо меньше питательного материала.

VIII. Учебно-воспитательный процесс, как методическая основа всего полового воспитания.

Во всем предыдущем изложении мы привели материалы, освещающие то основное, что является *преддверием* к построению систематической методики полового воспитания. Имея перед собой общебиологические сведения о половой жизни человека, данные о главных этапах и путях полового развития детства, об основных детских половых отклонениях, развивающихся в различных условиях среды, и о способах распознавания этих отклонений, — мы можем построить более или менее связную систему методических подходов к половому воспитанию.

Первым, исходным, *общим* методическим правилом полового воспитания, правилом, диктующим указания для всей методики в ее специальных частях является тезис: *всякая деталь педагогического процесса должна строиться на зорком учете разворачивающихся элементов половой жизни человека; во все детские возрасты, во все области учебно-воспитательной работы должен включаться элемент полового воспитания*.

Непрерывно педагог обязан помнить, что *законы переключений являются его врагами или друзьями*, в зависимости от того, какую работу дает он для переключающей деятельности ребенка, для развития детских доминант. *Все то ценное*, чего воспитание не использует в ребенке, все то ценное, что воспитание оттеснит, сдавит в ребенке во все возрасты его развития, начиная с первых месяцев жизни, постепенно и неминуемо обратится своей энергетической зарядкой *против* наших воспитательных целей и послужит пищей для грозного гиперсексуализма, переключится на половые каналы. Только такое воспитание, которое дает сти-

мулы, путь и возможности для *всестороннего* творчески-действенного развития ребенка, избежит опасности паразитических переключений детских сил на пути половых ненормальностей. Это правило остается в силе для всех возрастов, но с особой интенсивностью должно оно руководить работой в переходном возрасте, когда синтезируются элементы всего предшествующего детского развития, когда ребенок по шатающемуся мосту через пропасть проходит из детства в зрелую жизнь.

Во все возрасты у детей имеются свои специально-возрастные черты, на которых и должна строиться вся воспитательная работа; у каждого ребенка имеются свои особые, специальные творческие сочетания, из которых и должен строиться воспитательный подход персонально к нему. Но во все возрасты, ко всем детям решающим фактором воспитательного подхода является учет следующих элементов: 1) эмоционального мира ребенка; 2) коллективных связей ребенка; 3) действительно-трудовых установок ребенка. Не зная методов эмоционально-коллективно-трудового воспитания, мы заставляем детскую эмоциональность переключаться в сторону паразитирующей *сексуальной* эмоции, мы погружаем, прогоняем ребенка в *одиночество*, а именно оно является лучшим другом гиперсексуальности. Мы лишаем его *действительно-трудовых тормозов*, т.-е. и общих тормозов, общей волевой сопротивляемости, развязываем, разнуздываем его стихию. Мы отдаем его тогда целиком во власть распоясавшегося полового рефлекса, непомерно расширившего свои биологические границы за счет ограбленных им других, неиспользованных воспитанием, областей детского творчества.

Педология должна дать научные вехи, каким образом *во все возрасты* следует овладевать эмоционально-коллективно-трудовыми установками детей, — наша же цель, не претендующая здесь на писание педологической энциклопедии, ограничивается указаниями главным образом ¹⁾ в области *наиболее заостренной полосы полового развития*, в области *переходного периода детства*, требующего наибольшего, особо концентрированного внимания со стороны полового воспитания.

¹⁾ Попутно мы будем касаться и других возрастов, но центром будет — переходный возраст.

IX. Основные черты переходного возраста, как база для полового воспитания в этом критическом периоде.

Пять-шесть лет переходного периода можно разделить на три стадии: 1) подготовительную; 2) критическую; 3) заключительную. Основная тенденция всех этих трех стадий, тенденция, являющаяся доминирующим стержнем для судеб всего дальнейшего развития человека, заключается в *сильном эмоциональном взрыве, в повышенной общей возбудимости*. В разные стадии переходного возраста эта тенденция бывает с разной интенсивностью выражена, но она имеется во всех этих стадиях и должна лечь в основу всего педагогического процесса. Источником этой тенденции является нарастающий перелом в секреторной, эндокринной системе — в системе желез внутренней секреции, и глубокие, быстрые качественные преобразования в центральной нервной системе. Но было бы абсурдом полагать, что этот эндокринно-мозговой кризис протекает хаотически, что его нельзя уловить, объективно учесть, сделать объектом педагогического вмешательства. *И можно, и должно.*

Сексуально созревающий ребенок, предпуберт и подросток отличаются повышенной эмоциональностью. В подготовительной стадии (10—12—13 лет) эта эмоциональность несколько спокойнее, в критической (12, 13—15, 16 лет) — острее, бурнее. Ребенок чаще волнуется, волнения его интенсивнее, длительнее, чем в предыдущих возрастах, переживания сложнее, насыщеннее. Имеется склонность к колебаниям настроения как в сторону усиленного возбуждения, веселья, подъема, так и в сторону подавленности, грусти, тоски, при чем колебания эти могут быть как чисто внутреннего, органического происхождения, так и по мотивам извне, — чаще всего по незначительным мотивам. Для этой эмоциональности характерна склонность к взрывам, к внезапным неожиданным кризисам, так же быстро исчезающим, как они появляются.

Своеобразны также и свойства тормозного, «волевого» аппарата этого периода. Качественные изменения мозговой коры таковы [быстрый рост новых ассоциативных (связывающих) волокон и утончение, специализация прежних], что, с одной стороны, увеличивается общая сумма возбуждения, увеличивается иррадиация мозгового возбуждения, т.-е. нарастает рассеянность, утомляемость и т. д., с другой стороны, развивается противоположность

этому явлению — способность к особенно ярким, актуальным установкам, сосредоточивающим на себе максимум энергии и использующим максимум волевой выдержки. Отсюда — *своеобразное противоречие переходного периода: распушенность, разгильдяйство, если нет яркой доминанты, если нет центрального, все привлекающего интереса и, наоборот, чрезвычайная конденсация, сосредоточенность, тормозная, волевая выдержка, если такой интерес, такая доминанта создается.* К этой же своеобразной черте тормозного аппарата относится и повышенная тяга к сопротивлению, преодолению, усилию, которая вырождается в слепое упрямство, в борьбу со всеми и всем, если не находит для себя полезного материала и, наоборот, оказывает величайшие услуги воспитанию, если умело переключается (на интересные приключения, риск, соревнования и т. д.).

Характерна и моторная, двигательная сторона переходного периода. Дети либо валются днями на постелях, упрямо нахохлившись, сидят в укромных уголках, либо же, заинтригованные интересной целью, оказываются чрезвычайно подвижными и необычайно моторно выносливыми. *Доминантная установка, эмоция, интерес является решающим фактором в их двигательных процессах, которые, без доминанты, часто оказываются заторможенными, даже при полном общем здоровье.* Обширные экскурсионные планы, смелая туристика, кочевье, лагерные авантюры — вот стимулы, создающие необычайный двигательный подъем в переходном возрасте.

Рост общего возбуждения, при одновременном усилении ярко-эмоциональных доминантных установок, создает своеобразные черты и в интеллектуально-исследовательских процессах подростка: ему трудно внедряться в специальные детали, легче схватывать основное, общее и, вместе с этим, ему интереснее связаться с тем, что еще *предстоит*, чем с тем, что уже имеется сейчас. *Установка на общее и дальше* — в противовес специальному и близкому.

Отсюда и некоторое ослабление способности к точному, конкретному аналитическому мышлению и усиление работы воображения, фантазии, абстрактных («философских») обобщений. Расцвет яркого романтизма (который и переключается в чрезмерный половой романтизм, *если не используется на иные, более нужные цели*), стремление к высоким идеалам, к героическому, огромному, мировому. Необходимо указать, что эта романти-

чески-абстрактно-обобщающая тяга, правильно используемая, не только не вредит, в конечном итоге, целям аналитического, специализированного, точного мышления, но, наоборот, является в переходном возрасте могучим для них стимулом, создавая такую способность сосредоточиться на узком, детальном, специальном, какой не было бы никогда без этой *общей, зажигающей и все овещающей установки.*

В отличие от предыдущих, предпереходного и более ранних возрастов, именно период полового развития, предтеча зрелости, *подводит к частному от общего, а не наоборот.* Не понять это основное свойство переходного возраста — значит потерять главные пути педагогического к нему подхода. Именно непониманием этого кардинального свойства подростка и следует объяснить столь распространенные пресловутые рассказы о временном слабоумии подростка, о понижении его критики, упадке исследовательской тяги. Перестроилась *качественная основа* интеллектуального творчества, исходным пунктом исследования является тут уже не частное, а общее, но, возбудивши это общее, связавшись с романтикой, с воображением, с доминантой подростка, мы с величайшей продуктивностью можем продвинуть его и к частному, узкому, аналитическому, добиваясь самых ценных и самых точных исследовательских результатов, что могут подтвердить и уже подтверждают педагоги, использующие именно такой подход в своей преподавательской работе (материалы Северо-Западн. областного с'езда СПОН, 1927 г., материалы Московской губернской методической конференции обществоведов при МК ВКП(б) 1927 г.¹⁾ и т. д.).

Коллективные установки переходного возраста тоже чрезвычайно своеобразны. Резко выпячивается личностное начало, чувство «я», но, вместе с тем, рост актуальной романтики, волевого напора, обострение самолюбия — требуют обязательных связей с социальностью, с коллективом, *без которого у подростка нет нужной пищи для культивирования сгустившегося чувства «я».* *Эгоистически-социальная установка, где «эго» («я») — центр действий, но «социю», коллектив — опорная база для действий, без которой «эго» впустую повиснет в воздухе.* Это оригинальное сочетание черт оказывается трудно используемым в педагогической работе, но разумно, умело направленное, бази-

¹⁾ Обе дискуссии развернулись по докладам пишущего эти строки.

руясь на героических, волевых установках подростка, оно дает великолепные социально-творческие результаты. Пресловутый подростнический «аутизм» (самозакупорка), о котором, по аналогии с подростническим «слабоумием» часто говорят некоторые педологи, это никак не возрастная черта, а лишь результат неумелого подхода к своеобразному *эготически-социальному* уклону возраста: неиспользование второй части этого уклона («социо») ведет к сужению оставшейся первой, к обострению «эго», к закупорке внутри «эго»; *при правильном же подходе аутизма не будет.*

Таковы основные черты наиболее ответственного, в смысле полового воспитания, возраста. Как видим, в этом возрасте одновременно содержатся и наибольшие возможности и особенно грозные опасности. С одной стороны, необычайное богатство энергии, мощные порывы к активности, обострение творческого воображения, ценнейший материал для переключающей работы педагога. С другой стороны, благодаря появлению начальных элементов созревающей половой жизни, весь этот активистически-энергетический материал, при неправильном его использовании, будет двинут целиком в половое русло, как в наиболее притягивающее и, наводнив его, обнажит, иссушит прочие области творчества. Именно благодаря огроному богатству возраста возраст этот насыщен такими острыми противоречиями. Куда двинешь, куда переключишь эти богатства — на творчество или в болезненные установки, — *только от путей педагогического переключения решатся трагические или радостные судьбы возраста.*

Трагизм современного подростничества — это не фатальный трагизм самого возраста, а вина уродливых влияний среды, дающей возрастной энергетике болезненное, паразитическое применение. Происходит непрерывная ожесточенная борьба между творческим и паразитическим началом в окружающей среде. Половой элемент, такой ценный и нужный для психофизиологического развития ребенка, неожиданно, благодаря уродствам среды, оказывается пособником растущего паразитизма и вовлекает в свое русло оставшиеся, по вине среды и воспитателей, без применения творческие силы. Богатая фантазия превращается в усиленное половое фантазирование, яркая романтика — в преждевременно заострившуюся влюбчивость, боевая активность — в садизм и т. д. Педагогический процесс в СССР, впервые строящийся на здоровых элементах новой, *социалистической среды*, обязан уничтожить

трагизм подростничества. Именно в этом — главная задача полового воспитания.

X. Педагогическая среда, как фактор полового воспитания в переходный период.

Вся обстановка учебно-воспитательной работы переходного возраста должна базироваться на правильном использовании эмоциональности и активности этого возраста, во избежание переключения их на половые рельсы. Педагогически задача эта облегчается *даже при бедности среды.* Именно переходный возраст, благодаря своему внутреннему эмоционально-энергетическому богатству, может, при правильном к нему подходе, облегчить воспитательную работу даже в условиях бедной внешней обстановки. Это свойство подростка блестяще развернуто в рассказе Л. Сейфуллиной «Правонарушители»: хороший педагог построил на правильном использовании энергетике группы подростков буквально из ничего великолепное хозяйственно-воспитательное учреждение (см. о таких же фактах в стенограмме дискуссии по нашему докладу на II Всесоюзном съезде СПОН: выступления с мест).

Художественно-яркие материалы об этих же способностях предподростков и подростков к богатому строительству из бедных, нищих материалов имеются и в повести М. Твэна «Том Сойер» и в ряде других беллетристических произведений (трагическая сторона этой способности остро выявлена в романе Ж. Рони «Дети улицы»). Благодаря внутренней эмоционально-энергетической насыщенности, подросток малое превратит в большое, бедное — в богатое. Яркое воображение не дает ему в известной степени даже заметить эту бедность, так как горячий интерес при яркой фантазии восполнит реальность такими чертами, которых в ней пока объективно нет: это благодарная, ценная черта возраста, если правильно ее применить, и опасная, если она, без регулятора, разнуздается.

Крупнейшую роль в этом смягчении влияния бедной обстановки играет личность самого педагога, его эмоционально-заражающее воздействие, его энтузиазм, личный пример, все это — факторы, имеющие решающее значение для здоровой романтики подростка. Подросток, кроме того, как мы говорили уже выше, любит самый процесс волевого напора, усилия, преодоления препятствий, и его не только не запугаешь нищетой среды, но, наобо-

рот, именно этим можно особо ярко зажечь: «добудь, завоюй, преодолей, борись, измени, обогати среду сам». Дефект среды, таким образом, при умелом воспитании может превратиться в одно из лучших ее достоинств — именно в переходном возрасте.

Поэтому механические представления о том, что, в целях полового воспитания, для организации яркой эмоциональности ребят обязательна яркая, пышная, внешне богатая, внешне зажигающая среда, оказываются более чем нелепыми. Дело не в внешнем богатстве, не в сложной обстановке, не в изобилии материалов и наружных раздражителей, а в умелом использовании детского интереса. Неумелый подход — и нет интереса, нет доминантной энергетической зарядки даже при богатейших материалах (мало ли онанизма и прочих форм гиперсексуализма в богатых семьях, в богатейших школах); умелый подход — и бедная среда превращается в источник величайших педагогических стимулов.

Но умелый подход имеет и должен иметь в окружающей среде свои вполне определенные предпосылки. Чтобы половое воспитание протекало закономерно, чтобы оно не зависело в главном от индивидуальных педагогических умений, совершенно необходима для этого среда, обладающая рядом жестко оформленных черт. Без этого условия все влияния останутся кустарными и будут целиком зависеть от стихийных эмоциональных колебаний у ребят, что, конечно, недопустимо. Каковы же эти основные элементы педагогической среды, необходимые, в первую очередь, для полового воспитания в переходном возрасте?

Учреждение, воспитывающее подростков (школа, детдом, ФЗУ, пионеротряд) должно всей своей структурой, всем своим содержанием создавать у ребят впечатление *твердости, стойкости, налаженности.* Только такая атмосфера способна противостоять стихийным зигзагам настроений переходного возраста, вправить эти настроения в закономерное, устойчивое русло, организовать эти настроения. Обстановка стойкости, твердости не позволит эмоциональности ребят разнуздаться, не допустит ее переключиться по линии наименьшего сопротивления — в половую область.

Однако механическая стойкость, «деревянная» настойчивость среды совершенно не пригодна для горячих эмоций, для богатого воображения переходного возраста. Необходимо, чтобы эта настойчивость была *авторитетна* для детей, была в их сознании *субъективно оправдана, осознана, принята*, — мало того, даже *идеализирована*, пропущена через ребячью романтику.

Если настойчивость, проявляемая педагогической средой (жесткий режим, регламентация поведения и т. д.), выражается лишь в приказах, запретах, расписаниях и т. д., это послужит исключительно на пользу гиперсексуальности, так как создаст угнетение мозговой коры, ряд лишних торможений без выходов наружу, т. е. благоприятные условия для переключения энергии в половые каналы. Если же эта устойчивость среды будет воспринята детьми, как *метод боевой подготовки к жизни, как орудие волевой и творческой закалки, как испытание смелости и силы*, — такая настойчивость даст нужное эмоциональное направление, нужные выходы для детских эмоций и действий, будет лучшим противоядием против полового паразитизма.

Учреждение, в котором воспитываются дети переходного возраста, должно представлять собой *единый организм*, все части которого слиты в одно целое. Единый коллектив детей — единый не в формальном смысле, а по существу. Единый, прочно сколоченный коллектив педагогов. Общая атмосфера единства всех частей педагогической работы и детского быта. Если отсутствие этого единства и не будет иногда замечено детьми в предыдущем возрасте, когда разрозненные части воспринятого еще плохо объединяются в целое, еще плохо синтезируются, если в более позднем возрасте к этому единству создается уже равнодушное отношение, как к чему-то привычному, давно знакомому, — с переходным возрастом обстоит наоборот: именно *переходный возраст обнаруживает самое горячее, острое, страстное отношение к единству, к направленности, целеустремленности окружающей среды.* Подросток лишь начинает входить в полосу творческого синтеза, в полосу объединения опыта из разнокалиберных, разрозненных частиц, напряженно ищет основного для себя направления, инстинктивно, трепетно нащупывает это направление, это целевое единство в окружающей среде, и *резко дезорганизуется, если не находит их*, — т. е. делается затем жертвой дезорганизующих переключений.

Поэтому же к основным элементам среды, помимо *устойчивости, авторитетности и целевого единства*, необходимо прибав-

вить еще *органическую связь учреждения с окружающим широким миром*. Замкнутое учреждение, даже целостное и прочное, всегда будет рассадником гиперсексуальности. Основная эмоциональная установка возраста — на обширное, большое, далекое, развертывающееся. Все, что сужено, ограничено, не дает стимулов для воображения, романтики переходного возраста. Школа, как часть обширного школьного мира, объединенного, в районном, городском и более широком масштабе, рядом богатых взаимных связей; школьный быт, как часть широкого общедетского быта, — школа, детдом, как общественно-хозяйственная часть района, как часть города и т. д., при чем это расширение круга связи детучреждения с окружающим миром не должно быть формальным, должно быть насыщено богатым и активным содержанием.

Если дети знают, что в своей общественной жизни они должны отчитываться перед широким собранием детей района, если сведения об их быте распространяются путем делегаций в те города и села, с которыми они поддерживают переписку и непосредственную связь, это «подтягивает», дисциплинирует ребят, вызывает у них усиление коллективизма, укрепляет интерес к широкому окружению, мешает закупорке их в интимно-сексуальные установки. Особенно велика эмоциональная роль крупных (общесоюзных, международных) детских организаций, частью которых является данная детская, школьная и пр. организация: грандиозность огромной детской организации — неисчерпаемый материал для действительного воображения подростка. В среде учреждения эта связь с широкой деторганизацией должна чувствоваться не только по плакатам и не по «заграничным письмам под стеклом», но по ряду конкретных общих мероприятий, с определенными обязательствами и реальными результатами (сборы для жертв революции определенного города, материальная помощь или моральная поддержка определенной детской группы и т. д.). В пределах СССР и данного района — деловая связь с беспризорными, с крестьянской школой, с детсадами, с вузом, с казармой, фабрикой и т. д. Толчки из широкого, дальнего, огромного — неисчерпаемый материал для богатых образов, для ценнейшей активности, лучшее отвлечение от паразитической, замкнутой фантазии. *Эта ширь, это богатство связей с миром должны быть сердцевиной педагогической среды, окружающей переходный возраст.*

Нет ничего худшего, если среда подростка оказывается застывшей, раз навсегда данной, неизменяющейся. *Необходимо,*

чтобы детучреждение росло, изменялось, развивалось на глазах у ребят, и чтобы этот рост был вполне наглядно виден, чтобы он непрерывно чувствовался в жизни учреждения; мало того, необходимо, чтобы в процессе этого роста самым активным образом участвовали усилия самих детей и чтобы результаты этих усилий особенно выпукло выявились в росте учреждения. Обогащение школьного инструментария и инвентаря, изменения в архитектуре помещений, — пристройки, огороды, выставки по годам, с ясной кривой роста, книжки школьных журналов, запечатлевших эволюцию учреждения, отчетные собрания с данными о росте, — все это в сопровождении четких указаний на активную роль самих детей в эволюции своего учреждения является незаменимым будирующим фактором для подростка. Подросток сам быстро и ярко растет, субъективный рост захватывает его целиком, и нет более острого для него стимула, чем рост, изменение окружающей среды в связи с процессом его собственного роста. Самым ужасным средством для полового прогнивания детей были старые царские гимназии, на десятки лет неизменные, с теми же стенами и обстановкой, создававшие тугой обруч вокруг динамики переходного возраста, гнавшие эту динамику в пропасть. Самый тяжелый конфликт переходного возраста — конфликт со средой, и, если конфликт этот пронизывает сердцевину возраста — изменчивость, если изменчивость возраста встречается с неизменностью среды, — это бывает самым тяжелым ударом по эмоциональности подростка.

Но одной внутренней изменчивости детучреждения недостаточно для переходного возраста. Необходимо, чтобы учреждение время от времени *раздвигалось вовне*, изменяло самые формы своего быта и работы. Учеба, общественность, связь с районом и т. д., если все это протекает лишь внутри стен школы, клуба, фабрики, — динамики в таком методе работы слишком мало для подростка. Надо выводить время от времени работу *за стены*, на улицу, за город, в поле, в лес. Кочевнически-романтическая установка возраста этого настойчиво требует. Время от времени надо давать резкие перемены обстановки, освежающую новую зарядку его органам чувств и эмоциям, широкий выход его двигательным тяготениям, активизирующий материал для его потребности в усилении, для его гибкости. Экскурсии, туристика, лагерный уклон, кочевья, исследовательская «охота», — все это гонит вон из стен школы, все это освежает повседневный школьный материал, и

школа, детдом, при организации своей среды, должны включить эти «прорывы через свои стены» в обычный годовой план работы, так как иначе «прорывы» окажутся в ином, враждебном школе, месте — в половой области. Повторяем снова и снова: *все эмоционально-богатое, неиспользованное, не канализированное на цели воспитания, с неумолимой обязательностью переключается на половое, главного соперника для педагогики в этом возрасте.*

Атмосфера организованного, живого детского и воспитательского коллективизма должна быть неотъемлемой частью сердцевины той педагогической среды, которая окружает переходный возраст. Если коллективизм предыдущих возрастов не стоек, не широк, ограничивается менее сложными формами и незначительным составом, если коллективизм позднейших возрастов спокойно устойчив, привычен, — коллективизм подростков пропитан огнем, заострен, насыщен конфликтами, сложен по формам, разнообразен по количественному и качественному составу, резко изменчив и требует такой организации среды, которая вправила бы его в здоровое русло. Проблема вожачества заостряется в переходном возрасте так, как никогда до и после него. Такой же сложной, чреватой конфликтами, является и роль взрослых влияний, роль взрослого, воспитательского коллектива в отношении к подростническому коллективу. Поэтому четкость форм коллективного детского быта, тесная связанность педагогического и детского коллектива, вожаческое ядро в центре внимания воспитательной работы, возможность во-время уловить и урегулировать сложные зигзаги в коллективных связях подростков, учет всех новых детских группировок и материала, их объединяющего, — тесная спайка, глубокое содружество всех педагогов учреждения, более чем где-либо необходимые для влияния именно на переходный возраст, — такова должна быть коллективистическая атмосфера среды подростка¹⁾. В этом участке среды совершенно исключительную роль приобретает личность педагога, его пример, его быт, его общественное, учебное, личное поведение; ко всему этому подросток зорко, ревниво присматривается, неусыпно следит, подражает, обоготворяет, издевается, яростно преследует, в зависимости от «уловленного» им материала. Личность педагога, как и влияние личности вообще, делаются чрезвычайно актуальными именно

¹⁾ О конкретной, детальной методике коллективизма, как фактора полового воспитания, ниже в гл. XV.

в переходном возрасте, что обусловлено сложным и противоречивым сочетанием социально-личностного начала, о котором мы подробно говорили выше (гл. IX).

Несмотря на своеобразные диспропорции переходного возраста, именно ему сильно свойство чувства пропорции, чувства закономерности, соответствия, что объясняется начинающейся сложно-синтезирующей работой мозга. Отсюда, при богатом воображении подростка, одновременно и заостренный его скептицизм, недоверчивость, критицизм. Поэтому *диспропорции в среде были бы чрезвычайно опасны*, так как дискредитировали бы всю ее положительную работу. Самым важным условием является *строгое соответствие между размахом, планами педагогической среды и ее объективно-конкретными, действительными возможностями.*

Подросток, благодаря богатству фантазии, активнее, радостнее примирится с бедностью, нищетой среды (обогатив ее своей романтикой и волевыми порывами), чем со смехотворно-бессильными ее потугами, дающими при богатых обещаниях ничтожный эффект. Презрение к обстановке, чувство комизма, обусловленное нерасчетливостью, бессилием, неожиданным провалом, оказываются злейшими врагами педагогической работы в переходном возрасте. Гордо сознаться в своей бедности, построить работу согласно фактическим скромным возможностям, предъявить особо серьезные требования к самим детям во имя возмещения невольных педагогических пустот, все это будет во сто крат ценнейшим подходом, чем хвастливо-фразерская «планировка» с ничтожным результатом. Подросток энтузиастичен, сверхидеализирует, но он же резко злопамятен и меньше всего склонен прощать обман, причиненный его доверчивости. Твердая тактика — на чистоту, строгое соответствие планов, действий и результатов — это лучший подход к возрасту. Иначе — снова острый конфликт со средой и бегство в сексуальность.

О физиолого-гигиенических элементах воспитательной среды скажем ниже, в главе о физкультуре, как факторе полового воспитания (гл. XVII).

Как видим, прежде было гораздо легче писать и говорить о половом воспитании, ограничивая его «узко-гигиеническими» указаниями и вопросами «полового просвещения». Фактически, подобное, в старом смысле, так называемое «половое воспитание» должно было играть и играло совершенно ничтожную роль,

так как проходило почти целиком мимо педагогического процесса, затрагивая лишь узкую и специальную его часть, при том чаще всего затрагивая ошибочно. Мы же сейчас с достаточной очевидностью, с очевидностью, достаточной для всякого культурного педагога и педолога, уясняем, что полового воспитания в чистом смысле нет, что половое воспитание органически включается во все элементы педагогической среды и педагогического процесса, и что половые из'яны в основе своей имеют не узко-гигиенические дефекты, не дефекты санитарной неосведомленности, а гораздо более глубокие корни, растущие из всей педагогической среды и педагогической работы в целом. Извращения в социально-педагогических влияниях вызывают, в свою очередь, половые извращения, и первоочередное вмешательство в вопросах полового оздоровления должно исходить из реорганизованной педагогической среды и работы, на почве которых только и возможен дополнительный эффект физио-гигиенических и санитарно-просветительных мер. Без построенной по нужным принципам среды — и физкультура и санпросвет неминуемо окажутся выстрелом в воздух.

Вполне очевидно вместе с тем, что все элементы педагогической работы должны быть заново пересмотрены не только с точки зрения учебного своего эффекта, но и с точки зрения нового элемента, включающегося в педагогику, с точки зрения полового воспитания. Лишенная этого элемента, элемента полового воспитания, педагогика, в ее целом и частях, осуждена на самые тяжелые и часто непоправимые ошибки. Каждая часть педагогического процесса должна быть поэтому подвергнута дополнительному рассмотрению с точки зрения значения ее для полового воспитания, так как все учебные дисциплины, все методы учебно-воспитательной работы являются одновременно и факторами полового воспитания. Понятно, на протяжении данной брошюры, мы коснемся лишь основных, наиболее крупных вопросов педагогической практики.

XI. Обществоведение, как фактор полового воспитания.

Ничуть не будет парадоксом, если мы выскажем следующий тезис: плохо поставленное преподавание обществоведения — один из наиболее влиятельных рассадников детского онанизма и детской гиперсексуальности. После высказанного нами выше полагаем, что и читатель не сочтет этот тезис парадоксом. Суть

тезиса в том, что, если обществоведение не сумеет использовать заключенные в нем богатейшие романтически-героические и действенно-исследовательские возможности, романтика и прочая эмоциональность переходного возраста, лишенная одного из крупнейших своих стержней, поскользнется на путях половой эволюции и переключится в половой канал. Именно в марксистском обществоведении, в науке об общественном развитии, о борьбе общественных классов, заключаются неисчерпаемые залежи для действенно-эмоционального захвата подростка и для отвлечения его от избыточных половых устремлений. Обществоведение в марксистской его проработке насыщено элементами борьбы, элементами непрерывной боевой динамики: развитие, усложнения, передвижения, внедрения одних элементов в другие, конфликты, взрывы, новые перемещения, новая изменчивость. Конечно, обществоведение не в «схоластической», «богословской» его подаче, а умно, со знанием, живо преподносимое детям. В обществоведении — богатейший материал для героических установок подростка: подготовка к классовой войне, возможности острого риска, сложных боевых неожиданностей, героические примеры революционных борцов в истории и т. д. В нем — неисчерпаемый источник для ярких этических порывов переходного возраста: борьба с эксплуатацией на стороне обездоленных, в защиту трудящихся масс человечества.

Обществеведческие экскурсии — база для самой богатой исторически-этической и боевой романтики; при правильной их постановке, совмещение с туристикой, подростническим «авантюризмом», кочевьем; краеведческие экскурсии, изучение дальних памятников прошлого и т. д. В обществоведении — тесная связь с общественной самодеятельностью ребят, с их общественной организацией (пионерской и т. д.), богатые возможности использования материалов обществоведения детской общественностью и обратно: иллюстрации из экономической и политической истории молодежи прошлого, анализ современного молодняка в сравнении его с молодняком минувших эпох и других классов, — отсюда и выправляющие примеры, регулирующие указания для общественного поведения ребят и т. д.

В обществоведении — непрерывный, неиссякаемый материал для синтезирующей работы, для широких обобщений, для яркой увязки «дальнего» с «ближним». За основу берется крупное, обширное, огромные пласты: эпоха, класс, экономические и поли-

тические сдвиги, и все это требует объединения, систематизации, все создает установку на будущее, на огромную и революционно-заманчивую даль. В ярком и четком обществоведческом освещении перестраивается в глазах подростка вся окружающая жизнь, все части педагогической с ним работы, весь быт его и его коллектива, все это получает руководящую эмоциональную направленность, объединяющий общий смысл, — как раз то, чего так остро он жаждет именно по свойствам возраста. Нужна ли лучшая почва для самой здоровой переключающей работы с подростком, найдется ли лучшее средство против паразитического полового переклочения?

Конечно, нельзя отрицать, что так «подавать» обществоведение — не легкая задача. Но иначе подавать его подростку — бесполезная, вредная задача: «эмоционально-рвотное» средство. Очевидно, обществоведение для подростка должно иметь преимущественный *исторический* уклон, и в этом отношении возврат за последние годы к историзму в школе II ступени, с точки зрения полового воспитания, следует горячо приветствовать. Вне историзма нет, в рамках переходного возраста, возможностей для яркой динамики, для здоровой романтической героики, т.е. нет и почвы для действительного усвоения самого обществоведения, не говоря уже о тяжелом вреде, наносимом общей эмоциональностью, и половой — в первую очередь. Опасения, что при таком «эмоциональном» методическом подходе объективные факторы исторического процесса (экономика, социология) сотрутся перед субъективными факторами (роль отдельной личности), совершенно неуместны, так как от марксистской прямотности преподавателя зависит поставить соответствующие факторы на должное их научное место и не давать вообще расплываться воображению подростка, поддерживая его лишь в известных границах и на определенных путях. Что же касается потребного времени для такой методики, при знаниях педагога оно не больше того, которое нужно для обществоведческого «богословия», с той лишь разницей, что тратится вдесятеро продуктивнее. Развернувшаяся в связи с нашими докладами, на конференциях и в печати, дискуссия о перестройке обществоведения именно в таком методическом плане полностью подтверждает правоту нашей позиции (опыт трудкоммун, школ ФЗУ и др.).

Хорошо поставленное обществоведение — лучший друг здорового полового воспитания, лучший стимул для творческих пере-

ключений подростнической эмоциональности. Уродливо поставленное обществоведение — обязательный, хотя бы и невольный, рассадник онанизма и прочих видов гиперсексуальности, так как не использует ценнейших эмоциональных путей подростка, т.е. позволяет его эмоциональности паразитически, сексуально переклочаться. То, что могло бы дать обществоведение для эмоционально-полового воспитания, не может взамен дать в переходном возрасте никакая иная учебная дисциплина. Как фактор полового воспитания, обществоведение совершенно незаменимо¹⁾.

XII. Естествознание и смежные дисциплины с точки зрения полового воспитания в переходном возрасте.

Вот, казалось бы, учебные области, как будто ничего общего не имеющие с романтикой переходного возраста, с его воображением, героизмом и пр. Но так казалось бы лишь поверхностному наблюдателю. Лучшие педагоги-методисты естествознания подтвердят, что дети-натуралисты — счастливейшие, вполне романтически, героически настроенные существа при всей жесткой, объективно-конкретной установке их на точное биологическое исследование. Однако, необходимо вначале оговориться по поводу понимания самих слов «романтика», «воображение» и пр. Слова старые, имевшие во многом больное прошлое и вызывающие поэтому жестокое недоразумение при понимании их сущности. Романтика, в использовании ее сантиментальничавшими эксплуататорами, это одно, — романтика же, как актуально-эмоциональная насыщенность, как цикл ярко-боевых переживаний, — это качественно совсем другое: наиболее сильные, мощно целеустремленные пролетарские революционеры, отдающие жизнь свою, все свои силы и мечты революционным боям, — это наиболее яркие романтики...

Привнесение в конкретную действительность яркой эмоции, — умение, отвлекаясь от сегодняшнего, заглянуть в завтрашний и послезавтрашний день, не теряя при этом объективистического регулятора, умение радоваться не только тому, что уже есть, но и тому, что еще только будет, — это ценнейшая черта для всякого

¹⁾ Обществоведение, как материал для полового просвещения, — это особый вопрос; см. ниже в гл. XX.

реалистического бойца, но черта эта немислима без эмоционально-романтического заряда, без яркого творческого воображения. Конечно, романтика и воображение подростка еще далеко не на 100% об'ективизированы, но от педагогического умения зависит ввести их в максимально точные нормы, дать им, одновременно, и «обжигающий» и неумолимо-конкретный материал.

Естествознание, при умелой его подаче, может дать такой материал в неисчерпаемом количестве, организуя этим богатейшие эмоциональные тяготения возраста, подводя фундамент под все дальнейшее творчество взрослого человека и, вместе с тем, отрывая энергию возраста от преждевременного, избыточного ее сексуализирования. Как видим, в таком разрезе и оно оказывается одним из могущественнейших факторов полового воспитания.

Вся теория эволюции с ее изменчивостью, борьбой, противоречиями, отмиранием ненужного, мощью целесообразного, жизнь далекого прошлого, жизнь грядущих эпох, физико-химические законы, техника с ее изобретательской мощью, — все это может и должно быть подано, как актуальнейший материал для острой работы воображения, как вкуснейшая и полезнейшая пища для голодных, жадных исследовательских запросов, как стимул для ненасытных непрерывных поисков. История мироздания, геологические катаклизмы, смена геологических эпох, межпланетные проблемы, мощный динамизм, огромность этих материалов, — только схоласт не сумеет использовать их для яркой эмоционально-действенной зарядки. Физиология человека, тайны его функций, взаимозависимость в целостном организме, физиология творчества, мозг и «душа», мозг и тело, законы наследственности, — все это и для слушанья, и для демонстраций, и для чтения, и для самостоятельного исследования — залежи, которыми надо лишь педагогически овладеть. Вот где приходится настойчиво вспомнить о принципе целостности, единства в педагогической работе над переходным возрастом (гл. X).

Правильно построенное обществоведение, как центр всех учебных дисциплин, дает совершенно новое освещение и основным биологическим проблемам (природа, как фактор труда, — человеческий организм и социальные условия, — физико-химические законы и производственно-социальные проблемы и т. д.), заряжает их яркой общественной направленностью и создает совершенно особый, новый вкус к их изучению, стимул для экскурсий, опытов, коллекционерства, для занятий математикой и т. д. Именно в та-

ком виде естествознание, без всякого риска, может быть планомерно использовано и для общегигиенических указаний, а также для постепенного, незаметного углубления сексуально-просветительной осведомленности детей, без тех опаснейших «специальных» бесед, которые часто устраиваются на «половые» темы¹⁾.

Итак мы видим, что естествознание является не только фондом для полового просвещения, но оказывается совершенно незаменимым, притом первоочередным материалом для ценнейшей эмоционально-действенной зарядки подростка, незаменимым фактором полового воспитания.

В таком же положении и смежные с ним дисциплины. Возьмем хотя бы географию. При особом «умении» она может превратиться в материал для зубрежки названий, в скучнейшие спекуляции с «немой» картой и т. д. При правильном подходе в тесной связи с обществоведческими проблемами, используя яркие этнографические описания, информируя о занимательных приключениях «открывателей» новых стран и вместе с тем ядовито разоблачая действительную классовую подоплеку этого «открывательства», — создают на почве географической учебы ценнейший научно-художественный материал, об'ективно точный и остро интригующий, захватывающий собою для педагогических целей значительную часть действенной эмоциональности подростков.

Экскурсии, лагерное кочевье, специальная исследовательская работа, использованные совместно обществоведом, биологом и географом, могут дать такую длительную творческую зарядку коллективу подростков, что для праздной сексуальности не останется ни времени, ни сил. Повторяем, гиперсексуальность подростка питается лишь неиспользованным эмоциональным избытком.

XIII. Искусство, как фактор полового воспитания.

Лучшим доказательством того, насколько бедна еще методика полового воспитания, является состояние вопроса о художественном воздействии на детей. Как мы видели, решающим фактором полового, т.-е. общего воспитания, является эмоциональность детства, требующая соответствующих переключений.

¹⁾ См. ниже гл. XX.

Художественные же эмоции являются одними из наиболее влиятельных в общем эмоциональном содержании детей.

Собственно говоря, под понятие художественного влияния искусства можно подвести все то, что усиливает творческое воображение, что дает ему мощную зарядку и яркий, сочный материал. Таким образом и научная деятельность, и общественная активность могут и должны быть пропитаны, помимо основного своего содержания, также и элементами художественной эмоциональности, элементами искусства: все точное, острое, сильное, глубокое становится сугубо точным, острым и т. д., если оно ярко, если оно заражает других, если оно «красиво», понимая под красотой не «красивость» паразитирующих классов, но вкладывая в понятие красоты яркость жизненных явлений, мощь коллектива, боевую динамику — все то, что до зарезу нужно классу, освобождающемуся от эксплуатации.

Такой зарядкой обладают все отрасли искусства — и художественная литература, и музыка, и живопись, и архитектура, — однако, повторяем, не того искусства, которое углубляет пассивность, паразитизм, эгоистическое хищничество, а действительного революционного искусства. Тем острее в нем нужна у детей, у подростков, насыщенная эмоциональность которых требует и насыщенного эмоционального подхода, т. е. подхода, в значительной его части, художественного. Таким видом художественного подхода к самым обыкновенным учебным дисциплинам (обществоведение, естествознание и пр.) и является реализация всех указаний, приведенных выше в главах XI и XII: соблюдаются полностью требования науки, но сама наука преподносится *в художественном окружении, остро необходимом для подростка и сугубо полезном для того же его научного развития.* Однако, кроме этого активного художественного элемента, присущего вообще всякой работе с детьми, имеются и специальные отрасли воспитательных влияний, где художественный элемент находится в центре последних, является первой, основной их силой: такова музыка для детей, детский театр и кино, живопись для детства, художественная литература и т. д.

Положение в этих областях, в областях крупнейшей важности для дела полового, т. е. и общеэмоционального воспитания, буквально трагическое. То, что существует, чаще всего никуда не годится, вредно (см. советские анализы детской художественной литературы: $\frac{3}{4}$ постановок детских театров, $\frac{9}{10}$ кино и т. д.), но

как строить нужное, педология еще не дает точных указаний, пожалуй, не дает даже и начальных указаний. Наш тезис главы XI — «все, чего не использует обществоведение, поглотит сексуальность», — с особой остротой должен быть приложен к художественному воспитанию: «все те эмоции, вся та работа воображения, вся та детская энергетика, которые не будут захвачены здоровыми художественными влияниями, особо угрожаемы по охвату их ранней, избыточной сексуальностью». Тезис этот шире «обществоведческого», так как включает в себя вопрос о необходимости художественной организации *всех без исключения* частей воспитательной работы с подростком и о жестокой ревизии всех тех элементов «художественности», которые фигурировали в прежних воспитательных подходах.

Злейшими врагами правильного полового воспитания являются современное «авантюрно-романическое» кино и подавляющая часть современной авантюрной и так называемой детской художественной литературы. *Кино:* вместо возбуждения здорового социально-действенного задора, вместо стимулов к ценной и глубокой работе творческого воображения, вместо пищи для общей тренировки и морального роста, — наркотизирующие, остро захватывающие трюки, неправдоподобные жизненные положения, искажения классовой перспективы, — «романически-сексуальная» зараза. Подросток становится загнивающим рабом кино, мечтает о нем, совершает для него и по его примерам преступления, извращает все свои эмоциональные установки, охладевает ко всему, что вне материалов его излюбленного кино. Почва, как видим, наилучшая для неиссякаемых переключений энергии исключительно в сторону полового, которое, в переходном возрасте, всегда оказывается наиболее чутким и ранимым местом общей эмоциональности, главным притягательным пунктом для всей *расшатаннейшей* детской энергетике.

Картина — «Красные дьяволята» была бы удовлетворительным типом кино-подхода к детям (реалистическая фабула, вполне здоровый социальный уклон, яркая занимательность как в этической, так и в действенно-двигательной областях), если бы не чрезмерное ослабление реалистической трезвости, умаление опасностей, фантастическое преувеличение героических возможностей ребят, что также опасно, так как понижает волю к тренировке, обостряет «хвастливо-наплевательское» отношение к реальности, и без того, отчасти, свойственное возрасту.

В детском кино, в детском театре, больше, чем где-либо, важно соблюдение меры, пропорции между внешними влияниями и действительными детскими нуждами. Длительность эмоционального возбуждения не должна переходить через границы, когда наступает или подавленность или болезненная взвинченность. По своему содержанию эмоциональные возбудители не должны быть потрясающими, неожиданными, должны быть связаны логической и физиологической последовательностью. Не должны допускаться в фабуле уклонения от реалистических пропорций, при полном допущении ярко-занимательной выдумки. Материал пьесы должен создавать здоровую социальную двигательную установку, и лучше всего, если он связан с немедленным претворением в практическое дело той основной «морали», которая в него вложена. Всяких фантастических «темпов», нелепо-быстрых, невозможных темпов движения или темпов развития действия надо всемерно избегать, так как и без того приходится настойчиво бороться с «чрезмерностью» гиперболизма переходного возраста, откуда один шаг до общего «развязывания» тормозного аппарата, т.-е. и до половой дезорганизации. Особо желательной является тесная связь между материалом учебной работы и посещением детьми кино или деттеатра: материал пьесы вкладывается в содержание предшествующих и последующих школьных занятий, которые чрезвычайно от этого выигрывают.

В детской литературе опасны все три, сейчас в ней преобладающие, уклона: 1) «томный» сентиментализм (Чарская и ее присные); 2) избыточный авантюризм (пинкертоновщина); 3) аскетическая, сухая трезвость. Первый ненужен, как отпрыск праздной, пассивной фантазии отмирающих общественных слоев. Второй — своей непомерностью, легковесностью, нервной перегрузкой. Третий — недостаточностью эмоциональных элементов. Хорошее, классическое сочетание нужных элементов детлитературы имеется в «Томе Сойере» Марка Твена, с одним лишь дефектом: «внеклассовый», «аполитический» демократизм повести. Если дать советскому подростку иной социальный стержень, но при том же принципе построения, который мы имеем в «Томе Сойере», мы получим великолепные образцы замечательного художественного влияния на подростка, — мощного конкурента, соперника для половой фантастики. Много методически ценного у Джэка Лондона, много полезного, но по материалу устаревшего, у Жюль Верна и т. д. На собрании подростков пишущему был брошен горький,

справедливый упрек: «Почему пишут ученые книги и рассказы о нас, детях, для вас, взрослых, и о вас самих, наконец, а почему не пишут о нас — для нас, да так, чтобы нас от этого не тошнило?» А другой подросток прибавляет: «Как скучно, тоскливо без хорошей книги — деваться некуда, чорт знает, что делаешь тогда». В этих двух фразах — целая программа для одной из крупнейших глав «полового воспитания».

— Как случилось, что ты в два месяца перестал заниматься онанизмом, только лишь поступил в новую школу? — спрашиваю я у 15-летнего мальчика, который, как недавно нам сообщили, около 1½ лет безуспешно боролся со своим онанизмом. — «В школе красиво, чисто, уютно, порядок, вокруг двора цветник, часто бывает музыка, все становится вокруг и во мне красивее, яснее, чище, и меня начало меньше тянуть» — великолепный, выразительный ответ на вопрос о ценности художественного элемента в области полового воспитания. Конечно, дело было не в цветнике, музыке и чистоте, а в общей атмосфере учреждения, помимо цветников и прочего, пропитанной ярким, художественным содержанием, яркой эмоциональной насыщенностью.

На Северо-Западном областном съезде СПОН в Ленинграде (1927 г.) именно рядовые практические работники активно отмечали огромную ценность художественной обстановки для здоровой половой детской самоорганизации (понимая под «обстановкой» как внутреннее содержание работы, так и ее окружение).

Однако чрезвычайно опасен был бы и чрезмерный «положительный» перегиб в этой области. Отвлечения в избыток «художественности» и отрыв от общих и специальных учебно-воспитательных задач были бы не менее опасны, чем отсутствие художественного подхода в воспитании. Некоторые педагоги представляют себе «художественное воспитание», как нечто самодовлеющее, как самоцель, являющуюся центром всех воспитательных задач. Между тем, оно — не цель, а средство, одно из средств, правда, одно из крупнейших средств, но все же средств. Поэтому особые педагогические старания по части впитывания в себя детьми «элементов красоты», по утонченной их специализации в отдельных вопросах искусства, — как общепедагогический подход никуда не годится и, в смысле полового воспитания, принесет в массовом масштабе лишь вред, утончив одно, узкое, специальное, «интимное» и оторвав от другого, общего, широкого, боевого, т.-е. сделав детей сексуально-беззащитными.

Художественная специализация — лишь для немногих, особо одаренных в той или иной области, для детской же массы — *широкие, общие художественные влияния*, настойчиво проникающие во все отрасли учебной и воспитательной работы. В такой постановке художественное воспитание является могучим средством детской эмоциональной самоорганизации, могучим врагом паразитарных половых переключений.

XIV. Труд, как фактор полового воспитания.

Распространяться здесь об общефизиологической пользе детского труда, конечно, нет никакой нужды, так как советские педолого-педагогические работники усвоили уже на 100% эту истину, являющуюся базой всей нашей воспитательной системы. Развитие инициативы, конкретных умений, способности к сопротивлению, новое комбинаторное творчество, рост координирующих процессов, улучшение способности общего и специального сосредоточения, — все эти результаты правильного трудового воспитания, конечно, общеизвестны. Однако, переходный возраст с его противоречивой эмоциональностью требует особых, специальных подходов в области трудового воспитания, так как может случиться, что именно неправильные трудовые воздействия именно в этом возрасте окажутся богатейшими источниками для роста и развития гиперсексуальных переключений.

Лучшей иллюстрацией этой грустной возможности является сообщение одного из педагогов на всероссийской экскурсии-конференции СПОН (1926 г., Москва) о попытках его «бороться с половыми переключениями методом трудовых переключений»: чтобы извлечь всю детскую лишнюю энергию и оторвать ее от излишних половых тяготений, детей перегружали всяческой физической работой: полевой, домашней, в мастерских, длительной ходьбой и т. д., надеясь, что «сильная физическая усталость будет лучшим препятствием для полового возбуждения». Понятно, такое нелепое, чрезмерное увлечение принципом «труда» чревато огромными опасностями именно с точки зрения полового воспитания: 1) сильная физическая усталость развязывает тормозные («волевые») процессы и делает человека бессильным в борьбе с какими бы ни было нежелательными тяготениями; 2) именно при сильной физической усталости человек особенно падок на искус-

ственные, острые возбудители, дающие возможность хотя бы на время выйти из угнетенного состояния; 3) непрерывный, утомляющий, бессистемный труд опустошает эмоциональное к себе отношение, убивает интерес к себе, подавляет самим своим содержанием, отрывается от детской эмоциональности и, лишенная связи с трудом, праздная детская эмоциональность легко прикрепляется к другим областям, в переходном возрасте — к половой области.

Как видим, именно «труд» может оказаться подлейшим предателем в деле полового воспитания, если неумело им пользоваться. Для здорового полового воспитания переходный возраст требует особых трудовых подходов.

Труд, как метод обычной, спокойной тренировки, недостаточен для горячей и динамичной эмоциональности переходного возраста. Необходимо пропитать его теми же элементами эмоциональности, сделать труд активно-интересным, *доминантным*, лишь тогда будет он в состоянии сосредоточить на себе значительные запасы детской энергии и окажется организатором здоровых переключений. Труд, входящий как органическая часть в жизненные планы и в жизненную деятельность ребят, — вытекающий из их интересов, связанный с работой их воображения, только такой труд будет врагом половых переключений.

Важно учесть, что, умело маневрируя с подростком, во все не приходится плестись в хвосте его желаний, а, наоборот, всегда возможно организовать их в нужных воспитательных целях. Подросток с неподражаемой настойчивостью будет проделывать самые тяжелые, самые, казалось бы, скучные вещи, если трудовой процесс будет освещен для него *общей идеей*, конечной яркой *общей целью* этого процесса. Зажечь синтезирующий, обобщающий маяк в подростнической голове значит творить с подростком буквально педагогические чудеса в трудовом и других отношениях. Правильная эмоциональная *общая установка* в трудовом воспитании — один из крупнейших факторов противоположных переключений.

Для использования труда в качестве эмоционального фактора необходимо связать его в переходном возрасте со сложными, сильными и широкими движениями, которые подросток больше любит и к которым объективно он больше приспособлен, чем к узко-специализированным и мелким процессам. К последним подводить его всегда следует через первоначально *широкий охват*

всего трудового задания, заинтересовав всем сочетанием процессов в целом и, лишь после этой «раскачки», можно его перевести на тонко-специализированную работу. Переходный возраст — в педологии первый возраст, в котором «процессуальность» сама по себе резко отходит на второй план, на первый же энергично прорывается целенаправленность работы, ожидание ее конечного продукта, связь этого продукта с сложной серией других целеустремлений возраста. Подросток с тоской, с натугой будет мастерить простой легкий табурет для скучной школьной комнаты и с наслаждением, с чрезвычайной гибкостью примется за сооружение сложного лесного шалаша, необходимого ему для лагерного кочевья.

Огромное значение для трудовой эмоциональности возраста имеет широкий простор, развернутость той обстановки, где работают подростки. Там, где работают многие, там, где пространство открытое, а не замкнутое, где можно «размахнуться» и зрением и движением, труд подростка протекает радостнее и продуктивнее, чем в изолированном, узком помещении, в одиночестве. Чем уже рамки пространства, охваченного трудовым процессом, тем больше предварительной обще-эмоциональной подготовки требуется для водворения подростка в такую обстановку. Обратное, чем шире и богаче зрительными и другими раздражителями это пространство, тем легче приспосабливается он к последнему, при минимальной начальной «раскачке».

Памятуя, что обычные трудовые процессы не имеют в себе для подростка яркого эмоционального стержня, так как мускульная активность его тесно связана с первичными эмоциональными ее стимулами (см. гл. IX), необходимо, по возможности, чаще менять характер основных трудовых движений, переводя подростка из одной области процесса в другую. Надо, чтобы подросток прошел сначала все стадии той работы, над отдельными частями которой он стоит, и потом снова возвращался к тем же стадиям, углубляя свое знакомство с ними уже не как с отдельными кусками, а как с частями органического целого. В то время, как другие возрасты требуют сравнительно долгого «засиживания» на одном и том же частном процессе, вплоть до точного усвоения его (процессуальность — от частного к общему), — подросток, однако, не должен долго застревать на отдельных частностях, которые именно он гораздо лучше усвоит, если «прорвется» сначала через все этапы работы в целом: вскоре он, конечно, снова вер-

нется к частностям, но с оживленным интересом, охватив их систему, и это даст ему возможность глубже внедриться тогда в каждую специальную частность.

Элемент освежения, обновления обстановки, инструментария, мускульных манипуляций, смены очередности процессов, а также дополнительная планировка работы, новые работы и т. д. — в трудовом процессе подростка совершенно обязательны. Здесь неисчерпаемый материал для непрерывного поддержания трудового эмоционального тонуса, который, в конечном итоге, дает такую закалку, такую общую устойчивость, что для гиперсексуальности здесь не будет работы. Особенно важно, чтобы подросток воочию видел непосредственный результат своих трудовых усилий не только в виде определенного предмета, — мало того, он должен видеть тесную динамическую связь сделанного им с целой системой жизненно важных обстоятельств, среди которых он создал своим трудом перемену, внеся туда новое, ценное, способствуя росту чего-либо и т. д.

Все высказанное выше является результатом наблюдений наших над подростками-учениками школ ФЗУ (по кафедре изучения подростка при Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской), однако, выводы касаются, конечно, свойств переходного возраста вообще, так как именно эти свойства и были центром наших наблюдений в школах ФЗУ. Дополнительный наш материал из московских и украинских трудкоммун, а, отчасти, также и школ второй ступени (где, к сожалению, с трудом обстоит не блестяще) подтверждает общевозрастную правильность наших заключений, тем более, что они прочно подкрепляются также сведениями педагогов, выступавших по нашим докладам на конференциях ФЗУ и СПОН'а (Москва, Ленинград). Характерно, что, приучившись на общей, широкой эмоциональной основе к длительному и специальному трудовому напряжению, подросток, в конце концов, привыкает и к труду, как процессу, к процессуальному наслаждению трудом, создавая у себя, как видим, длительной эмоциональной «раскачкой» настоящий глубокий трудовой рефлекс, в котором синтезировано наслаждение и усилие. Это постепенно превратит подростка из «легкодела» в действительного социалистического строителя, в действительного носителя здоровой сексуальности.

У труда, правильно эмоционально питаемого, особое, совершенно исключительное значение для борьбы с гиперсексуаль-

ностью. Труд дает жизненные навыки, приучает к систематическому усилию, развивает тормозные («волевые») аппараты, воспитывает точность, ответственность, плановость, специализирует работу органов чувств, укрепляет реалистический подход к явлениям жизни, четко, методически распределяет все психофизиологические силы,—одним словом, является основным препятствием для беспорядочных разнузданных переключений энергии, для праздной фантастики, для паразитизма во всех его видах.

Труд подростка, эмоционально подкрепленный, привлекает к себе лучшие элементы возрастной эмоциональности и, в то же время, является для этой эмоциональности наилучшим организатором.

XV. Детский коллектив, как фактор полового воспитания.

Между детским индивидуализмом и гиперсексуальностью прямая пропорция. Чем сильнее изоляция ребенка от коллектива, тем больше пищи для половых переключений. Чем здоровее детский коллектив, чем крепче его внутренняя спайка, тем больше эмоционального напряжения вовлекает он в поле своего ведения и тем меньше праздной энергии оставляет он для паразитизма.

Особенно велика, чрезвычайно своеобразна и сложна роль коллектива в переходном возрасте. Трудности этой роли заключаются в необходимости сочетать наиболее обостренное личностное начало с наиболее яркими социальными установками, так как обе черты одинаково характерны для возраста (см. гл. IX). При неправильном подходе подростки—худшие дезорганизаторы коллектива, «хулиганы», буяны, упрямцы, «колючки», «дички»,—но их же видишь в рядах самых дисциплинированных, самых героических и, в то же время, самых активных участников детской и взрослой коллективной жизни. В чем же синтез этих эго-социальных, столь противоречивых черт возраста,—синтез, остро нужный для правильного полового воспитания?

Группы переходного возраста, в отличие от предыдущих возрастов, строятся не столько по мотивам дружбы, не столько по линии объединяющих их материалов (игра, предметы текущего обихода и т. д.), сколько по признаку сложности, противоречивости, напряженности взаимоотношений внутри группы. Чем больше в группе перемен, брожения, чем сложнее сталкиваются в ней раз-

народные начала, тем больше тянет подростка в такую группу. Чем многообразнее, пестрее, оригинальнее цель, стоящая перед группой, тем больше шансов на устойчивость, длительность такой группировки, на крепкую ее дисциплинированность. Группа, меняющая свои внутренние соотношения, перестраивающая свое руководящее ядро, смещающая своих вожakov—это наиболее излюбленный тип подростнического коллектива.

В этой конфликтно-напряженной атмосфере, однако, произрастают зачатки наилучшего коллективистического поведения, если ее не бояться, а, наоборот, использовать ценные ее элементы. Обычные этические правила, жесткие нормы дисциплины оказываются мало влиятельными в подростническом коллективе. Сильно лишь то, что позволяет наиболее интенсивно прорваться в коллектив личностному началу, при чем в этом вопросе нет даже особого различия между замкнутым и социально открытым подростком, так как оба эти вида коллективного поведения подростка представляют лишь разные формы связи с коллективом (замкнутый—выкидает, ищет, нащупывает, готовится к нападению; открытый—уже прошел предварительные стадии, вошел в коллектив), разные формы выявления в коллективе и через коллектив личностного начала.

Вот почему все, повышающее чувство «я», все, возбуждающее усиленную работу воображения, все, толкающее к напряженному усилию, к новизне впечатления, к соревнованию, к риску, к неожиданности—коллективно сплачивает подростков гораздо сложнее и устойчивее, чем нити «бескорыстной дружбы» и спокойного сотрудничества. «Конфликтность» такой коллективистической установки лишь кажущаяся. Это, в основе, вовсе не борьба самолюбий или узко-индивидуальных вкусов, это лишь стихийное стремление прорваться своей клокочущей активностью в реальность. Формы же и материал активности диктуются, главным образом, окружающей средой, которая и может им дать не мелко-личное направление, а, наоборот, направление ярко-социальное. «Грызня», склоки, резкие антагонизмы—черты плохо построенного подростнического коллектива, а вовсе не возрастные его черты. Личностное начало может быть использовано для обогащения форм взаимных детских связей, для усложнения планировки общих действий, для более разнообразного распределения заданий, для новых и новых перемен состава внутри различных слоев группы и т. д. Чем больше почвы для приложения к ней

общественности, тем меньше материала для мелко-личной, «склочной» установки. «Самолюбие», «соревнование» превращаются в усиленную тягу—сделать *объективно больше*, прорваться *объективно дальше* и перестает питать пресловутое подростническое «хвастовство» и «тщеславие», которые являются лишь паразитарными охвостьями богатой, но изуродованной возрастной эмоциональности.

По этим же мотивам основное значение в подростническом коллективе надо придавать не интимной дружбе, не «глубинной романтике», которые обычно лишь указывают на слабую *социально-действенную* связь детей, а конкретному *деловому* материалу и тем *целям*, которые объединили детей. Группировки не по узко-субъективным взаимным симпатиям, а по целям и действиям. Отсюда частая изменчивость привязанностей при неизменности основной линии интересов и стремлений. При изучении коллектива подростков главный вопрос—не «с кем объединяются», а «на чем и для чего объединяются», после чего вполне ясной окажется и *причина* персональных группировок.

Однако это нисколько не ослабляет значения персонального состава группы, различных ее слоев, руководящих ее ячеек. Маневрируя отдельными группами и даже отдельными детьми в группах, при одном и том же целевом материале, можно сложно перестраивать взаимоотношения детей, вносить в них новые связующие нити, не претендуя при этом, повторяю, на внесение новшеств в конкретные цели и в основные планы, объединившие ребят (частая смена этих целей и планов лишь усилила бы общую неустойчивость, неорганизованность детского поведения, т.е. играла бы на руку половым ненормальностям).

Естественно, что в подростническом коллективе совершенно исключительную роль приобретает *вожачество*. Быть вожаком—наиболее трудная и наиболее благодарная «специальность» именно в коллективе переходного возраста, специальность, для полового воспитания группы имеющая огромное значение. Вожак тем нужнее и тем влиятельнее в коллективе, чем сложнее состав последнего, чем в нем больше разношерстности, разнообразия в интересах, навыках. Вожак тем нужнее коллективу, чем сильнее, по своеобразию, оригинальности целей оторван коллектив от окружающей среды, противопоставляясь ей, или ей, вообще, чуждый. Чем тяжелее борьба, тем острее потребность в вожаке. Все эти черты характерны именно для подростнических групп. Именно

они чаще всего входят в антагонизм со средой, с «авторитетами», именно их хуже всего понимают взрослые, именно они всегда напряжены, пропитаны элементами брожения, разношерстны. Без вожака—«гибель», с вожаком-уродом—еще хуже, хороший вождь—спасение.

Однако задача такого вожака—труднейшая. Обединить, стройно организовать, создать общую целеустремленность сразу у многих представителей наиболее *индивидуально*¹⁾ окрашенного возраста—никакому *возрастному* «вождю» не выпадала еще подобная задача. Во-первых, он должен объединять в себе с максимальной яркостью и четкостью наиболее характерные черты возраста, чтобы уметь улавливать тяготения своей «паствы» и чтобы последней импонировать *совозрастностью*, сообщностью, так как нет ничего более отвратного, более озлобляющего для подростка, чем подход к нему от «взрослости», свысока. Во-вторых, он должен быть воплощением этих черт в наиболее *волевом* и *героическом* их выражении, чтобы оказываться и примером, образцом и специалистом по умению распоряжаться, приказывать. Он должен быть *изобретателем*, так как подростки требуют, чтобы вождь был зачинщиком, застрельщиком, носителем того нового, за чем специфически всегда гонится подросток. Вместе с тем он не должен быть «кулаком», так как актуализм переходного возраста не терпит безоглядной деспотии и отвечает на нее бурной «революцией». Постоянный, длительный вождь—явление несчастное в переходном возрасте, так как нет возможности непрерывно доставлять оригинальный, неизведанный материал своему возрасту, но возможность возвращения «жезла», при надобности, не исключена в дальнейшем, если прочие претенденты окажутся в данный момент слабее.

Вожачество своей *сменностью* ценно тем, что оно позволяет пройти через себя значительной части детской группы, так как, *при умелом* построении целей и внутренних связей в коллективе, всегда найдутся моменты, когда удастся использовать именно те качества, которые *индивидуально сильны* у того или иного, еще не «вожачествовавшего» подростка. Этим устраняется исключительность вожачества, вожачество демократизируется, что особенно важно для смягчения возрастного эгоцентризма, а, с другой стороны, это повышает внутригрупповую дисциплинирован-

¹⁾ Не индивидуалистически, а индивидуально

ность, так как подчиняются руководству особенно разумно именно те, кто разумно руководил сам. Характерно, что тяга к внутренней самодисциплине стихийно велика именно в переходном возрасте, как это ни кажется противоречащим данным о возрасте. Нащупав эту тягу, можно творить чудеса с дисциплиной подростков. Объясняется это стремление, очевидно, некоторой общей «растрепанностью» нервно-психических процессов подростка, с которой он сам не в силах справиться, инстинктивно пытаясь найти *самодисциплинирующую помощь в коллективе*. Таким образом *остро-личностное подростка ищет своего завершения в активно-коллективном*.

Дети, хорошо включенные в здоровый коллектив, обеспечены правильными переключениями всех своих психофизиологических сил, т.-е. и здоровым половым воспитанием. Они застрахованы от одиночества, в котором пища и для избыточной половой романтики и для еще худшего онанизма, они находят для своей «героики», для своих тяготений к усилию, напряжению, к сложности — непрерывно обновляющийся материал, для общей своей тренировки они получают твердые обязательства, дисциплину и, кроме того, в коллективе, на почве общего дела, общих интересов вырастают у них такие здоровые и прочные связи, при которых ранняя половая чувственность и даже избыточная половая романтика оказываются «растениями из чужого, враждебного климата».

В коллективе, однако, имеются и *теневые*, даже *грозные* моменты, особенно опасные именно с точки зрения полового воспитания (конечно, в плохо организованном коллективе). Выше (гл. VII) мы говорили уже о «специально-половых» группировках по признаку полового интереса и особом типе «половых вожakov», застрельщиков в области полового разнудания. Это, конечно, злобная гримаса подростнического коллективизма, о которой следует постоянно помнить. Имеются, к несчастью, и другие уродства в области использования коллективизма переходного возраста. В вожаки подростков нередко идут дети-садисты, для которых групповая детская тяга к герою, к мощи вырождается в истязательскую тиранию, в манию властвования, адресуемую детской группе. Атмосфера насилия, нажима, террора характеризует такой тип садистского вожачества. Хорошо, если группа восстанет и свергнет тирана, но и это, до благополучного конца, чревато сложнейшими конфликтами. Хуже, если коллектив оце-

ленеет, окажется ущемленным под пятой террора,—это почва для самых тяжелых форм половых уродств, так как сексуально больше отравляются дети, ущемленные через коллектив, чем дети, в коллектив вовсе не вступавшие: падение сверху вниз (из коллектива—в невольное одиночество) испытывается тяжелее, чем хроническое «лежанье внизу». Повышенная запуганность, затравленность, незащищенность—лучший друг болезненных половых переключений.

Не менее опасны вожаки-дезорганизаторы, использующие свое влияние на хулиганские, бандитские и прочие групповые детские авантюры. Заражаемость подростка велика и в положительном и в уродливом направлении,—от материала и целей, предоставляемых всей окружающей средой, и от нашего умения зависит, победим ли мы или вожак-дезорганизатор. Но даже и при хорошем вожаке далеко не все опасности изжиты. Подростки, эмоционально «захлебнувшиеся» в радостях коллективного напряжения, могут перейти через все границы возбуждения, долго не замечая усталости, и нанести тем сильный, истощающий удар своей нервной системе.

Своеобразна, сложна и трудна роль *взрослого* в подходе к коллективу переходного возраста, пожалуй, труднее, чем во все другие периоды человеческого коллективного бытия. По существу, коллектив подростков-«личностников» противопоставлен «взрослому населению человечества», так как это наиболее ярко эмоционально окрашенный, наиболее индивидуально-оригинальный, самый противоречивый и непонятный «с взрослой точки зрения» возраст,—возраст протестов, сопротивлений, неожиданностей. Всякое «инородное» вмешательство, тем более взрослого, нападающего со своим непризнанным авторитетом, встречается усиленной борьбой—то явной, то скрытой. Поэтому овладеть такой установкой, получить возможность влиять на нее—можно, лишь «войдя в нее изнутри». Ничего не сделаешь с коллективом подростков, если сам не станешь подростком, более умным, опытным, но, обязательно, «совозрастником». Имеется у некоторых талантливых педагогов это особое умение перевоплощаться в нужные возрасты, притом без сюсюканья, без лицемерия, естественно перевоплощаясь на правах *равного*, а не высшего. Переходный возраст, в этом смысле, конечно, особенно затруднителен, но, связавшись с ним, можно глубоко на него влиять.

Надо помнить, что подростки — самые недоверчивые, самые скептические люди на свете (при всем их романтизме и фантазировании), и поэтому наша тактика окажется под непрерывным, зорким их контролем с точки зрения искренности, последовательности, законченности ее. Между тем овладеть действительным влиянием на подростков можно лишь через их коллектив, который позволит не распылять бесплодно наши усилия, а прочно их организует. Поэтому, если «призыв изнутри» не удастся (при неуспешности лучше и не начинать его, так как неудача окажется наихудшим, наипозорнейшим провалом, которого никогда не простят тебе подростки), в таких случаях единственная тактика — вести основную направляющую работу не столько непосредственно, сколько через контакт с вожаками и отдельными детскими группами внутри коллектива. Лишь предварительно подготовив таким образом почву, можно «рискнуть — пойти в атаку» на самый коллектив. Как видим, тактика — чрезвычайно сложная, почерпнута же она нами из обильного материала по пионердвижению и, отчасти, по детскому самоуправлению в трудкоммунах и школе, т. е. из фактов, наиболее характерных для переходного возраста.

Не надо представлять себе работу с подростническим коллективом в отрыве от прочих общих и специальных мер, направленных на цели здорового полового воспитания, о которых мы всюду говорили выше. Работа по обществоведению, естествознанию и т. д., трудовая практика, экскурсии и пр. — все это должно строиться на самых разнообразных *детских коллективах*, используя интересы, навыки, одаренность той или иной части детской группы и перестраивая группировки согласно вновь появившимся заданиям. Только так направленная, в целом, работа может построить единую систему воздействий, создающих правильный подход к половому воспитанию. Правильно *коллективизированная* учебно-воспитательная работа в переходном возрасте является фундаментом для здоровых эмоциональных переключений, для творческой организации всех детских сил, является главным оружием против гиперсексуальности, основные корни которой — в одиночестве ребят¹⁾.

¹⁾ Как использовать коллектив для целей непосредственного полового оздоровления (полового просвещения и т. д.) — см. ниже гл. XX.

XVI. Пионерское движение, как фактор полового воспитания.

Могучим организатором здорового коллективизма в переходном возрасте является пионерское движение. Оно же является самым могущественным соучастником в педагогической борьбе за здоровую сексуальность детства. Мы, понятно, говорим о правильно поставленном пионерском движении¹⁾.

Все пожелания, которые мы в ряде глав высказывали выше в отношении к переходному возрасту, *принципиально* находят свое идеальное воплощение в пионерском движении. Пионерское движение широко раздвигает стены детучреждения, органически связывая жизнь детей со всей мировой классовой общественностью. Оно создает огромные по шире и необычайно яркие по конечным целям горизонты для развития героического воображения детей. Непосредственное, текущее, ближайшее, малое — тесно сплетено в нем с далеким, будущим, грандиозным. Неисчерпаемый материал для богатейших моральных взлетов создает одна уже установка на борьбу за интересы трудовых масс против злодейской банды эксплуататоров. Непрерывная стимулы для закалки, тренировки, так как иного нет пути к воспитанию смелого классового бойца, и, в то же время, бдительность к мелочным деталям повседневности, так как из этих крупниц постепенно и собирается социально огромное. Весь материал учебной и воспитательной работы находит свое отражение в пионердвижении, любое педагогическое задание может быть включено в формы пионерработы (по учебным дисциплинам, труду, исследовательские экскурсии и т. д.), так как нет ни одного уголка бытия, который не был бы связан с тем или иным видом подготовки к классовой борьбе.

Формы пионерработы необычайно благоприятны с точки зрения правильной организации сложных детских взаимоотношений переходного возраста. Работа насыщена романтикой героической общественности, требует неустанного труда и самодисциплиниро-

¹⁾ Подробнее о половом вопросе в пионердвижении автор пишет в особой брошюре для изд-ва «Молодая Гвардия»: «Половое воспитание в пионеротряде». Здесь же проблема освещена кратко, в виду более широких заданий книги и ее ограниченных размеров.

вания, протекает в часто меняющихся формах, дает непосредственный эффект, зорко учитывается, и все это происходит на виду у всего детского коллектива (звено, отряд), в еще более широком коллективно-детском окружении (район и т. д.), в атмосфере тесной товарищески-деловой спайки, равной действенной связи полов, в условиях ясных этических норм и директив (законы пионера, традиции движения, особые традиции у данного отряда, звена), при открытом контроле всех над всеми. Особенно ценно, что в пионердвижении не взрослая общественность навязывается детям, но содержание пионерских общественных установок формируется по уровню интересов и умений возраста, органически вырастая из естественных детских тяготений, вращаясь в наиболее дорогом для возраста, связываясь со всеми перипетиями ребячьего бытия (конечно, повторяем, при правильном построении пионерработы). И элементы общественности, и вопросы труда, и физкультура, и общеисследовательский рост—все это так или иначе входит в сферу влияния пионерработы, по-детски коллективизируется и рационально организуется.

Ценны для подростнического коллективизма и организационные формы пионерработы: от более мелкой до обширной группы (звено, отряд), и отсюда возможности сужения и расширения границ активности, смена вожачества и пр.

Ясно, что формы и содержание пионерработы необычайно благоприятны для богатых, здоровых эмоциональных переключений, т.-е. в конечном счете для здоровой организации сексуальных процессов. Вместе с тем мы должны еще особо указать на непосредственное значение пионерработы для повседневного детского полового быта. В пионеротряде очень редки половые группировки и половые подходы друг к другу—так велика общественно-этическая задержка и наличность действенной спайки, тем более, что жизнь протекает на виду у всех, укрыться нельзя, наблюдают все за всеми. Всегда имеется возможность во-время уловить, учесть нежелательное и отвлечь от него. В этической пионерской установке рождается своеобразная мягкая ирония детей к «флиртерам», «кокеткам», и без трагизма ненужные, ранние сексуальные слои детских отношений сглаживаются (десятки фактов из практики пионерработы, любопытные образцы таких мягко-юмористических замечаний в пионерских стенгазетах). Конечно, и контроль, и «ирония» требуют умения, но ведь

и вся пионерработа требует основательных, ответственных методических предпосылок¹⁾.

К сожалению, кое-что отрицательное, с точки зрения полового воспитания, имеется и в современных организационных формах пионердвижения. Несвязанность основной пионерработы со школьными учебно-воспитательными влияниями, обусловленная организацией отрядов при предприятиях, а не при детучреждениях, отрицательно отражается на глубине результатов этой работы. Пионерфорпосты при школах не могут, конечно, заменить пионеротрядов, и, в основном, тесной спайки, глубинной связанности пионерработы со школой почти не существует в массе, что вредно отражается и на школе и на пионерработе. Конечно, для организации пионеротрядов при предприятии имеются серьезные политические причины (по примеру парт'ячеек), так как цель пионердвижения—политически-воспитательная, однако, в педагогическом отношении—в частности, для увязки совместных мер по половому воспитанию—это не совсем хорошо.

Вторым дефектом является то, что дети являются новичками друг для друга: текучесть состава пионеротрядов, несвязанность детей друг с другом до включения их в отряд. На правильном развитии половых проявлений отражается длительность общественной, действенной, учебной связанности детей друг с другом: чем больше, дольше они соприкасались, как товарищи, друзья, тем меньше сексуальности вносят они в свои отношения в переходные годы. Если же они—взаимные новички, это является добавочным стимулом для любопытства, которое, при неблагоприятных условиях, может превратиться и в эротически-сексуальное любопытство со всеми, отсюда вытекающими последствиями.

О других дефектах пионерработы распространяться здесь не приходится, так как не это—цель брошюры. Отметим лишь чрезвычайно бедную методическую разработанность этой огромной, новой, педагогической области и слабую подготовку ее практических работников. Между тем, именно половое воспитание от пионердвижения ждет решающей для себя помощи.

¹⁾ Об отдельных мерах по использованию пионерработы для специальных методов воздействия мы скажем ниже, когда перейдем к этим специальным методам.

XVII. Физкультура и половое воспитание.

Не нова истина, что все воспитание детства—это стопроцентная физкультура. Воспитание—формирование здоровья, без которого ни социально-творческие, ни узко-специальные задачи воспитания не будут выполнены. Поэтому, ясно, что принципам «физкультуры», принципам гигиены здоровья должны подчиняться все учебно-воспитательные меры. Это—истина, ставшая азбучной в педагогике.

Однако, имеется область воспитания, которую можно назвать *физкультурой в узко-специальном*, пожалуй, в *медицинском* смысле. Если физкультурой в широком, общем понимании мы можем назвать и преподавательскую манеру учителя (влияние на детские органы чувств, на мозговую кору, на утомляемость), и обычное детское собрание (взаимное соприкосновение, зрительно-слуховые сцепления, подражательные реакции и т. д.), и любую другую деталь учебно-воспитательной жизни,—все же вопросы питания, воздуха, помещения, одежды и некоторые другие узко-специальные вопросы влияния на тело (гимнастика, обтирания и т. д.) можно выделить особо и поговорить о них отдельно.

Конечно, для полового воспитания имеет значение вся физкультура в широком (см. все предыдущие главы от X до XVI включительно) и в специальном смысле (достаточная и хорошая нужная пища, соответствующие движения). Однако, так как в нашу задачу не входит писать общую педолого-гигиеническую энциклопедию, поэтому мы остановимся (как и делали это выше по другим вопросам) лишь на тех частях физкультурной проблемы, которые всего ближе связаны именно с половым воспитанием в переходном, сексуально наиболее опасном, возрасте.

Основные предпосылки той физкультуры, которая ближе всего соприкасается с задачами полового воспитания, заключаются по-нашему в следующих двух тезисах:

А) При сохранении богатого эмоционального тонуса подростков, надо добиться спокойного состояния их нервной системы.

Б) Центр тяжести специальных физкультурных влияний в переходном возрасте должен быть сосредоточен на воспитании тормозных процессов, тренировки, закалки. Из этих двух тезисов разворачиваются и все частные указания «половой физкультуры».

После всего, подробно изложенного выше, обоснование наших тезисов не представляется трудным. Борьба с детской эмо-

циональностью, чувствительностью, «ущемлять» их было бы безрассудством, так как в эмоциональном фонде скрывается основное творческое богатство. С другой стороны повышенная эмоциональность вовсе не влечет фатально к нервной дезорганизации, так как при правильном распределении детской энергетике, при полезных переключениях богатая эмоциональность может вполне ужиться рядом со здоровым общим состоянием нервной системы. Физкультура должна лишь помочь наиболее разумной организации этих энергетических переключений—в этом и заключается ее главная задача. Вместе с тем, так как основной дефект подростнической эмоциональности, всего энергетического облика переходного возраста заключается в порывистости, несдержанности, тяге к чрезмерности (из этого дефекта и возникает подавляющая часть больных переключений, питающих больную сексуальность), главная методическая задача общей и специальной физкультуры сводится к формированию наилучших «тормозов», наибольшего умения сдерживать, регулировать, умерять, разумно направлять свои энергетические тяготения. Именно в этом—«основа основ». Как же этого добиваться?

Больше, чем в других возрастах, режим жизни детей должен включить в себя элементы жесткости—*твердого, непреклонного ритма*. Если мы всеми нашими педагогическими мерами пытаемся обеспечить подростку максимальную эмоциональную насыщенность как в переживаниях, так и в действиях, это может пройти безнаказанно лишь при условии *наилучшей организации всех сторон быта* ребят. Детям, радостно насыщенным полнотой впечатлений, менее тяжело будет мириться с суровым режимом, который в их понимании (это следует им четко раз'яснить) оказывается условием этой полноты впечатлений. Между тем именно суровый режим обуславливает «нерасползание», «неразбрасывание» этой полноты впечатлений, жесткую «канализацию» последних, включение их в нужные русла и он же обеспечивает правильные смены напряжения и покоя. Таковы главные требования подростнической гигиены, неисполнение которых влечет к грозным неврологическим опасностям.

Главные вехи режима: 1) смена организованной работы неорганизованной (но тоже четко регламентированной), при чем организованной, жестко целевой работы должно быть не больше 6 часов в день; 2) питание и отдых в определенные часы, при чем питаться следует 4 раза в день, полный часовой отдых после обе-

да необходим; 3) около двух часов в день (но не больше), с длительными перерывами, должны быть связаны с двигательными процессами, проводить которые лучше всего после более длительного и трудного мозгового напряжения; 4) вечерние часы не посвящать организованной работе, последний же час перед сном уделяется мерам, вообще отвлекающим от какого бы то ни было мозгового напряжения (прогулки). Ночной сон — 8 часов, с 11 до 7 (11½—7½).

Менять содержание работы в течение дня необходимо несколько раз, в виду изменчивости эмоционального материала подростка и колебаний его общего тонуса. Среди двигательных процессов, необходимо обратить основное внимание на две категории движений: 1) «развязывающие мозг» движения, успокаивающие общую напряженность, отвлекающие центральное возбуждение на периферию тела; свободные, широкие движения; 2) тренирующие, воспитывающие четкость и специализацию, т. наз. «аналитические» движения, требующие сосредоточения, мозгового усилия. Первая категория движений проводится в наиболее утомительные для мозга моменты, вторая — в периоды, свободные от мозгового напряжения. Движений, требующих значительного мышечно-костного напряжения, следует всемерно избегать, так как они затрачивают двойную энергию — не только мышечную, но и эмоционально-нервную, которая всегда включается во всякие процессы подростка в качестве «бесплатного к ним приложения». Легкая, свободная, не разнеживающая, приучающая к прохладе и к жаре, одежда. Хорошо проветриваемые, не сильно отапливаемые помещения. Спартанская, суровая кровать без избыточно-теплых одеял и пуховых подушек.

Большое значение имеют прохладные общие физкультурные процедуры, приучающие кожу к состояниям зябкости (гимнастика раздетым, прохладные обтирания, умеренные, по количеству времени, речные купанья): эта процедура оказывает очень большое влияние на нервно-сосудистую возбудимость, что, в свою очередь, хорошо отзываясь на прочности эмоционального тонуса. Такие прохладные процедуры требуют тщательного наблюдения за дыханием (дышать в это время медленно, глубоко, размеренно) и не должны проводиться к вечеру.

Тренировка в отношении к холоду и боли имеет огромное общетормозное значение для переходного возраста, так как отраженно повышает тормозную, сдерживающую способность и в ряде

других областей, казалось бы, непосредственно незатронутых тренировки: в области общей утомляемости, внимания и т. д. Характерно, что дети, добившиеся значительных результатов в деле само тренировки, незаметно для себя добиваются ценнейшего эффекта и в области наиболее тяжелых своих половых проявлений: не только легче борются с нежелательными тяготениями (к онанизму и т. д.), но и сами болезненные тяготения сильно смягчаются. Объясняется этот «отраженный эффект» физиологически вполне просто: повышение тормозной, сдерживающей способности в одной области всегда связано с увеличением общетормозных процессов повсюду, что, в свою очередь, отражается и на «невольном» повышении выдержки в ряде болезненных участков вместе с понижением болезненной возбудимости этих участков.

Учитывая, что переходный возраст, по своему существу, тяготеет к тренировке (жажда усилия, преодоления и т. д.), не использовать эту, колоссальной важности для полового воспитания, черту было бы бессмысленным преступлением. Надо лишь сделать эту закаляющую физкультуру не замодовлеющим занятием, а органически связать ее с общими установками детей (героизм, соревнование и т. д.), что лишь повысит эмоционально-тренирующую зарядку.

Как метод тренировки, следует рассматривать также и вкусовую скромность в пище, приучение детей к простым, скромным, нераздражающим, не пряным блюдам, так как недополученное во вкусовом раздражении возместится общей эмоциональной полнотой, перегиб же во вкусовой области, обострение вкусовых впечатлений центральной своей частью пойдет на питание полового перевозбуждения, куда, как мы знаем, уплывают в переходном возрасте все избыточные возбуждения со всех участков тела.

В интересах полового воспитания надо при физкультуре всячески избегать утомляющих, подавляющих процедур, так как общее угнетение нервной системы всегда понижает полезную тормозную работу мозговой коры. Вместе с тем, следует наблюдать, чтобы излишне внимательный уход за своим телом не приучал подростка, с одной стороны, к ипохондрии, к повышенным заботам о своем здоровье, с другой стороны, к «нарцизму», к влюбленности в свое тело, в его движения, в ощущения им испытываемые, что было бы болезненным возрождением раннего аутосензорного процесса (самоуглубление в внутрителесные ощущения), откуда прямая дорога ко всем видам гиперсексуальности. Третье

предостережение—не допускать в физкультуре чрезмерности вообще и азарта в частности, так как это было бы одним из худших видов беспорядочного разбрасывания детской энергетики, т.-е., в дальнейшем, наклонной плоскостью к болезненным половым переключениям.

Физкультурная чрезмерность, довольно частая сейчас у подростков, опасна еще и в том отношении, что, затрачивая на мышечные усилия непомерно много, отвлекая все мозговое содержание в сторону периферии тела, оно способствует общему запустеванию детей, общетворческому их обеднению, «поглощению» их, что «вряд ли» следует считать приобретением для здоровой половой жизни.

XVIII. О методике специальных переключений.

Весь изложенный выше материал, начиная от I и до XVII главы включительно, сводится к попыткам обосновать проблему полового воспитания, как проблему *правильной организации переключения детской энергетики*. Таким образом вся проблема полового воспитания—это проблема переключений. Казалось бы, зачем в таком случае выделять особую главу о специальных переключениях. Однако, нужда в подобной главе имеется, имеется потому, что в детском половом развитии нередко наблюдаются случаи, когда специальный, индивидуальный путь и материал для совершенно ясной, четкой переключающей работы имеется налицо и когда не использовать такие указания было бы нелепо. Этим именно случаям и касается данная глава.

Чрезвычайно часто тот или иной специальный вид детской гиперсексуальности выражает *богатейшую детскую энергетику*, но лишь уродливо использованную. *Бедный в творческом, эмоционально-энергетическом отношении ребенок не создаст действительной гиперсексуальности*, так как у него, вообще, нет того богатого запаса энергии, из которого, в основе, черпается всякое «гипер», всякая чрезмерность. Если существует чрезмерность в той или иной эмоциональной области,—значит, налицо богатый энергетический фонд, от направления которого и зависит, сделать ли эту чрезмерность больной или творческой. Большое направление, куда устремляется этот богатый запас энергии, часто указывает на тот специальный путь, куда следовало бы ее на самом деле направить, оно является как бы *оборотной стороной* здорового направления

и в этом «обратном указании», в конкретном материале большого переключения лежит тогда вполне точное, ясное указание, куда именно, куда специально следует «переключить» энергетические запасы детского тела. Так, подростнический садизм (см. гл. VI) это не только гиперсексуальность, не только особый тип полового уродства, но, вместе с тем, «оборотной своей стороной» он оказывается типом нелепо направленной *повышенной способности к активности*, к волевому нажиму, к борьбе, к атаке. В условиях хорошего использования, хорошего переключения эта повышенная способность дала бы ценнейшие волевые, боевые, вожацкие свойства, в уродующих тисках она влилась в садизм, т.-е. в половое истязательство, тиранию, террор.

Путь обратного переключения ясен: отвлечь всеми способами детские силы от сексуального пути, раскрыть подростку все возможности для здорового *вожачества*, для сильной *организаторской работы*, для действий, требующих *волевого нажима, напора*, и сексуальность лишается тогда питания, не ей принадлежащего, украденного ею лишь потому, что оно лежало *без ценного применения*.

В любой форме гиперсексуальности мы имеем часто все ту же обратную сторону, конкретно указывающую, куда именно специально следует переключить активность.

Эксгибионизм, половая самодемонстрация—это нередко украденная и *замаскированная* тяга к самодемонстрации вообще, к выдвиганию себя *на социальный показ*, тяга, влившаяся в сексуальность (половой самопоказ) лишь потому, что иного, более здорового пути, ей среда не предоставила. Нередкое совпадение даровитого актера, оратора и пр. с эксгибионизмом, оголтелым порнографизмом и пр. в давнем детстве—далеко не случайно: это две формы одного и того же *повышенного демонстративного тяготения*; в детстве оно уродливо сексуализировалось, позже освободилось и развернулось творчески. Не потому человек стал вожаком, организатором, актером и т. д., что в детстве он был садистом, эксгибионистом и т. д., но и вожаком, и садистом, и актером, и эксгибионистом он сделался потому, что внутри этих противоположных форм заключена *одна и та же действительная сердцевина* (волевой момент, социальный момент и т. д.), обусловленная врожденными или воспитательными стимулами. Освободить эту конкретную сердцевину от «полового плена», от незаконного содружества с сексуальностью, направить ее на социально-твор-

ческие пути и является задачей *специальной* методики переключений. По самой форме полового уродства конкретно определить скрытую под ним здоровую основу—таково основное содержание этой методики.

Повышенная половая любознательность, усиленное половое вопрошательство таким же образом часто вскрывают обостренные *общисследовательские* способности и тяготения, принявшие лишь паразитный, узко-половой уклон. Усиленный, усложненный онанизм, глубоко проникающий во все установки подростка, часто указывает на повышенное чувство «я», загнанное внутрь и расходуемое на ощущения изнутри этого «я», взамен впечатлений извне. Обостренная половая романтика, чрезмерная влюбчивость нередко скрывает под собой усиленную и здоровую тягу к *социальности*, к общению с людьми, детьми, к дружбе, совместности, которая, при неполучении таких компенсаций, поневоле превращается в *сексуальную социальность*, в чрезмерно-ранние «влюбления». Усиленный этически-философский самоанализ, копание в своих «грехах» и пр. у некоторых ребят-онанистов вовсе не является результатом онанизма, как думают многие, а выражает собой лишь уродливо направленную, повышенную общую способность к *этически-аналитической* работе: нельзя же думать, что у Руссо и Толстого (см. их «Исповеди») эта способность явилась результатом их онанизма. Понятно, в таком болезненном состоянии она лишь получила большое направление, освободившись, однако, в дальнейшем от полового плена, что явствует из дальнейшей биографии этих великих людей.

Очевидно, при вдумчивом анализе, в самой форме полового отклонения мы часто найдем и прямой методический ответ, куда надо направить основную работу по переключению. Конечно, нельзя к этим ответам относиться механически, поверхностно, нельзя уплощать смысл этих ответов: «садист—значит вождь», «порнограф—оратор» и т. д. Такой подход недопустим. Форма полового отклонения может дать лишь *направление* для поисков, но вовсе не обязывающий на все 100% ответ. Кроме того, даже вскрыв здоровую сердцевину под половой маскировкой, мы далеко еще не имеем исчерпывающего ответа о дальнейшей методике переключющей работы, так как одной установки на «вожачество», «организаторство», «социальный самопоказ» и т. д. совершенно недостаточно для построения всей системы воспитательных воздействий в целом: надо найти для этих качеств конкретное,

действенное основание и окружение, надо дать им здоровое направление во избежание новых отклонений (в властолюбие, тщеславие и пр.). Одним словом, надо проделать еще чрезвычайно сложную работу по общему и специальному переключению энергетики таких детей. Действительно, эта работа значительно облегчается тем, что под уродливой половой маской найдена основная здоровая установка, эта установка указывает общий путь для борьбы с извращениями, и в этой «находке»—главная ценность методики специальных переключений.

При проведении специальной методики переключений (как при всей работе по переключению) нам приходится учитывать три момента: 1) возбуждение здоровых мозговых участков, здоровых творческих тяготений и установок: *активизация творческих доминант*; 2) привлечение к этим участкам и установкам максимального количества лучших сил организма: *перемещение энергетических запасов в сторону творческих доминант*; 3) отвлечение энергии, отвлечение возбуждения от тех участков, от тех установок, которые надо обезвредить, лишив их питания: *ликвидация болезненных доминант*. В органическом синтезе этих трех моментов и заключается весь процесс переключющей работы.

Конкретная методика переключющего процесса заключается в следующем:

А. Участки творческой доминанты должны сделаться центром всех наших воспитательных влияний, притягательным пунктом для наиболее сильных и ценных возбуждений, направляемых нами из окружающей среды.

Б. Организм при этом должен быть поставлен в такие условия, которые обеспечивали бы полное и беспрепятственное «переливание» энергии в нужные каналы.

В. Обезвреживаемые доминанты (участки) не должны получать никаких активизирующих возбуждений; мало того, они должны подвергаться расслаивающему, разлагающему, тормозящему влиянию со стороны специально подобранных *отрицательных* возбудителей, которые и довершают начатую на положительном участке работу по отвлечению от них (от вредных доминант) энергии.

При этой сложной переработке детских установок всегда обязательно должны соблюдаться два «золотые» правила методики переключений:

А. Никогда не следует отрывать сразу всю активность, все возбуждение из переключаемого, обезвреживаемого участка;

надо провести этот процесс постепенно, иначе создается тяжелая нервно-психическая дезорганизация, обусловленная тем, что быстро оторвавшиеся «энергетические пласты» не сразу найдут для себя прочное и правильное применение, почему и произойдет сложное брожение этой «свободно передвигающейся» (*frei flottierende*)¹⁾ энергии и, в связи с этим, общий рост болезненного возбуждения.

Б. Всю работу по проведению специального переключения следует разворачивать без потери ребенком того положительного субъективного тонуса, той радости, которая, как никак, все же доставляется ему его болезненными доминантами; надо лишь заменять конкретную основу этой «радости», отнюдь не создавая у ребенка угнетенного состояния.

Дети, имевшие установки на онанизм и прочие виды половых переключений, очевидно, получали от этих установок некую субъективную компенсацию, некоторое активное удовлетворение, и, если наша методика будет строиться на лишении ребенка его радости, она заранее осуждена на безрезультатность, так как *создавать при угнетенном состоянии активные и прочные новые установки, новые системы условных рефлексов нет возможности.* Субъективный положительный фон должен быть сохранен, заменять надо лишь конкретную основу этого положительного эмоционального фона. Отучать от «радий» онанизма, садизма и пр. никогда нельзя запугиванием, террором, запретами — надо сначала найти *радующих заместителей* для этих установок и, настойчивыми усилиями, *сохраняя положительную детскую эмоцию*, вдвинуть этих заместителей взамен вытесняемых установок.

Предостережения, запретные разъяснения уместны лишь тогда, если нужные «заместители» уже найдены и если для этих заместителей обеспечены плодотворные влияния. Онанист, которому взамен его аутоэротических радостей ничего не дадут и ограничатся лишь угрозами о вреде онанизма, либо будет бессилен противостоять тяге к онанизму, либо, даже одержав с трудом победу над собою, превратится в тяжелого психоневрастеника, так как не нашлось творческого выхода для его оторвавшейся от онанизма активности и последняя, «свободно пере-

¹⁾ Термин Фрейда, но применявшийся им лишь по отношению к половой энергетике (*libido*). Как видим, речь на самом деле идет о всей энергетике, не только о половой.

двигающаяся, блуждающая», создает болезненное, долго неизживаемое напряжение внутри разных областей тела. Лишь очень немногие, необычайно творчески гибкие индивидуальности могут серьезно перестраиваться под влиянием запретов, сами находя для себя потом активно переключающие лазейки, подавляющее же большинство детей оказываются при таком подходе в *длительном, тяжелом ущемлении.*

Собственно говоря, все, только что высказанное о путях и правилах переключающей работы, относится не только к узкой методике специальных переключений (когда определенное вредное качество мы перестраиваем в полезное), но и ко *всей педагогической деятельности в целом*, которая, как мы видели во всех главах выше, в основе своей и является систематической работой по правильной организации энергетических переключений. Однако мы вполне намеренно выдвинули эти соображения в отдельной главе, так как особенно актуально они заостряются и особенно плодотворно применяются в тех случаях, когда налицо имеется вполне отчетливая, ясная и узкая, специальная задача по перемещению участков возбуждения от определенного болезненного участка к тоже определенному, но здоровому, творческому участку. Повторяем — *полностью в силе оказываются эти правила и для всей педагогической работы в целом, во все ее этапы.*

Для наглядности приведем типическую, рядовую иллюстрацию по проведению методики специального переключения. Мальчик П., 15 лет, очень возбужденный, рассеянный, любит шум, драки, где играет всегда роль зачинщика. Мстительный, злобный, не сдержан, неуживчив в детской среде. Особенно рад, если при нем больно или обидно «попадает» другим ребятам, чаще всего включается в такую «бузу», где может острее «насолить», обозлить и т. д. В драках выбирает обычно такие обстоятельства, где на его долю выпадает наибольшая инициатива в нападении, в нанесении самого «сокрушительного» удара противнику, при чем так «вгрызается» в «врага», что не оторвешь. Пользуется всяким случаем больно ткнуть в затылок, ущипнуть, кольнуть булавкой и особенно часто делает это в отношении к девочкам, хотя «не брезгает» и мальчиками.

Как в таком случае должна пойти переключательская работа? Во-первых, надо было выяснить действительную подоплеку и действительный смысл этого уродливого уклоня. Оказывается, после наиболее сложной, злобной «бучи», у мальчика ночью на-

ходили семенные пятна на белье: так как онанистом он не был, очевидно, извержение семени происходило либо во сне, в поллюциях, либо во время самих истязаний, т.е. истязательская работа была определенно полового характера (отсутствие семенных пятен и вообще половых разрядов — еще не гарантия «внесексуальности» такого поведения). Далее, выяснилось, что мальчик обременен был длительно неумелой родительской тактикой, несправедливо противопоставляющей его, нелюбимчика, двум другим детям — любимчикам. Младшие классы школы он пережил замкнуто, непонятый педагогами, и мрачная его мимика вызывала часто у неумных, нечутких воспитателей злобную реакцию с их стороны, после которой замкнутость мальчика, конечно, увеличивалась и превращалась постепенно в озлобление. Эта «дикость» мальчика и «антипатия» к нему со стороны педагогов приводила к насмешкам детей над П., к травле, частым обидам, в ответ на что он злобно, но бессильно «огрызался», сжимал кулаки, багровел и на долгий срок после этого старался не показываться на глаза.

К 13—14 годам, по мере физического укрепления, замкнутость постепенно стала превращаться в агрессивность, которая, в свою очередь, начала окрашиваться в половые тона. Два «романа» мальчика, когда его внимание было более сильно затронуто девочками (в 13½ и 15-летнем возрасте), заключались в том, что «предмет» его «любви» даже и не догадывалась о чувствах, ей адресуемых, и лишь делалась мишенью особо злобных, злостных насмешек и издевательств с его стороны, при чем к этим издевательствам им всячески энергично привлекались другие ребята, организатором которых в истязательских проделках он незаметно сделался в течение этого периода.

Переключающая работа началась с попыток направления его агрессивности на полезные деловые пути, с нащупывания таких путей, где эта агрессивность потеряла бы свое большое содержание. Оказалось, что элементами этой агрессивности была не только злобность, но и долго сдерживаемая активность, долго тормозимая тяга к общественным связям, при чем все это превращалось в агрессивность потому, что «гордость», «привычка», «преследование среды» не давали возможности выявить открыто здоровые тяготения. Мальчика П. связали с тремя другими детьми, очень чуткими и разумными, предварительно раз'яснив им сущность задания, и всем им совместно поручили ответственную

работу по руководству постройкой экскурсионного лагеря в 15-ти верстах от города. Первая часть работы развевталась в этом узком детском кругу, при чем тройка вполне намеренно уступала вожаческие позиции П. и подчинялась ему даже и тогда, когда он бывал озлоблен. Так как работа была действительно ответственной и все дети трудкоммуны ждали ее окончания для реализации своих экскурсионных планов, по мере приближения назначенного срока озлобленность П. адресовалась все меньше «тройке» и все больше материалам работы, препятствиям по пути и т. д., раздражаясь иногда приступами острого бешенства (разбрасывание веревок, полотнищ палатки, ломка мебели и т. д.). Однако в дальнейшем эта ярость (педагог приезжал из города для контроля) превратилась из «ярости против работы» в ярость работы, и, за последние 4 дня до срока, П. самолично проделал буквально чудеса, закончив столько, сколько не успел в первые 10 дней, несмотря на неблагоприятную погоду. «Тройка», из позиции намеренной уступчивости, незаметно для себя, к своему изумлению, оказалась в положении разумно, настойчиво руководимых работников, и рост их уважения к П. (взамен недавней снисходительности) был буквально молниеносным по своей быстроте и неожиданности. При в'езде коммуны в лагерь П. попытался устроить свой обычный «злобно-бузотерский» бенефис, но из этого ничего не вышло, так как, во-первых, у него не оказалось былого «пороха» (это за 15-ть-то дней), во-вторых, оруженосцы его — верная ему тройка, сразу перешли на его сторону, и буря быстро «разрядилась», так как не было сильных организаторов для противодействия П. На торжественном собрании, посвященном открытию лагеря, заслуги П. были признаны всеми и, хотя П. пытался кулаками и ногами протиснуться через строй детей, чтобы удрать в лес, он был «тройкой» выведен к эстраде и публично ею расцелован. Этот вечер был переломным в отношении всех детей трудкоммуны к П., и все его последующие попытки вызвать «бузу» кончались неудачей, так как большинство ребят не удалось спровоцировать: они шли не против П., а вместе с П. За пять недель П. стал неузнаваемым. Не истязатель, а твердый, разумный вожак. Поллюции прекратились.

Приведенный нами случай переключающей работы — рядовой, обычный, так как педагоги подмосковной трудкоммуны им. ОГПУ, Полтавской, Саратовской трудкоммун и других энергично подтверждают эти случаи своими опытными иллюстрациями (в ди-

скуссиях и информациях на московских и всесоюзных конференциях СПОН).

В нашем случае, как *типическом*, удовлетворительно соблюдены все методические предпосылки, обрисованные нами выше: 1) всеми способами была активирована здоровая *социально-действенная*, организаторская, волевая основа личности П. (так как его садизм был результатом *воспитанного* извращения именно этой основы); 2) для П. были созданы условия, при которых поневоле все его возбуждения должны были канализоваться исключительно в сторону этой здоровой основы (жесткое, срочное, ответственное обязательство, изоляция от детской массы, разумное, выправляющее кривизну П., поведение тройки, контрольные наезды педагога и т. д.); 3) была исключена возможность активного раздражения больных установок: тройка объединилась с П., что лишило его *озлобляющего одиночества*; растущее доверие массы детей к П. помешало ему провоцировать их на драки с собою. Соблюдены были также и два «золотые правила» методики переключений: 1) тактика перестройки П. проводилась *постепенно* не путем отказа от агрессивности, не запретами, но прорывами ее по целесообразным путям с последующим *качественным* переключением ее; 2) в этой тактике П. оказывался не жертвой, не грешником, не угнетенным, но активным, радостным борцом; радости, которую он имел от садизма, его не лишили — радость ему была сохранена, но не садизм уже питал ее, а иные, здоровые соки.

Такова типическая работа по переключению болезненных половых установок. Такова она и в специальных случаях, когда требуется срочное вмешательство, такова же она и во всей системе постоянной педагогической работы по организации здоровых переключений.

XIX. Роль личности, как переключающего фактора.

Фрейдовская школа впервые обратила внимание на особое явление в половой жизни, которое было фрейдистами названо: «перенос» (Uebertragung). Сексуально дезорганизованный человек часто приковывается, «приклеивается» к другому человеку, «переносит» на него все свои любовные переживания, делает его своим кумиром, превращает себя в раба, отказывается от своей личности и независимости и без этого «переносного своего аппарата» не мо-

жет существовать. Адресат такого переноса — главная основа бытия для переносящего, обязательный «мост», по которому последний продвигается, протаскивает к жизни все свои планы и действия. Эти своеобразные любовные привязанности, «переносы» играют, по нашим наблюдениям, особо крупную роль в переходном возрасте, когда резко заостряется личностное начало и усложняются личностные связи с окружающими людьми. Если «перенос» удачен или, наоборот, неудачен, это имеет огромное значение для всех социально-жизненных установок «переносящего».

Мы лично думаем, что в этом фрейдовском «переносе» сексуальное содержание вовсе не должно превалировать, мало того, может и совсем отсутствовать. Если оно иногда сильно, то вовсе не потому, что механизм «переноса» — первично половой механизм (влюбленность), а лишь потому, что для внеполового переноса среда не создавала должных условий: аналогично половому романтизму подростка, который заостряется именно, как половой, лишь из-за отсутствия средовых путей для *социального романтизма*¹⁾. Однако, отрицая половую диктатуру в явлениях «переноса», мы не отрицаем самого факта переноса, наоборот, обращаем самое серьезное внимание на *огромное его значение* (как положительное, так и отрицательное) в *половом воспитании*.

«Переносом» можно бы назвать такое состояние человека, в частности, растущего человека — ребенка, подростка, когда оно особенно крепко, глубоко привязывается к другому человеку, делая его центром своих симпатий, своего доверия, олицетворением своих идеалов, образцом для своего поведения и мирозерцания и т. д. Очевидно, для такого прикрепления к другому половой элемент вовсе необязателен. Если подобный «идеал» действительно хорош в социально-творческом, действенном смысле, если он силен, смел, умен, глубок, чуток, честен, — крепко привязаться к нему можно и без всякой половой подоплеки, тем более, что в жизни носители таких качеств настолько редки, что удивляться их всепокоряющему влиянию не приходится. Сложнее обстоит, если «идеал» совсем не идеал, если чертами героя, борца и пр. награждают мелкое ничтожество, но и здесь осложнение может быть обусловлено тоже не «половым наводнением», не «любовным опьянением», а лишь острым, трагическим одиночеством, беспросветной социальной тьмой вокруг, когда со-слепо, «с голоду» урод красавцем покажет-

¹⁾ См. гл. VI и XVIII.

ся: не половой голод, а тот же социальный голод. И лишь в третьей категории случаев мы встречаемся с действительным половым переносом, когда «идеал» делается олицетворением наилучшего в мире по причине осложненной половой к нему привязанности.

Как бы то ни было—независимо от того, к какой группе отнести тот или иной случай «переноса»—самый факт возможности сосредоточения необычайно острых и сложных эмоций на одном человеке отрицать нельзя и в педагогическом отношении следует его детально изучить, использовать в первую очередь для целей полового воспитания.

Подросток—острый личностник, но он же рвется к людям. Он мечтатель, романтик, «идеализатор» (не идеалист!), но не в процессах закупорки, а в своих проекциях наружу, к социальному миру. Его социальные требования, однако, очень сложны и противоречивы (уступает коллективу лишь при условии максимального субъективного выигрыша), и не так просто прочно слить его с широким социальным окружением. Именно тогда, когда в коллективе он не прививается, делается он особенно падким на более узкие социальные избиения и начинает тяготеть к более замкнутому, специально избранному им кругу, зачастую ограничивая его одной лишь, но зато уже максимальной привязанностью.

Все недополученное им от себя из-за бедности его реальных, социальных установок, все недополученное им из коллектива из-за нищеты его связей с последним, он переливает в найденный им идеал. У подобной сверхпривязанности огромная роль— как паразитарная, если ее адресатом является недостойная личность, бесплодно поглощающая, неумеющая использовать могучую силу такой привязанности,— так и творческая, если она является стимулом к ценнейшим действиям «во имя моего идеала».

Чем шире и ярче конкретные социальные связи подростка, тем меньше у него нужды в такой исключительной привязанности; однако, учитывая трудность, конфликтность путей, по которым разворачивается подростническая социальность, педагогическое значение такой сверхпривязанности нельзя ни в коем случае преуменьшать. Можно вполне определенно указать, что значительная доля педагогической талантливости и вожаческого влияния растут именно из этого источника. Всем известны десятки случаев быстрого «чудесного перерождения» целых групп (классов) подростков при появлении среди них нового, исключительного педагога или выдающегося вожака. В этом перерождении играют роль самые

разнообразные факторы: конкретное олицетворение своих идеалов в определенном человеке (наглядность идеала), романтическое преклонение перед живым героем, сложные подражательные процессы, стремление через препятствия к «вершине»,—иногда, попросту, любование, обожание (в последнем содержится уже элемент сексуальности, притом элемент пассивирующий).

Хорошо, если человек, к которому «прицепились» эти детские эмоции, сумеет осторожно отвести их от себя и переключить на дела, на жизнь, на творчество. Опасно, если он не сумеет этого сделать,—подобный процесс превратится тогда в нескладную, самодовлеющую «жвачку влюбленности». Еще хуже, если он по своим качествам вообще недостоин таких детских эмоций, это отравляет в дальнейшем весь детский эмоциональный источник и послужит причиной самых тяжелых социальных, а затем и сексуальных разочарований подростка.

Если в подобной привязанности даже и содержится иногда элемент полового романтизма, в этом нет ничего опасного, при условии чутья и умения со стороны адресата такой романтики. Половая романтика подростка в подавляющем большинстве случаев может быть десексуализирована (недаром до трети детей «влюбляются» вначале в преподавателей своего пола, оказываясь в дальнейшем вполне нормальными гетеросексуалами)¹⁾, надо лишь дать ей богатую социальную начинку и конкретные пути для делового переключения.

Лучше, если процесс роста здоровых творческих связей подростка с жизнью развернется без этих исключительных сосредоточений внимания на определенной личности, хоть будь то великолепный вожак или замечательный педагог. Лучше потому, что тогда не окажется узости горизонтов, конкретные сцепления с жизнью будут более обширные, свободные, богатые: товарищество, а не один товарищ, коллективный героизм, а не один герой, взаимное подталкивание, а не подражание одному.

Там, где этой здоровой, широкой социальности нет, там, во избежание распыления детской энергии на паразитарные переключения, следует, конечно, воспользоваться и механизмом «переноса», механизмом переключения энергии на личность, «по которой», в дальнейшем, как по мосту, детская энергетика

¹⁾ Гетеросексуализм — половое влечение к представителю другого пола.

включится уже в широкую, здоровую реальность. Привязавшись к одному, сосредоточившись на одном человеке, тем самым подросток *создает единство*, избегает распыления и в общих своих целеустремлениях. Подражая своему кумиру, помогаясь его внимания, отставая его интересы, подростки постепенно разворачивают глубокие и прочные доминанты, привыкают к тормозным процессам,—одним словом, всесторонне качественно растут.

Необходимо лишь не допускать длительной задержки на одной личности, надо добиться как можно скорее, чтобы эффект влияния этой личности перестал быть исключительным, надо, чтобы сама эта личность всемерно способствовала постепенному отрыву от себя и дальнейшему переходу ребенка в широкую социальность. «Ты любишь, уважаешь во мне не меня, не мои личные качества, а себя, свои творческие искания, и жизнь со всем ее, желанным для тебя, творческим содержанием; во мне ты нашел лишь одно из воплощений того, чего ты ищешь, в себе и в жизни ты найдешь еще более богатые и радующие воплощения; *поучившись у меня, следуя за мною, стань, наконец, на собственные ноги и отправляйся сам в широкую жизнь на боевую работу!*»—таков должен быть педагогический девиз адресата «переноса», такова должна быть его тактика в отношении к «переносящему» подростку.

Конечно, носитель такой чуткой и сложной «переносной» тактики должен быть незаурядной личностью: чтобы привлечь к себе «гордые» симпатии подростка, чтобы оказаться в героическом ореоле и, в то же время, уметь педагогически регулировать, переключать эти своеобразные эмоции, надо самому воистину гореть любовью к социальной борьбе, к творчеству, быть подлинным социальным революционером и революционным строителем, насыщенным пафосом боев и исканий. Только такая личность имеет педагогическое право на *временное* привлечение к себе подростнических эмоций, на время, чтобы сыграть роль моста, по которому, через пропасть возрастных противоречий, подросток пройдет в действительную жизнь. Подавляющее большинство случаев исключительной, персонально направленной половой сверхромантики подростков, а также наибольшая часть разнудывающего влияния вожяков на группы подростков обусловлены тем, что возрастная тяга к «переключению на личность» неразумно или злостно-уродливо использована. Половое воспитание настойчиво требует серьезнейшего внимания к механике «переноса».

Что способна сделать эта механика именно в переходном возрасте, подтверждается многими нашими наблюдениями, прочно подкрепленными также материалами Сталинградской, Терской и других трудкоммун (дискуссия на конференциях и курсах СПОН 1924—1926 г.г.). Самым фактом появления своего в детучреждении, привлечением к себе детской эмоциональности, детских симпатий, чуткий, незаурядный педагог оказывается сразу в центре переключающей работы и начинает, незаметно для себя, менять всю «половую атмосферу» учреждения. Еще пальцем о палец не ударив для т. наз. непосредственного полового воспитания, т.-е. не сделав еще ни одного раз'яснения по половому вопросу, ничего не изменив в методах физкультуры и т. д., он, однако, успел уже перестроить, переключить ряд детских эмоциональных установок, успел отвлечь от половых доминант часть их энергетики, переключив ее на себя и на связанное с собою дело, успел уменьшить количество и напряженность тяготения к онанизму у ряда детей, смягчить серию садистических выходов и пр. Повторяем, ничего специального для этого не предприняв, ни указаний, ни запретов, одним лишь фактом включения своего личного влияния в общий педагогический процесс.

Конечно, одно это влияние, без реализации всего, о чем мы подробно говорили во всех главах выше (от VII до XVII вкл.), скоро повиснет в воздухе. Конечно, длительное, исключительное *сосредоточение* детских эмоций на этом влиянии создаст скоро атмосферу опасного массового гипноза, но как частичный, правильно используемый, элемент полового воспитания, *на своем месте и в свое время*, влияние это уместно и очень ценно.

Лучшим «естественно-экспериментальным» обратным доказательством этого влияния являются случаи, где в здоровое, упорядоченное детучреждение является один или два незадачливых, тусклых педагога, ничего особенно плохого не проделывающие в половой области,—однако, в несколько месяцев невольно, резко меняющие «половую погоду» в учреждении: детская эмоциональность, не задержавшаяся на тусклой личности этих педагогов, не задерживается также и на их учебных предметах, *отклоняется в сторону* и, если не найдет по пути иного, здорового канала, прорывается на половые пути, до того бывшие в благополучном состоянии. Именно в переходном возрасте, хотим мы этого или не хотим, необходимо особенно зорко учитывать роль личности в области полового воспитания, так как социально-личностные установки

возраста насыщены конфликтами, противоречиями, необычными трудностями.

Центр тяжести работы, конечно,—*весь педагогический процесс в целом* (среда, коллектив, труд, обществоведение и проч.), но роль личности и детских переключений на личность должна учитываться, как весьма существенная часть этого процесса: решающая, не главная, но очень и очень существенная его часть.

XX. Половое просвещение.

Как видит читатель, половое воспитание оказывается значительно более сложной областью, чем это явствует из подавляющей части литературы по т. наз. сексуальной педагогике, целиком, исключительно сводившейся к инструкциям по «физиологической культуре» и по «половому просвещению». В нашем же материале эти «исключительные» указания включены лишь в две главы из многих,—притом не в наиболее существенные главы,—в главы, имеющие не направляющее, а исполнительское значение. В главе о физкультуре это выявилось с достаточной четкостью, такой же, исполнительской главой окажется у нас и глава о половом просвещении.

Если плохо налажен педагогический процесс в общем и в специальных его частях, если неразумно построена вся система переключений, ни физкультура, ни половое просвещение не в силах будут исправить положение и окажутся второочередными частностями в деле полового воспитания. Они имеют смысл и дают эффект лишь при *условии* реализации всех тех общих указаний по половому воспитанию, материал для которых был дан выше в ряде глав (VIII—XIX).

В частности половое просвещение само по себе, вне связи со всей системой полового воспитания, действительно имеет поистине скудное значение, так как, в основном, сводится к двум факторам очень сомнительной переключающей ценности: 1) к *запугиванию* (раз'яснения о вредностях, угрожающие предостережения и т. д.); 2) к хрупкой системе *словесных раздражителей*, дающих поверхностные теоретические познания, без связи с глубинами эмоциональной природы ребенка (беседы по половому вопросу, литература по половому вопросу и т. д.). Выпячивать вперед эти факторы, считать их 95% всей сексуальной педагогике—более чем нелепо. Однако, на фоне действительно серьезной работы по половому вос-

питанию (на фоне правильной организации среды, коллектива, труда, учебных дисциплин и пр.) у полового просвещения имеется все же своя значительная, хотя и второочередная роль.

Половое просвещение, т. е. преподнесение детям научно-популярных указаний о половой жизни, исчерпывается двумя областями работы: 1) половое просвещение может быть проведено через всю серию общих учебно-воспитательных мероприятий, без специального выделения особых тем и вопросов по половой жизни; 2) половое просвещение может проводиться, как специальное половое просвещение, в форме особых бесед, предоставления особой литературы и т. д. Оба этих методических подхода далеко не равноценны.

Наиболее крупная, обстоятельная и ответственная работа по половому просвещению проводится первым методом. Незаметно для детей, год за годом, пока половые вопросы не успели еще приобрести у них излишней напряженности, дети получают исчерпывающие знания по половой жизни, распыленные среди прочего, богатого, многообразного учебно-воспитательного материала. В хорошо работающем детучреждении к переходному возрасту дети, без специального заострения полового вопроса, успевают в спокойном, незаметном материале получить то основное, что им необходимо для *позднейшего предотвращения* нездорового любопытства, для предотвращения вредных дальнейших попыток проникнуть в «сокровенные тайны» пола и т. д. Ни большого любопытства, ни «сокровенности» не окажется у них потому, что все «тайны» были им заблаговременно, незаметно и спокойно раскрыты настолько, что для праздных предположений и догадок не осталось почвы. Это единственно правильная и действительно безопасная система полового просвещения, в которой нет ни ханжеских укрываний, ни толчков к разнузданной фантазии, так как раз'ясняющая работа проводится исподволь, на фоне богатого неполового материала.

Хорошо работающее детучреждение, таким образом, *не нуждается* обычно в выделении специальных тем и бесед по половому вопросу, так как весь материал половой проблемы исчерпан в «неспециальных беседах» задолго до появления нужды в специальных разговорах на эту тему. Исключение могут составлять отдельные, единичные ребята, особо любопытствующие в половой области, но ответы на их вопросы не представляют трудности, так как не требуют специальных коллективных бесед, всегда рискованных.

Во всех этапах учебно-воспитательной работы, во всех дисциплинах, экскурсиях и т. д.—культурный педагог всегда найдет достаточный материал для освещения, между прочим, также и половой проблемы. Особенно богаты этим материалом естествознание и обществоведение. В *естествознании* почти по всем отраслям его всегда можно развернуть, *между прочим*, и данные, уясняющие сущность половой жизни, роль полового фактора, эволюцию половой жизни и т. д.; роль полового отбора в законах эволюции, размножение в среде одноклеточных, растений, животных, данные по анатомии, физиологии, гигиене половой жизни *среди* общих анатомо-физио-гигиенических сведений,—в вопросах социальной и индивидуальной гигиены—о половых заболеваниях, о болезненных половых установках и т. д.,—среди указаний о мозге, о мозговой работе уяснить и роль половых желез, полового поведения для мозговой деятельности и т. д., и т. д.

Ценность этих «половых» сведений, *растворенных в общем учебном материале*, заключается именно в том, что они не привлекают специального внимания, целиком отвлеченного сейчас в сторону изучаемой главной проблемы (теория эволюции, мозг, физиология и т. д.) и, вместе с тем, дают ясный, исчерпывающий ответ на главные половые вопросы, неосведомленность в которых через 2—3 года дала бы трагические результаты.

Беременность, как результат половой жизни и как тяжелое физиологическое состояние, материнство и его муки, обязательства отцов, беспомощность раннего детства, все это—материалы, формирующие сложное чувство глубокой моральной ответственности за половое задолго еще до появления специального интереса к половому. Поэтому, когда переходный возраст пробуждает, наконец, и специальный интерес, болезненная сторона последнего, в главном, уже обезврежена, смягчена предварительно полученными, притом морально обязывающими знаниями.

Общественно-педагогические знания, извлекаемые для целей полового просвещения, не менее многообразны и плодотворны. История семьи и брака на фоне истории классово-борьбы, эксплуатация и проституция; эксплуатация, нищета, невежество, и социальные болезни, в том числе алкоголизм, сифилис, гоноррея и т. д.; культурно-бытовое, в том числе и половое прогнивание паразитирующих, умирающих классов и общее, т.-е. и половое возрождение молодых, революционных классов; социалистическое строительство, социалистический быт и новая сексуальность и т. д.;

героические, революционные фигуры в истории и бытовая их скромность и т. д., и т. д. Этот материал дает точную локализацию полового в социальном и, вместе с тем, открывает начальные директивы для полноценного классового полового поведения, не в гигиеническом (это дело естествознания), а в социальном разрезе. Достоинства его, пожалуй, еще больше, чем естественнонаучного материала, так как общественно-этические перспективы, им раскрываемые, во всяком случае лишены какого бы то ни было добавочного раздражающего привкуса, который может все же иногда появиться у неумелого педагога, говорящего хотя бы о функциях половых органов.

Пишущий знает многие десятки детей, усвоивших к 9—10 годам очень многое о физиологии и социологии половой жизни и сильно от этого выигравших к переходному возрасту. Конечно, одни эти знания не дали бы детям здорового полового направления, но, совместно с другими, *решающими* общими факторами полового воспитания, правильно данные предварительные знания имеют все же свою значительную сексуально-педагогическую миссию.

С этой же точки зрения нет нужды отказывать детям в ответах на недоуменные их вопросы в половой области. Не следует ни в каком возрасте делать из этих вопросов «трагические тайны». Конечно, не следует их также и выпячивать, не надо их специализировать, отделять от других, а, наоборот, всегда необходимо включить их в тот или иной общий материал и разрешить их на фоне этого общего материала. Детские вопросы (в 7—9 лет) о «причинах деторождения» не следует, конечно, сразу приурочивать к рассказам о процессах полового соития. Их можно разрешать незаметно и постепенно: рассказать о положении плода в утробе матери, о постепенном развитии этого плода, о подготовке материнского организма к родам и т. д., незаметно перейти к опылению цветов, к «причинам» размножения в растительном царстве, рассказать о внеполовом и половом размножении и, самым незаметным образом, среди этого богатейшего и бесстрастного материала, включить в его состав и несколько мягких, спокойных штрихов о физиологическом смысле полового соития. В таком богатом окружении, этот кусок материала не выпятится, но в то же время для ребенка недоуменной, надсадной пустоты уже не останется. Незачем давать коллективные беседы в ответ на один случайный детский вопрос, ответить на него

можно осторожно наводящими указаниями, тут же, один на один; исчерпывающее же его разрешение—давать не сразу, не выделяя его специально, а в общем контексте с прочим просветительным материалом.

Конечно, при этом ни в коем случае не следует демонстрировать «половые опыты» (были ведь и случаи экскурсий на случайные пункты!) и тщательным образом надо также воздерживаться от наглядных таблиц, рисунков и всего того, что излишне возбуждает зрительные образы в этой области. Особенно нелепы довольно энергично рекламируемые специальные плакаты, посвященные половой проблеме: на фоне общей нашей школьной бедности плакатным материалом, специально выделять половой вопрос и награждать его яркой, красочной зрительной оргией, завешивая стены неожиданно богатым наглядным материалом, было бы большим безрассудством, было бы нескладным выпячиванием вопроса, что повлекло бы лишь к раздражающему, ненужному любопытству.

Такова, в общем, подготовительная просветительная подготовка в половой области, подготовка длительная, незаметная, систематическая, подготовка, в которую включается весь педагогический процесс, весь педагогический коллектив, все части которой заранее взвешиваются, планируются, взаимно увязываются и, при проведении их, зорко учитываются в их результатах. При этой подготовке мы самым энергичным образом отвергаем специальную литературу по половому вопросу для детей, считаем, что половой материал можно дать и в литературе так же богато, широко окруженным в общем естествоведческом или обществоведческом материале, не выделяя его особо, как мы это предлагали делать и в устной просветительной работе.

Максимальной осторожности требует, в смысле полового просвещения, современная художественная литература и все искусство в целом, как «взрослое», так и специально детское («для детей»). По нашему мнению, лучше в этой, особо опасной художественной плоскости вовсе не касаться половых, любовных проблем, чем касаться их плохо. С одной стороны, не годится и расслабляющий слащавый сентиментализм буржуазных «ультраромантиков», с другой стороны, еще более опасен цинический, слишком раскрытый реализм «левых» художников. Синтеза же здоровых элементов, в применении его к детским восприятиям, пока не создано, и лучше поэтому пока в детском искусстве вовсе не касаться во-

просов любви, чем касаться их плохо, без должной осторожности. Искусство для детей в области любви ждет еще своих Толстого, Флобера, Мопассана, страстно ждет, но, увы, их еще нет. Эпоха революционной, массовой, пролетарской педагогики предъявляет свой особый заказ искусству.

О гнусной «просветительной работе» кино и прочего «искусства» говорилось достаточно в предыдущих главах: здесь требуется настойчивая пресекающая тактика («стрижка» частей фильмов, запрет показа ее детям и т. д.), но, в основе, лежит, конечно, творчески организующая работа: создание своего детского искусства.

Как же быть, однако, спросят нас, если все же назревает в детучреждении острая нужда поставить и специальные беседы по половому вопросу? Ведь может возникнуть и такая нужда?! Если половая атмосфера в учреждении слишком обострилась, «набухла», если разрастаются процессы группового полового разнуждания, если половые застрельщики «вожачествуют» слишком энергично, половые недоумения детей учащаются, сгущаются,— как же быть в таких случаях? Ждать, наблюдать, регистрировать, или же следует принять срочные, специальные, энергичные просветительные меры, немедленно оздоравливающее положение вещей? Вопрос, конечно, разумный, первоочередной, — ответить на него практически необходимо.

Понятно, никакой специальной «просветительной операцией» срочно оздоровить изуродованную половую атмосферу детучреждения нельзя. В этом вопросе не должно быть легкомыслия. Корни массовых болезненных установок детства настолько многочисленны и настолько глубоко, прочно связаны со всеми частями педагогического процесса, что рассчитывать на чудодейственное влияние нескольких просветительных бесед будет полным непониманием всей сущности полового воспитания. Надо радикально перестроить среду, оздоровить педагогический состав, перегруппировать детей, проделать сложные «вожаческие переброски», изменить весь характер учебно-воспитательной работы, чтобы добиться действительно прочного оздоровления больной половой атмосферы. Просветительная борьба будет лишь частностью в этой сложной системе обще-реформирующих мероприятий. Однако и как частность, она требует внимания, надо продумать метод «срочного просветительного вмешательства».

Изменить наш принцип *длительной просветительной работы* и пользоваться также методом «эпизодического просвещения» можно *лишь в тех случаях, когда опасность общего полового заражения для детучреждений действительно чрезвычайно велика*, когда к этой мере следует прибегнуть, как к массовому «хирургическому» вмешательству, учитывая возможный крупный ее вред, как и при обычной *хирургической операции*.

В чем же заключается возможный вред для подростков при проведении специальных бесед по половому вопросу? Основной вред в том, что беседа быстро, активно сконцентрирует, систематизирует все их распыленные половые тяготения, всколыхнет половую стихию, заострит, углубит половые конфликты и не сумеет, в то же время, *урегулировать вызванную ею стихию*, организованно овладеть ею. Полная аналогия с неумелой, неудачной хирургической операцией в брюшной или черепной полости, когда не приняты надлежащие асептические меры, и не обеспечено хорошее послеоперативное заживление раны. Полость вскрыта, разрезы сделаны, остальное на «волю божью».

Проведенная таким образом «специальная» половая беседа приведет к троякого рода последствиям: 1) ею будут вызваны новые половые эмоции, новые разговоры на половую тему, обострение большого полового любопытства; 2) чрезвычайно возрастает удельный вес, авторитет «половых застрельщиков», которые получают в беседе массу дополнительного осведомительного материала, специфически ими затем используемого для агитации среди ребят; 3) увеличится замкнутость, отчужденность детей от педагогического коллектива, обусловленная как сгущением их сексуальности, так и известным чувством стыда перед воспитателем («вот как я использовал его разъяснения, его откровенность»). Конечно, такой эффект «вряд ли» окупит энергию, потраченную на проведение беседы. Поэтому, если действительно нет возможности избежать специальных инструкций по половому вопросу, необходимо принять самые суровые меры предосторожности. В основном, меры эти вытекают из трех предпосылок: 1) какова личность педагога, проводящего беседы; 2) каково состояние детской группы, в которой проводится беседа; 3) каково состояние педагогической среды, в условиях которой проводится беседа.

Острейший вопрос специального «хирургического» просвещения — личность «просветителя». Последний должен обладать серьезной научной квалификацией, чтобы свободно владеть в

беседе всем материалом вопроса. Он обязан уметь талантливо, ярко популяризировать свой материал, чтобы не создавать особенно опасного при такой беседе интеллектуального угнетения (непонимание, недоумение—и новая эмоциональная путаница). Он должен быть чрезвычайно педагогически гибок и чуток, чтобы правильно уловить и охватить аудиторию, владея ею целиком, применяясь к различным ее слоям и к изменениям ее состояния в процессе беседы. Он должен быть вполне здоров в этически-половом отношении, так как молодая аудитория зорка, подозрительна, поймет и не простит внутренней напряженности, интимных срывов лектора в таком чувствительном вопросе. По возможности он должен быть связан с данным составом детских групп, конкретно близок им по учебе, занятиям и т. д., так как подобная предварительная близость сильно смягчает неминуемую начальную напряженность при первых этапах беседы. В отношении к особенно талантливым и опытным лекторам последнее условие не столь обязательно, так как чутье, такт, опыт может заменить их персональное знакомство с детьми; однако сведения об этих детях они обязаны собрать максимально полные. Таковы требования к личности «полового просветителя».

Требования к *составу детской группы*, в которой должна проводиться беседа, не менее суровые. Как имеются организмы, для которых, несмотря на все опасности заболевания, операция неприменима в виду 100% угрозы смертельного исхода, так существуют и детколлективы, где провести «половую беседу» ни в коем случае нельзя, несмотря на весь трагизм положения. Детколлективы, пропитанные тяжелой половой дезорганизацией, ущемленные диктаторским влиянием, не имеющие авторитетной и твердой здоровой детской прослойки, на которую можно бы опираться педагогам, — такие детские группы совершенно не годятся для «половых бесед»: инициатива по использованию эффекта беседы будет в них неминуемо вырвана из рук педагогов и вся эмоциональность, всколыхнутая беседой, целиком уйдет на питание сугубо разнуздавшейся половой стихии.

Таковы же требования и к *педагогической среде*, в окружении которой надо вести беседу. Так как беседу ни в коем случае нельзя считать изолированным куском педагогической работы, так как материал бесед должен *органически вытекать из педагогического процесса* и, в свою очередь, в него же затем вливаться,—вполне очевидно, что могут случиться такие педагогиче-

ские условия, при которых бесед поставить никак нельзя. Нельзя же делать ответственную операцию под дождем или в грязном помещении, на падающем столе, ржавыми инструментами и т. д. Таким же образом не следует проводить «просветительную операцию» в учреждении, неспособном организовать предварительные и последующие условия для *правильного переключения* детской эмоциональности, взбудораженной беседами.

Из указанных выше предосторожностей, органически вытекают и те *предварительные* меры, та предварительная подготовка, которая необходима для создания условий, требуемых характером «операций». Суть подготовки — в обеспечении возможности предотвратить излишнее эмоциональное возбуждение, а, в случае его появления, овладеть им и творчески его направить, переключить. Поэтому кроме подбора лекторов и предварительной их обработки, следует принять еще три следующие категории мер: 1) надо отобрать детей, наиболее сексуально и социально здоровых и мобилизовать их в качестве ядра «содействующих» для помощи в борьбе с половой дезорганизацией в группе, соответствующим образом инструктируя их; 2) надо предварительно по возможности обезвредить, иммунизировать наиболее сексуально-запутанных, занявшись тщательной их индивидуальной обработкой и, быть может, устранив одного-двух из наиболее опасных¹⁾; 3) надо самым серьезным образом подготовить весь педагогический коллектив, мобилизовать его, связать его работу с материалом и возможными результатами «половых бесед», чтобы беседы эти влились в заранее подготовленное русло и получили затем должное направление. Лишь после такой глубокой подготовки можно приступить и к беседам. Как видим, беседа, еще до ее проведения, оказывается мощным толчком для целой серии глубоких оздоровляющих мер, адресованных всей атмосфере детучреждения в целом, всему половому воспитанию, как таковому.

В конце концов, однако, половых бесед проводить именно, как половые беседы, ни в коем случае не следует. Во-первых, беседы эти не должны назойливо вылезать из обычного учебно-воспитательного обихода, не должны занимать в нем какого-то

---

¹⁾ Предупреждаем, что это устранение — оружие обоюдоострое: педагог пойдет по линии наименьшего сопротивления (выгнать легче, чем перевоспитать); среди «выгнанных» же гиперсексуалов часто можно прозевать талантливейших ребят (см. гл. XVIII).

обособленного места. О них не следует анонсировать, им не следует уделять отдельных часов, они должны незаметно вплестись в процессы текущей работы, в качестве синтезирующего материала по ряду сопряженных друг с другом дисциплин (обществоведение, естествознание и пр.). Они ни в коем случае не должны называться «половыми беседами» и могут быть посвящены, в основном, любому общему или специальному вопросу, но никак не вопросу половому. Только при этих условиях тот специальный половой материал, который сконцентрированно будет дан в этих беседах, лишится значительной доли своей вредоносности. Кроме того, будет избегнута опасность напряженного предварительного ожидания, специальной «организованной» подготовки со стороны половых бузотеров и т. д.

Материал полового вопроса можно спокойно, без всякой натяжки включить в любую, интересующую подростков, проблему: о физиологии творчества, о гигиене ума и общей гигиене, о воспитании воли, о комсомольской этике, о чувстве товарищества, о вопросах культуры, быта, искусства и т. д. Все указания, данные нами выше по поводу длительного многолетнего полового просвещения, остаются и в данном случае в полной силе — с той лишь разницей, что, вместо нескольких лет, в связи с «хирургической срочностью» меры, материал этот должен быть незаметно подан в неизмеримо более короткий срок.

Начав незаметно серию этих интересных для подростка бесед, не выпячивая эти беседы среди прочего учебного материала, педагог постепенно вливает в них и нужный ему инструктирующий половой материал, не выделяя его, не нажимая на него, а пользуясь им мягко лишь в качестве сопутствующего иллюстрационного варианта. Чем удачнее, ярче вовлек он ребят в русло основного общего вопроса, являющегося предметом беседы, тем спокойнее может он вливать в него дополнительный половой материал, не боясь концентрации на нем избыточного внимания, так как дети уже увлечены главной темой и застрахованы от «взрыва» их внимания половыми материалами. Если «страховки» еще нет, если общее внимание детей еще не устоялось на главной теме, с половым материалом надо немного подождать, подавать его осторожнее, нащупывая наиболее безопасные моменты и пути для его включения. Возможности вносить частичные половые варианты в любую общую тему необычайно богаты и, хорошо использованные, вполне безвредны для детей.

Между вопросами здоровья, творчества, волевой закалки, этики, героизма и сексуальностью столько перекрещивающихся путей, что в серии бесед на тему «социология и психофизиология пионерски-комсомольского быта», в серии, развернутой на 5—6 полуторачасовых бесед, можно незаметно изложить популярную энциклопедию по вопросам правильного полового поведения. Нужно вполне определенно указать, что голые физиолого-гигиенические указания никогда не удовлетворят подростка, если не будут даны в богатом окружении и на основе социально-этических и героически-волевых предпосылок, в сопровождении исторических и художественных иллюстраций как из прошлых эпох, так и, тем более, из современности. Тон материалов — ярко оптимистический; шельмования, порочения «виновных» не должно быть ни в коем случае; выводы должны быть даны конкретные, действенные, доступные; возможности волевой тренировки должны быть открыты самые обширные.

Особенно богатый объективный и субъективный эффект дает подростническая аудитория после изложения перед нею проблемы переключений, после иллюстраций о соотношении между половым уродством и праздно пропадающим творческим богатством: этот материал становится у многих неисчерпаемым стимулом для ценнейших самовоспитательных мероприятий. Как начало, так и конец всякой такой беседы должны быть внеполовыми, что и соответствует действительному содержанию половой проблемы, так как, фактически, особого, специального полового вопроса не существует, что мы и видели на всем протяжении нашей брошюры.

Вполне очевидно, что поданный в беседах материал не должен застревать инородным телом в мозгу ребят. Его необходимо тотчас же подхватить во всей педагогической работе, углубить, детализировать, незаметно пропустить части его через содержание всех прорабатываемых детьми дисциплин, опять таки не заостряя специально половых его кусков, но и не избегая их панически, в том же уклоне, как это было сделано на самих беседах. Не менее очевидно, что беседы должны планомерно совпадать с *глубокой встряской в содержании всей учебно-воспитательной работы*. Только в сопровождении такой всесторонней, органической встряски, перестраивающей педагогическую работу в ее глубинах, может получиться продуктивный результат и от самих бесед. Новая постройка учебно-воспитательного материала, новый подход педагогов, освежение детских группировок, оживле-

ние общественной работы ребят, энергичная мобилизация пионерско-комсомольского ядра, энергичный, чуткий контроль над новыми элементами детского быта и т. д., — только в таком «окружении» беседы действительно перестанут быть стихийными дезорганизаторами детской сексуальности, а сделаются здоровыми ее организаторами. Если нельзя было их в данном случае избежать, еще меньше прав у нас предоставлять их влияние в распоряжение стихии.

Ясно, что наихудшей базой для проведения «половых бесед» является пионерский отряд — именно потому, что в нем отсутствует главная предпосылка, без которой мы не в праве прибегать к такой операции, отсутствует возможность использования беседы для органической перестройки элементов всей учебно-воспитательной работы. Дети в отряде проводят лишь незначительную часть своего времени, после сборов они расплываются по различным школам, и проследить, организовать *дальнейший эффект бесед* так же, как и *предварительно* подготовить для них общую почву, у нас нет возможности: для этого пришлось бы взять в свое ведение сразу все школы, из которых пришли дети в отряд, что, конечно, неосуществимо. Дети от беседы получают лишь толчки, но дальнейшее направление их реакций на беседу окажется уже вне наших регулирующих сил, т.-е. во вред детям. Это не мешает, конечно, взять в более внимательную сексуально-просветительную обработку вожаческий и вообще наиболее активированный кадр пионердвижения, который должен быть самым энергичным нашим помощником в деле полового оздоровления детворы.

Что касается узкого вопроса о специальной гигиене половых органов (гигиена менструаций, опрятность в области мошонки и т. д.), эти указания не требуют специальных коллективных бесед, а должны быть преподаны индивидуально детям врачами и знающими педагогами, при максимальном использовании в этом деле *культурной родительской помощи*.

Роль родителей, в помощь педолого-педагогическим работникам, для целей полового воспитания и полового просвещения чрезвычайно велика. Без их разумного содействия школа одна не в силах будет справиться с этой тяжелой задачей. Если специальное половое просвещение — рискованное дело для детворы, в то же время для родителей оно совершенно обязательно, и родители детей должны в первую голову подвергнуться всесторонней сексу-

ально-просветительной обработке не только теоретической, но и конкретно-методической. Они должны серьезно знать основное в области полового воспитания, они должны быть бдительными нашими эмиссарами в семейной обстановке. Все, что мы в десятках глав говорили, как об обязательном для педагога, в совершенно одинаковой степени обязательно и для родителей, конечно, при учете специальных семейных условий, отличающихся, в оттенках, работу родителей от работы организованного детучреждения¹⁾.

Надо ли создавать особые кружки родителей или педагогов (либо смешанные кружки), занимающиеся проработкой полового вопроса и, в частности, вопросов полового воспитания? Нет, не надо! Ведь основная сущность действительно правильного подхода к половому воспитанию — ни в коем случае не выделять его специально, не обособлять его от всей педагогической системы, учитывать его лишь, как органическую часть этой системы, часть, правда, чрезвычайно острую, нередко трагическую, но все же неотъемлемую часть целого, а не самостоятельное целое. Организовать особые «половые кружки» — значило бы отвлечь внимание от всей педагогической работы в целом, что было бы в первую очередь опасно именно для полового воспитания. Поэтому возможны кружки «по детскому быту», «по детскому коллективу», «по общественному воспитанию детей», и т. д., изучающие среди других частей кружкового плана также и половые вопросы, но ни в коем случае не следует организовывать особых «половых кружков».

Что кружки такого рода в среде самих детей создаваться не должны ни в коем случае, это само собой разумеется: конечно, не из ханжеских соображений, а по мотивам практической целесообразности.

XXI. Коллективный и индивидуальный подход в области полового воспитания.

Все, высказанное нами в предыдущих главах, попутно связывало вместе и коллективный и индивидуальный подход. Учитывался индивидуальный интерес отдельных детей к половому вопросу, принималась во внимание индивидуальная ранимость или

¹⁾ В оттенках, так как в основном нет принципиальной разницы между обязанностями родителей и школы.

назревшая уже извращенность в половой области, указывалось на необходимость выделения здорового кадра, персональной обработки особо сексуально запутавшихся и т. д. Таким образом, мы сталкиваемся в наших указаниях не с «гуртовым», огульным подходом ко всей детской массе, тщательно выделяя те случаи, где наша тактика требует особых, индивидуальных оттенков. Случаи эти однако, требуют кое в чем более детально развернутой методики, более детальных наших указаний.

Дети, наиболее сексуально дезорганизованные, наиболее замкнувшиеся и одичавшие вследствие половой своей путаницы, требуют несколько более тесной связи с ними в учебно-воспитательной работе. Они должны быть на особом учете, в отношении к ним требуются особо внимательно продуманные меры — по тому же типу, что и всюду развернутые нами выше, их интересы и группировки должны подвергаться самому внимательному изучению. Конечно, основные наши влияния в детучреждении должны быть коллективными, но это не мешает оттенять в отдельных случаях те или иные необходимые вариации. Не следует выпячивать этого индивидуализированного подхода ни в глазах самого ребенка, ни во мнении других детей, — тактика индивидуализации требует чрезвычайных предостережений. Да и самую индивидуализацию следует проводить на общем, коллективном фоне, обрабатывая отдельно ребенка в условиях коллективного его быта, а никак не оторванно от коллектива.

При индивидуальном подходе особенно следует остерегаться обострения эгоцентризма у детей, которых мы выделили, и появления «ревности» у других ребят, оттенять которых не было нужды. Эгоцентризм персонально выделенных ребят может быть двойным, но и первая и вторая его форма обе одинаково нежелательны: 1) «вот меня выделили, — я особенный, — меня любят больше других, отличают и т. д.» (эгоцентризм самовлюбленности); 2) «я гнилой, никудышный, грешный, больной, глупый и т. д., поэтому меня выделили среди других и т. д.» (эгоцентризм самоугрызения). Поэтому не выделять следует таких детей, а лишь частично оттенять подход к ним на коллективном, общем фоне.

В первую очередь следует при этом использовать помощь двух-трех наиболее здоровых и разумных ребят, предупредив их об интимности задачи, с просьбой не разглашать. Тактика частичной индивидуализации, проведенная не нами, а лишь под нашим руководством при помощи товарищей нашего питомца, даст

более выразительные и, в то же время, обезвреженные результаты, тем более ценные, что они окажутся полезными не только для нашего «клиента», но и для помогавших ему ребят, развив у последних педагогическое чутье, здоровый социальный уклон. Связавшись персонально лишь с нами, выделенный нами подросток еще не вращается органически в свой возрастной коллектив, — между тем, связанный с группой наших «содействующих», он прямыми путями, но уже оздоровленными, проникает во всю детскую жизнь в целом и не изолируется, а сугубо коллективизируется в процессе наших совместных выправляющих на него влияний.

Конечно, не следует, при нужде, избегать и непосредственного, специального контакта нашего с отдельными детьми: для особого опроса их, для более интимной беседы, для специальных разъяснений. Однако, кроме указанных уже предосторожностей следует при этом тщательным образом избегать двух возможных и, к сожалению, столь пока частых «перегибов»: нельзя допускать «нежничанье», «сентиментальничанье», слащавую ласковость печальной памяти институтских классных дам, нельзя также переходить на тона менторской холодности, сыска, уловления, запугивания, запретов. Фон такого контакта должен быть простым, ясным, дружески-деловым. Ребенок должен видеть во мне не мудреца, не святого, не судью, а обычного человека, старшего товарища, внимательного, простого, дружески-расположенного, доверчивого. Атмосфера взаимного доверия — вот обязательный фон для такой индивидуальной встречи. Не будет унижением для педагога, если он вспомнит при этом в беседе и о своих собственных ошибках, «грехах», это приравняет его к юному собеседнику, сделает того более доверчивым, более раскрытым и гибким.

На фоне общей оздоровляющей работы, подобные индивидуальные оттенки в подходе сыграют крупную вспомогательную роль, разгружая во-время детский коллектив от лишних трений, от бесплодного балласта.

XXII. Совместное воспитание полов.

Вряд ли у кого из советских педагогов вызывает сейчас сомнение вопрос о совместном воспитании полов. Если косная часть западной педагогики (Холл, Ферстер и др.) панически до сих пор боится совместности, советский педагог свои колебания в этой области, конечно, изжил. Чем раньше объединять оба пола

на совместной учебно-воспитательной работе, чем с более ранних лет развиваются у них совместные интересы, дружные действия, товарищество, общественно-творческое сродство, тем это полезнее и для здорового полового их развития. Сюда же относится и совместный физкульт с ранним привыканием к виду обнаженных тел. Здоровая и ранняя совместность делает более легким и простым усвоение сведений о половой жизни, без грязных к ним добавлений, делает невозможным циничский, похотливый подход к объекту товарищеской спайки, снимает лишний груз с ранней половой романтики, — одним словом, срывает с большой сексуальности современного детства ряд пластов, порожденных уродливыми социально-педагогическими влияниями.

К несчастью, детучреждение, как бы блестяще оно ни проводило совместность, оказывается далеко не исчерпывающим фактором в области полового воспитания, и то здоровое, ценное, что может быть создано хорошо поставленной общепедагогической работой, зачастую срывается семьей и социальной средой в широком ее окружении. К еще большему несчастью, далеко не во всех детучреждениях хорошо реализуется и самый принцип совместности. Вот почему, практически, в этом вопросе существует еще у нас частичная дискуссия.

Во всяком случае, нежелательных половых установок всего меньше бывает именно в тех учреждениях, где раньше всего начали проводить совместность, при чем носителями нежелательного полового материала обычно являются не стажированные дети учреждения, а пришельцы со стороны, вошедшие в группу уже сравнительно в позднем возрасте и не получившие во-время полезных навыков совместности. Конечно, чем позже начинать совместное воспитание, тем меньше результатов оно дает, но и в позднем возрасте полезность его значительно большая, чем возможная вредность, что мы видим хотя бы в высших учебных заведениях, где совместная учебно-общественная работа студентов обоих полов не разнуздавала, а, наоборот, смягчила сексуальность.

Все меры по половому оздоровлению детучреждения, все методы наилучшей организации наиболее ответственных частей общевоспитательной работы всегда разворачиваются особенно энергично, если в этой работе участвуют дети обоих полов, — конечно, поскольку совместность их работы хорошо направляется и организуется. Разнообразие дополнительных элементов, вносимых обоими полами в свою совместную жизнь, вносит добавоч-

ное богатство, своеобразие в содержание детской активности, в получаемые ими впечатления и, в конечном итоге, является незаменимым социально-творческим материалом, которого нет там, где отсутствует совместное воспитание. Точно также отдельные случаи половых отклонений в учреждении рассеиваются быстрее, без осложнений, если борьба с ними происходит на совместных началах.

Конечно, имеются и границы для этой совместности. Чем старше становятся дети, тем границы эти суживаются больше. Однако, чем сексуально здоровее дети, чем длительнее стаж их совместного пребывания, чем глубже использована их совместность, тем спокойнее и медленнее сжимаются эти границы. Понятно, совместные спальни, совместное купанье позже 8—10 лет в большинстве уже не желательны, так как вопросы об анатомо-физиологической разнице полов могут при этом иногда детьми сексуально заостряться, но и здесь допустимы более широкие возрастные возможности при условии абсолютно здоровой половой атмосферы в учреждении.

Сложнее приходится ставить вопрос о совместности по отношению к детям трудновоспитуемым, находящимся в специальных учреждениях. Если мы учтем, что педагогическая трудность выявляется чаще всего в переходном, т.е. в сексуально наиболее ранним возрасте, если трудность эта в подавляющей своей части обусловлена тяжелыми, уродливыми социально-педагогическими условиями (улица, разрушенная семья, уродства воспитания и т. д.) — понятно, такой массовый материал, впервые собранный на одной территории в *позднем возрасте*, для совместности мало пригоден. Лучше всего, если есть возможность, оставлять «трудняка» в прежней школе, где он был до того, так как она реорганизуется его легче нового учреждения. Если это неосуществимо (при необходимости изоляции или узко-специальных педагогических подходов), водворение его и ему подобных пришельцев со стороны в специальную школу затрудняет, конечно, реализацию совместности в последней. Как ни печально это в принципиальном смысле, надо четко уяснить в таких случаях возможный вред совместности и сделать все, чтобы его избежать.

Меньше всего опасность совместности для *мнимотрудных* ребят, для многих из среды бывших беспризорных, добровольно водворенных в условия здорового труда и активной общественности. При хорошей организации трудколонию для таких детей

совместность облагораживает нравы детей и является одним из лучших стимулов к общему их самоперевоспитанию. Надо лишь следить, чтобы влиянием в трудкоммуне не овладели половые организаторы, но этот момент ведь является предохраняющим и во всех так называемых нормальных детучреждениях. Если тяжелый криминальный состав в подобной трудколонию не преобладает, является одиночным, совместность вполне возможна и обязательна. Если же криминальное ядро слишком влиятельно, проблема совместности требует предосторожностей и зоркого выжидания. Во всяком случае все учреждения подобного типа принципиально обязаны ориентироваться на дальнейшую полную совместность и должны предпринять все, чтобы обеспечить скорее и безвреднее конечную реализацию этой совместности: осторожно сближаясь со здоровыми совместными детучреждениями, организуя эпизодическую и более длительную совместную работу, экскурсии и т. д.

В частности для наиболее трудного мужского детучреждения, в котором совместность сейчас совсем неосуществима, необходимо провести принцип обслуживания женским педагогическим и техническим персоналом (не исключительно женским, но им в значительной степени). Опасения ряда психиатров начала XX века, будто женский персонал в мужских психиатрических больницах опасен, не только не оправдались, но были вдребезги разбиты обратным материалом, полезнейшим лечебно-перевоспитательным эффектом женского влияния. Еще более нелепы подобные опасения в отношении к трудным учреждениям для мальчиков, так как мальчики сексуально менее опасны, чем взрослые душевно-больные.

Поменьше паники в вопросе о совместном воспитании, побольше здорового оптимизма, конечно, при обязательном учете всех возможных вредностей и при заблаговременной организации всех необходимых предупредительных мер!

XXIII. Нужна ли установка детства на „половой аскетизм?“

«Является ли система переключений призывом к выхолащиванию из детского душевного развития всех частиц развивающейся сексуальностью» — таков вопрос, адресуемый нам иногда в письмах, записках и в дискуссионных выступлениях. «Не

является ли ваш подход к половому воспитанию проповедью сто-процентного полового аскетизма» — все тот же вопрос, но лишь в ином словесном сочетании. Вопрос чрезвычайно острый, решающий, на него необходимо ответить вполне отчетливо, недвусмысленно.

Основное недоразумение заключается в том, что часто путают понятие «сублимация» с понятием «переключение». «Нельзя же сублимировать до бесчувствия, до полного иссушения полового содержания в человеке» — вполне резонно замечают иногда наши критики. Но мы и не призывали к стопроцентной «сублимации», мы вообще, как знает читатель, ни разу не упоминали слово «сублимация» на протяжении всей брошюры.

Что такое сублимация? Это процесс превращения полового химизма, энергии половых процессов, в иные, «более высокие», творческие процессы. Сублимация — буквально в переводе, означает перевод в высшую ступень (sublimer — высший). Если действительно все 100% сил, связанных с половой функцией, обращать целиком на «высшие процессы», — нет сомнения, опасность выхолащивания полового содержания в человеке угрожала бы вполне серьезно при таком подходе. Половая функция, не получая специального подкрепления для себя, постепенно угасала бы, что лишало бы человека в дальнейшем и самого источника сублимации, так как нечего было сублимировать. Однако, повторяем, мы нигде к этому «стопроцентному сублимированию» не призывали. Именно поэтому мы и предложили, несмотря на протесты, совсем отказаться от термина «сублимация» и воспользоваться другим психоаналитическим понятием — *переключение*: во-первых, переключение энергии возможно не только из полового источника в высшие процессы¹⁾, но и из любого источника в какой угодно другой участок тела, как «высший», так и «низший»; во-вторых, мы вовсе не считаем половые процессы «низшими» и совсем не склонны вводить принципы буржуазно-ханжеской этики в психофизиологию.

Сущность основного расхождения нашей точки зрения с позицией фрейдистов заключается, как видел читатель, в том, что там, где фрейдисты *первично* ищут половых корней, последних,

¹⁾ Фрейд, впервые использовавший этот термин, точно указывал, что он понимает его исключительно как процесс перевода половой активности на творческие процессы.

в подавляющем большинстве случаев, *по нашему мнению* не оказывается: половое содержание тех или иных психофизиологических областей оказывается вторичным, производным, отраженным — в результате расстройства всей системы энергетических переключений и половых — в последнюю очередь, как наиболее поздних по возрастному их появлению. Естественно, что мы и не могли призывать к стопроцентному сублимированию ранних половых элементов, так как мы не считаем ранних эмоциональных элементов детства специфически половыми.

Наша платформа — тщательнейшая, с первых месяцев жизни, организация всей системы эмоционально-энергетических переключений таким образом, чтобы общие энергетические запасы детства не подвергались ранней и нелепой сексуализации, вырастающей из уродливых воспитательных условий, провоцирующих половое отравление тела. Требовать предупреждения этой *противоестественной сексуализации* — это вовсе не значит бороться против естественной, физиологически законной возрастной сексуальности. Требовать ликвидации *наносного, ядовитого* полового содержания в сексуально отравленных не сексуальных процессах — это вовсе не значит выхолащивать здоровое сексуальное начало в человеке. Не так ли?

Когда мы боремся с избыточными аутосензорными тяготениями (гл. III), когда мы переключаем половую «сверхромантику», мы ни в чем не атакуем здоровую сексуальность, — наоборот, именно этим мы обеспечиваем ей *максимально естественное здоровое направление*. Избыточная аутосензорность, «сверхромантика», как мы всюду указывали, *не вырастают из сексуальности*, а *врастают, вталкиваются в сексуальность* влияниями извне. Вырывая из них «сорные половые травы», мы помогаем и общей энергетике и самой сексуальности, которая иначе захлебнется в тине этой противоестественной чрезмерности, *паразитарно во-круг нее обвившейся*. Неужели такой подход можно считать системой «выхолащивающих переключений»?

Мы, на основании богатого нашего практического материала и на основе ценных научно-литературных данных мировой сексологии¹⁾, не сомневаемся в том, что ранняя детская сексуализация, ранние чувственные половые тяготения, ранняя половая влюб-

¹⁾ В мировой сексологии, как и в других отраслях науки, конечно нет единомыслия.

чивость — не сексогенного, а социогенного (из социальной среды) происхождения. Поэтому яростно противодействуя обкрадыванию общей чувственности и ценнейших черт социальности, мы не разоряем, а, наоборот, обогащаем сексуальность, которая в свое время получит, таким образом, не загаженный эмоциональный источник, а наилучшее, кристально чистое, сочное питание для себя.

В переходном возрасте половые акты, «стоцентная половая влюбчивость» и пр. — это отравляющая накипь, наносное, вот почему все орудия наши мы против них и направляем. Но это вовсе не значит, что мы преследуем интимное зарождение начальных элементов здоровой, красивой подростнической эротики, что мы гоним вон нежные, мягкие, хрупкие эротические элементы, включающиеся в общую систему богатой романтики переходного возраста. Мы не считаем всю переходную романтику эротической — вот в чем дело; мы знаем, наоборот, что эротические зачатки — наиболее слабая и неяркая пока ее часть (рост ее — дело позднейшего возрастного развития). Вот почему мы не склонны считать нормальным явлением максимальное переключение богатейшей, творческой романтики подростка на рельсы «влюбчивости». Этим мы не обкрадываем «влюбчивость», но оберегаем от ее собственных воровских намерений наилучшее творческое добро развивающегося человека. Если мы сохраним это добро для данного периода, зрелая любовь от такого «режима экономии» максимально выиграет в своей полноте, глубине, устойчивости.

Чем лучше организовано половое воспитание, т.е. общее воспитание в целом, тем медленнее, мягче, интимнее разворачивается действительно здоровая сексуальность, — и борьба за смягчение, замедление половых сгущений — это борьба за здоровую сексуальность, а не против нее.

Среда, где подростки часто влюбляются, сексуально ревнуют, впадают в романтические «трагедии» — это сексуально нездоровая среда, плохо переключающая детскую энергетику и чрезмерно много запасов последней вливающая в половые каналы. Если нам укажут, что Толстой, Руссо, Достоевский и некоторые другие великие люди рано влюблялись, ревновали и т. д., мы возразим, что это вовсе не говорит о здоровом эмоциональном развитии их в детстве, наоборот, очевидно, среда далеко не все использовала в их творчестве, что можно было, — не даром именно эти личности

были наиболее противоречивыми, раздвоенными, трагическими по своей биографии.

Ранняя богатая и сложная сексуальность действительно говорит часто о чрезвычайном эмоционально-творческом богатстве (иначе откуда родилась бы эта богатая сексуальная эмоция)¹⁾, но, к несчастью, и о *слишком рано изуродованном богатстве, уродливо переключенном*. Что оказалось бы, если бы не произошло этой ранней сексуализации? Гармонический, ничем не сдерживаемый эмоционально-творческий рост, несравнимый по богатству с тем, что было: Толстой оказался бы трижды Толстым, притом без его сексуально-трагической подростнической стадии («Исповедь»), без его мистически-реалистического творческого раздвоения и т. д., и т. д.

Может ли подобный подход к воспитанию сексуальности «обезрадостить» детство, а затем и позднейшие возрасты, может ли он ограбить половую любовь? Является ли он аскетическим подходом?

Нигде, ни в чем не советовали мы внушать детям отвращение, презрение, холодность к половому. Такие указания были бы вредны и практически бесполезны, так как разъяснениями нельзя перестроить естественные глубинные эмоциональные установки человека. Наоборот, вся наша тактика во всем ее педагогическом содержании была тактикой напряженной, бережной непрерывной защиты всего того яркого, ценного, сильного, радостного, что содержится в здоровой половой любви. Именно для сохранения в дальнейшем этой радости, силы, яркости — дети и включаются в условия наилучшего воспитания своей энергетики. И они должны понять это вместе с нами, не только понять, но и прочно, глубоко почувствовать. Как нельзя править аэропланом, пока не обучен этому — надо учиться, как нельзя рожать детей, если организм еще для этого не годится — надо дозреть, так же не следует разворачивать и преждевременную сексуальность: не запрет, не насилие детей над собой и наше над ними, а сложная, ответственная система эмоционально-энергетических мер, мер переключения, при которых преждевременная сексуальность не должна появляться.

В этой системе переключений главный фактор — вся социальная среда в целом, мы — ее педагогические организаторы, дети — наши ответственные сотрудники и ценнейшие помощники.

¹⁾ См. гл. XVIII.

Это не борьба за аскетизм, это борьба за здоровую и радостную половую любовь в свое время и на своем месте.

Справка. Половой вопрос, теоретически и методически, печатно проработан автором в следующих книгах:

1) «Очерки культуры революц. времени» (статья в I отделе книги); изд. «Рабпрос» 1924 г.

2) «Революция и молодежь» (ст. IV); изд. «Свердл. унив.» 1925 г.

3) «Вопросы советской педагогики» (ст. IV, VII, VIII); Гиз, 1926 г.

4) «Половой вопрос в условиях советской общественности»; Гиз, 1926 г.

5) «Жизнь организма и внушение» (целиком о теории переключений); Гиз, 1927 г.

6) «Основные вопросы педологии» (гл. IV, V, VII и послесловие), изд. «Рабпрос» 1927 г.

Готовятся к печати:

1) «Половой вопрос и советская молодежь»; изд. Наркомздрава.

2) Половой вопрос в пионерработе; изд. «Молодая Гвардия».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3
I. Место полового воспитания в общей педагогической системе	5
II. Общие научно-биологические предпосылки полового воспитания	6
III. Этапы полового развития растущего человека	15
IV. Основные пути половой активности детства	26
V. Основные признаки болезненных отклонений в половом поведении детей	34
VI. Основные формы половых отклонений детства	41
VII. Влияние социальной среды на развитие половых проявлений детства	60
VIII. Учебно-воспитательный процесс, как методическая основа всего полового воспитания	65
IX. Основные черты переходного возраста, как база для полового воспитания в этом критическом периоде	67
X. Педагогическая среда, как фактор полового воспитания в переходный период	71
XI. Общественное воспитание, как фактор полового воспитания	78
XII. Естествознание и смежные дисциплины с точки зрения полового воспитания в переходном возрасте	81
XIII. Искусство, как фактор полового воспитания	83
XIV. Труд, как фактор полового воспитания	88
XV. Детский коллектив, как фактор полового воспитания	92
XVI. Пионерское движение, как фактор полового воспитания	99
XVII. Физкультура и половое воспитание	102
XVIII. О методике специальных переключений	106
XIX. Роль личности, как переключающего фактора	114
XX. Половое просвещение	120
XXI. Коллективный и индивидуальный подход в области полового воспитания	132
XXII. Совместное воспитание полов	134
XXIII. Нужна ли установка детства на «половой аскетизм»?	137